Гай Юлий
Орловский
МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА
АНГЕЛ С ЧЕРНЫМ МЕЧОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нет более важной задачи, сообщил падший ангел, чем закрыть Врата Ада. Иначе поток демонов вот-вот сметет с пути все человечество. Пока Азазель и Михаил ищут пути закрыть эти Врата, продолжая сражаться с демонами и нефилимами в аду и в мире людей, Михаилу начали помогать две соперничающие демоницы, у которых не совсем понятные интересы.

- Гай Юлий Орловский
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15

- Часть третья
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7

Гай Юлий Орловский
Ангел с черным мечом

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Орловский Г. Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Часть первая

Глава 1

Багровые тучи, похожие на табун лохматых огненных коней, с грозным гулом промчались по низкому своду из красного камня. Резко и страшно обнажились багровые трещины и грозно торчащие исполинские зубы обугленных вечным жаром скал.

Михаил собирал рюкзак, когда крупнозернистый песок вперемешку с мелкими камешками затрещал под шагами приближающейся Обизат. В крупных зеленущих, как у молодого кузнечика, глазах он рассмотрел обиду, а бледное детское личико с нежным румянцем стало еще бледнее.

– Ничего не пойму, – заявила она сердито. – Доспехи и мечи просто чудо, башмаки новенькие, а карманы пустые! Даже у командира. Так не бывает.

Михаил покосился на ее красиво вздернутые, словно в вечном изумлении, широкие брови, но промолчал, в преисподней для него нет ответов, сосредоточенно складывал в рюкзак вещи и затягивал шнурки, чувствуя под собой жар прокаленного песка, зато Азазель пояснил голосом доброго наставника:

– Им велено не засвечиваться, детка. И знаков различия нет, верно?.. Вежливые такие зеленые человечки…

– Они не зеленые, – возразила она.

– Не рассмотрела, – сказал он. – Сама еще зеленая.

– Я не зеленая, – ответила она с негодованием и, тряхнув красными, как жаркий огонь, волосами, взглянула на молча слушающего Михаила. – Но если мой господин прикажет, буду и зеленой.

Михаил в неловкости подвигал задом по сухой прокаленной земле.

– Собираемся? – спросил он Азазеля. – Уходим?

Азазель на корточках старательно завязывал почти опустевший рюкзак, даже не поднял головы.

– А чего голосок дрожит? – ответил он насмешливо. – Не боись, других заданий нет. Отдохнешь дома, а то рассиделся тут. Понравилось, кто бы подумал…

Он разогнулся и застыл. Впереди шагах в пяти накаленный воздух задрожал, сгустился. Красиво и грациозно вышла, как из шатра, раздвинув полог, рослая женщина в постоянно меняющемся платье. Волосы тоже становятся то иссиня-черными, то пепельного цвета, даже красными, синими, меняют размер – от короткой прически до распущенных по спине и груди роскошных прядей с крупными локонами.

Глаза ее, выпуклые и широко расставленные, то светлые, как

горный лед, то синие-синие, тут же становятся зловеще-багровыми, словно череп полон горящих углей.

Азазель охнул:

– Да что это… Я даже не слышал…

Михаил молчал, потрясенный еще больше Азазеля. Вокруг этой необыкновенной женщины пространство сминается волнами, черная мохнатая бабочка застыла в полете с полусложенными крыльями, а взлетевшая от ног Азазеля красная пыль так и осталась висеть в воздухе.

Женщина приближается неспешно, иногда погружается в землю до колена, но продолжает идти, словно земля не земля, а легкий туман, и все это время не сводит с них вопрошающего взгляда.

Все трое замерли и молча ждали, как вмороженные в лед лягушки, а женщина, замедляя шаг, поинтересовалась прекрасным музыкальным голосом:

– Кто вы, существа?

Обизат съежилась, перепуганная, как мелкая мышка перед огромной кошкой, Михаил не нашелся с ответом, только Азазель сказал заискивающе:

– Бедные странники…

На полных губах странной женщины промелькнула улыбка, но глаза остались серьезными.

– Странники… да еще бедные?..

– Да, госпожа, – подтвердил Азазель истово. – Бредем вот по дорогам, аки птички, что кизяками питаются.

Она произнесла тем же музыкальным голосом:

– Тогда почему ад качнуло, словно лодку на воде, как только вы вошли?..

Азазель сам дернулся, взглянул дикими глазами.

– Госпожа?.. А мы при чем?

Она сказала сомневающимся тоном:

– Совпадение?

– Оно самое, – подтвердил Азазель. – Взгляните на моего друга, он же дурак дураком, издали видно, а я хоть и хитрый, но бедный и слабый!.. Как-то чихнул, тут же с неба звезда упала! Мог бы сказать, что это я ее так, но совпадение, госпожа, везде одни совпадения… Мир нас вообще не замечает, мы как три мелкие мухи на спине самого большого слона на свете…

Она покачала головой, не отрывая от него взгляда спокойных глаз.

– Но мир стал другим, – сказала она ясным голосом, – едва вы вошли. Я заметила. И даже увидела, как начал меняться… Если не вы, что с вами вошло? Нечто настолько… что просто…

просто такого не может быть.

Азазель спросил почти шепотом:

– Насколько… какое?

– Огромнее, – ответила она, – чем весь ад и весь мир. Такое не могло быть, но я видела.

Михаил напрягся, есть одно-единственное объяснение, когда нечто более крупное может войти в бесконечно малое, но смолчал, раз он дурак дураком, что видно даже издали, смотрел то на прекрасную женщину, то на Азазеля, а тот кланялся, разводил руками, пожимал плечами и всячески изображал перепуганного нола.

Она снова оглянула их спокойными глазами, сделала рукой движение, словно отодвигает незримую штору. Михаил застыл, увидев страшное темное небо, озаренное багровым огнем вселенских пожаров, с плавающими в пространстве обломками разрушенных миров, с исполинскими кометами, в ядре которых сотни галактик, застывшими взрывами старых вселенных…

Шторы праматерии беззвучно сдвинулись за странной гостьей, Михаил с шумом выпустил распирающий его воздух, сообразив, что все время задерживал его в груди.

– Кто, – прошептал он вздрагивающим голосом, – она?

– Не знаю, – ответил Азазель. Вид у него тоже вздрюченный, – спроси Обизат, женщины все про женщин знают.

Михаил послушно повернулся к Обизат:

– Ты в самом деле знаешь?

Она огрызнулась:

– Кого ты слушаешь, господин?.. Он врет и не чешется. Откуда я могу знать? Я ничего не знаю о Касикандриэре.

Азазель оживился.

– Как, как ее зовут?

– Касикандриэра, – повторила Обизат сердито. – Никто не знает, кто она. И откуда. Вот взяла и появилась!.. Еще в самом начале. Не ангел и не демон. Говорят, сильнее всех в аду, но никто не проверял.

Михаил сказал мрачно:

– Никто и ничто не может из ниоткуда. Господь сотворил все!.. Есть люди, ангелы и демоны. Больше никого.

– Но она есть, – напомнил Азазель. – Не демон и не ангел. А что не человек, поймут даже меднолобые.

– Ну спасибо, – буркнул Михаил. – Моему медному лбу поскорее бы из этих счастливых мест.

– Дай перевести дух, – сказал Азазель, взглянул на него и пояснил: – Это не через брод перевести, а вежливая форма «Надо восстановить силы».

– Понадобятся не годы?

Азазель огляделся.

– Не понадобятся. Место хорошее, никто не видит.

Михаил зябко повел плечами, хотя сухой жаркий воздух заставлял чувствовать себя как в той печи, из которой однажды выволакивал отроков, жаждавших мучительной смерти во славу.

– Но эта же… как ее, Кикандрола, нашла?

– Касикандриэра, – поправила Обизат. – Она особая. Никто не знает, кто она и откуда она. Был слух, что была еще до сотворения мира, но разве такое могло?

Азазель отмахнулся, Михаил хмыкнул и, забросив рюкзак за спину, привычно подтягивал лямки. Азазель оглядел, сказал критически:

– Вот тут перекосило… Правую подтяни туже. И поправь на спине, а то натрет…

Лицо его было настолько серьезное и озабоченное, что Михаил, опомнившись, спросил с подозрением:

– А что, переход будет длинным?

– Да, – подтвердил Азазель. – Но, правда, коротким. Две-три миллисекунды.

– Свинья полосатая…

Он недоговорил, Азазель обнял его и Обизат за плечи, блеснул слепящий свет. На кратчайший миг Михаил успел увидеть первозданный мрак, но тут же подошвы ударились о твердый и восхитительно ровный пол.

Азазель толкнул дверь тесной каморки, Михаил и Обизат вышли в залитую ярким светом прихожую.

Обизат вскрикнула в страхе:

– Ой, что это…

За спиной раздался громкий голос:

– Ваш смертный час!

Михаил развернулся и застыл, прямо в глаза смотрит дуло пистолета. Рукоять как влитая в мощной лапе крупного мужчины, больше похожего на гориллу. Лицо вроде бы человеческое, но что-то в нем неправильное, а справа и слева еще двое, коренастых и угрюмых, с пистолетами в руках, нацеленными в Азазеля и Обизат.

У всех троих суровые лица, испещренные боевыми шрамами, а их вожак, его легко узнать по движениям и властному виду, потребовал громовым голосом:

– Кто из вас Азазель?

Азазель проговорил медленно:

– Ребята, я вам что-то покажу…

– Кто из вас, – повторил вожак лютым голосом.

– Я вытащу очень медленно, – пообещал Азазель, – никакого сопротивления, увидите!

Он в самом деле замедленными движениями снял с плеча рюкзак, опустил на пол. Стволы пистолетов чуть наклонились, сопровождая его при каждом движении.

Пока Азазель расстегивал пряжки, Обизат наконец заговорила:

– Ты… Кокендр? Старший сын Менаньяха?.. Ты еще не знаешь, но все отменяется… Заран убит, во главе клана снова Малфас.

Вожак прорычал мощным голосом:

– Заран?.. Заран не может погибнуть!

Азазель очень медленно достал из рюкзака амулеты, которые снял с груди Зарана, показал всем троим.

– Узнаешь? – спросил он вожака и бросил ему под ноги. – Их можно снять только с убитого.

Михаил молчал, но не двигался и старался выглядеть как можно загадочнее и опаснее.

Вожак некоторое время смотрел на амулеты, наконец нагнулся, взял один в ладонь.

– Да, – проревел он озадаченно и уже не так угрожающе, – это снимают только с убитого. Покажу в клане.

Он спрятал пистолет, за ним молча сунули за пояса свое оружие и двое соратников.

– Все отменяется, – подтвердил он. – Уходим.

Михаил так и не сдвинулся с места, провожая их взглядом, а когда те прошли прихожую и вышли на лестничную площадку, Азазель буркнул:

– Видишь, Мишка, сколько нам работы?.. Нельзя, чтобы выходцы из ада вот так просто расхаживали в нашем мире!

– Вооруженные, – проговорил Михаил, он чувствовал, как сердце колотится, словно у пойманного зверька, – и опасные…

Обизат перевела дыхание, посмотрела по сторонам, глаза стали огромными, как чайные блюдца, и еще зеленее, словно изумруды вспыхнули под лучами утреннего солнца.

– Где… мы? Куда ты нас…

Михаил повел взглядом по роскошной прихожей, с прекрасной мебелью, хрустальной люстрой, шикарными зеркалами, вспомнил, что и сам в первый день испытал такой же шок, войдя в квартиру Азазеля.

– Моя нора, – гордо ответил Азазель. – Располагайтесь, как дома. Но не поджигать, не ломать, не сорить, на пол не плевать, нос и пальцы о шторы и скатерти не вытирать.

Глаза Обизат стали еще огромнее, в испуге осматривалась,

голосок ее стал трусливым:

– С места не сдвинусь… Страшно как… А что такое шторы?

Михаил сказал с сердцем:

– Да нет у него штор. Как и скатерти. Пугает, нрав у него такой дурной. Не бойся, пойди вот там сядь. Но сними мечи, диван поцарапаешь, Азазель нас поубивает.

Она охнула:

– Поубивает?

– Еще хуже, – уточнил Михаил, – заест.

Глава 2

Он помог ей расстегнуть перевязи с мечами, сам отнес в прихожую и повесил на ремнях рядом с верхней одеждой.

– Страшно, – повторила Обизат зачарованно. – Так вот он каков, мир человеков…

– Да ты садись, – велел Михаил. – Диван не укусит, я уже проверил.

– А укусит, – сказал Азазель серьезным голосом, – бей в морду. У меня умный интеллигентный дом, понимает только насилие.

Обизат послушно подошла к дивану, но взглянула по дороге в окно, отшатнулась.

– Мы где?

– В башне, – пояснил Михаил. – Высокой. В Аду таких нет.

Азазель сказал строго:

– Сири, не спи. Видишь, гости из деревни? Давай на стол все готовое и натуральное. Без гэмэо и глютена. Остальное дожаришь потом. Будет невкусно – заставлю самой все съесть!

Обизат с непониманием посмотрела на Михаила:

– Это он… кому?

Михаил отмахнулся:

– Не обращай внимания. Это мир людей, здесь все сложнее и проще. Сири не демон, а умная вещь. Даже умнее здешнего хозяина.

От противоположной стены донесся милый женский голосок:

– Спасибо.

Обизат дернулась, но тут же выпрямилась и застыла с ровной спиной и гордой посадкой головы. Панцирь из кожи красиво вздулся на груди двумя небольшими холмиками.

Михаил видел, что ей все еще страшно, но девочка старается держаться с достоинством, с надеждой смотрит, как свободно передвигается в этой пугающей своим величием норе Азазель, как без всякого напряжения держится Михаил, ее повелитель, сама изо всех сил старается погасить испуг, хотя удается пока что не очень.

Азазель взглянул на нее с насмешливой симпатией:

– Малышка, первое, что показывают гостям, это место, где можно помыть руки.

Она спросила с пониманием:

– Такой ритуал?

– Да, – ответил он, – это эвфемизм, никто их там не моет, люди всегда врут, кроме меня, как я только что доказал, зато это

единственное место, где можно пописать, и никто не будет показывать пальцем. Пойдем, покажу.

Она послушно пошла с ним, Михаил проводил их взглядом, с этим чистым, хоть и драчливым ребенком будут немалые сложности, нутром чует. У людей предчувствия рулят сильнее, чем разум, а разбираться ему, как же, повелитель и господин, с ума сойти. Это значит, он и отвечает.

Вернулся Азазель один, Обизат пришла чуть позже, в самом деле умытенькая и посвежевшая.

Входная дверь звякнула, предупреждая о госте, тут же распахнулась, вошел Бианакит, суровый и весь в ауре сдержанной мужской силы и готовности к бою.

Азазель коротко обнял его, тут же развернул и толкнул в сторону кухонного стола.

– Садись. Вино пить умеешь?

Бианакит искренне удивился:

– А что, его где-то учат пить? Дашь мне в ту школу рекомендацию хоть на один курс?

Михаил сел за стол с ним рядом, из кухни мягко выкатился на резиновых колесиках загруженный столик. Обизат подпрыгнула и вскинула ладонь к плечу, где пальцы должны ухватиться за рифленую рукоять узкого меча, но отважные мужчины не обращают на столик внимания, и она опустила руку, стараясь делать это понезаметнее.

На верхнем этаже двигающегося столика три тушки обжаренных кур, на втором блюда с рыбой, хлеб, специи и даже большая бутылка с вином.

Азазель с заметным удовольствием расставил бокалы, разлил вино. Обизат смотрела на Михаила и старалась держаться, как и он, а после второго бокала вина, уже с разрумянившимися щеками, спросила стеснительно:

– Мой господин, а какое великое деяние вы совершаете в этом жутком мире людей? Мне будет легче служить вам, если буду знать.

Михаил запнулся с ответом, на помощь пришел злорадно улыбающийся Азазель:

– Вообще-то, лапушка, помогаем Творцу.

Она в великом изумлении распахнула розовый ротик:

– Что-о-о?

– Правда, – уточнил он, – ему не сообщая и даже не спрашивая разрешения.

Михаил спросил с сомнением:

– У тебя это помощь… бунтарство или подхалимаж? Что-то не пойму.

– Да, – произнесла Обизат с недетской осторожностью, – и мне как-то непонятно. Хотя я с теми, за кого мой господин, и против тех, с кем он сражается.

Азазель отмахнулся:

– А ты вообще не пищи. Хотя, конечно, каждый солдат должон знать свой маневр, но какой ты солдат, если у тебя сиськи? Даже две!

Михаил буркнул:

– Вообще-то в армию теперь берут и самочек.

Обизат посмотрела на него с горячей благодарностью, Азазель подумал и кивнул:

– Да, беру свои слова в зад.

– Засовываю, – уточнил Михаил. – Теперь так говорят. Даже в приличном обществе.

– Да где теперь приличное, – сказал Азазель с тоской, – я один в мире, живу без ласки, грусть затая, всегда быть в маске судьба моя… Обизат, давай налью еще, а то Мишка современный, дескать, пусть женщины сами за собой, а я воспитанный интеллигент древней и вымирающей формации, блюду традиции…

Она проследила взглядом, как он наполнил ей бокал темно-красным вином, за это время бутылка заполнилась снова, вообще-то пижонство, мог бы сразу в фужерах, но любит то ли повыпендриваться, то ли показать себя заботливых хозяином.

– В общем, – велел он ласково, – лучше не рассуждай, а просто пей и слушайся. Все, что ни делаем, правильно и прилично. И что делаем, тоже прилично и правильно. Почти всегда, хоть и невпопад. Но ведь главное, чистые намерения? Всевышний одобрил бы, как и Люцифер. Люцифер хоть и оппозиционер, но системный оппозиционер. С разных сторон работаем над одной проблемой.

Она спросила детским голоском и с большим бокалом вина в руке:

– Какой?

Азазель пожал плечами.

– Неисповедимы пути Всевышнего. А говоря попросту, генералы не раскрывают солдатам планы Генштаба.

– Но как же вы тогда…

– По интуиции, – пояснил Азазель. – Ты пей, пей. Создатель отдал этот мир человеку, а не нам, из-за чего и вспыхнула та свара. Все чаще кажется, что он знал, что делал. Человек за это время размножился и уже сам так дико и странно меняет мир, что понять его закидоны может разве что сам Творец. Теперь помогаем человеку… ну, как получается. Чем больше у человека

успехов, тем больше и врагов, поняла? Как и обещал Иосиф Виссарионович.

Она сделала глоток, послушно кивнула, подняла на него взгляд удивительно крупных зеленых глаз.

– Мужчины всегда правы, – ответила она рассудительно, – так мне сказали в семье. Женщина должна идти за лучшим…

Михаил ощутил, что сейчас скажет свое «…и рожать от него детей», прервал поспешно:

– Обизат, тебе рыбу или крылышко?

Азазель хохотнул:

– Обизат, не пугайся, Мишка старается быть культурным. Мишка, ей еще расти, потому какое крылышко? Клади тушку. Обизат здоровая девочка, слопает и не хрюкнет.

Звякнул сигнал вызова, Михаил повернулся в сторону двери, а Азазель к стене, где экран во всю ширь, щелкнул пальцами.

На фоне захламленного склада появилось вытянутое лицо мужчины среднего возраста с неопрятной бородкой и серьгами в обоих ушах. Михаил старался вспомнить, что это означает, но в голову лезли то шумерские обычаи, то их наследников на Дону, но современная информация куда-то затерялась.

Серьгастый бородач бросил настороженный взгляд на Азазеля, потом на Михаила, что неуклюже старался положить на тарелку Обизат ярко-красные куски форели.

– Это кто у тебя?

Голос его прозвучал скрипуче и неприятно, словно он нарочито старался говорить не своим голосом.

– Работники на кухне, – ответил Азазель, – я же теперь капиталист-предприниматель. И племянница, иначе какой я капиталист без права на непристойный отдых?.. Что у тебя, Авазарник?

– А как они насчет…

– Посвящены, – договорил Азазель. – Хотя вроде нолов, ничего не понимают, но исполнительные. Что стряслось?

– Непонятный демон, – ответил неопрятный бородач, которого Азазель назвал Авазарником.

– По каналам?

– Нет, – ответил Авазарник и посмотрел на Азазеля с хмурой насмешкой и одновременно надеждой. – В подмосковном лесу замечен демон рядом с деревней Оксино. Достаточно крепкий, сильный и опасный. Живет по-прежнему в лесу… Как попал туда, неизвестно. Каналы я проверил.

– Уровень?

– Разговаривать не умеет, – сообщил Авазарник. – На уровне нола, но демон.

– Чем питается? – спросил Азазель. – Лесным зверьем?

По лицу Авазарника Михаил понял, что очень хотел бы подтвердить, но от Азазеля брехню скрыть трудно, потому сказал вынужденно:

– Древесину жреть… Ветки, листья, корни… Что с ним делать?

– Как он к людям?

Авазарник ответил с еще большей неохотой:

– Один раз помог заблудившемуся дураку… Но все-таки демон, надо бы ликвидировать…

Азазель сказал недовольно:

– Ладно, подумаем.

Он отключил связь, Бианакит и Обизат деликатно помалкивали, а Михаил поинтересовался:

– Что будешь с ним делать?

– В смысле? – спросил Азазель. – А что бы сделал ты?

– Да пусть так и живет, – сказал Михаил раздраженно. – Почему обязательно что-то делать? Начнем заниматься такими мелочами, разучимся сражаться с Великим Злом.

Азазель вздохнул:

– Жаль, даже пристроить его некуда. Был бы у меня коттедж с козами и курами, поселил бы с ними, чтобы чистил и навоз убирал… Ладно, пусть живет. Живут же бобры? Здоровые деревья грызут, вред наносят лесопосадкам и даже причиняют.

– Лесопосадкам?

Азазель отмахнулся:

– Не будь занудой. Это в Европе нет леса, только лесопосадки, а у нас настоящий дикий лес, тайга, дремучесть с курьими ножками!.. Ладно, проехали. Поднимем бокалы за наши победы!.. Как прошлые, так и будущие!

С роскошным обедом, что не просто обед, а победный пир, расправлялись долго, а потом, распустив пояса, наслаждались десертом. Сири заставила всю столешницу изысканными пирогами, восточными сладостями и пирожными всех видов и форм, Обизат лопала все с вытаращенными в диком восторге глазами, а румянец на щеках воспламенялся все жарче.

Азазель вытащил из особого шкафчика пузатые бутылки с вином наполеоновских времен, гордо разлил по бокалам, жестом передал Бианакиту обязанности виночерпия, чтобы дальше уже он наполнял всем по мере надобности.

– Мишка, – сказал он весело, – не спи!.. Или все о Кикандрописсе думаешь?

Обизат возразила сердито:

– Ее зовут Касикандриэра!

Азазель сказал беспечно:

– Да пусть зовут. Это ее так назвали приемные родители, Бельфегор и Депилик, или уже так звалась раньше? Хотя не важно, это Мишка у нас стратиг, а я такими вселенскими вопросами не заморачиваюсь. Я мелочный, мне бы просто мир спасти.

Михаил сердито засопел, еще не понял, в чем Азазель его уел, но что уел, сомневаться не стоит, Азазель такие возможности не упускает, свинья полосатая, гад ползучий и подколодный.

– Допивайте вино, – велел Азазель строго, – а то выдохнется! Лучше бы я его на Сотбисе продал, чем вам на стол, морды неумытые…

– Сейчас разолью остатки, – пообещал Бианакит. – А что не поместится, то могу из горла…

– Коллекционное? – спросил Азазель с мрачной угрозой. – Из горла?.. Может, еще и в подворотне? Ну ты и романтик!..

Бианакит, разливая с мрачной ухмылкой по фужерам, поинтересовался:

– Рейд успешный, понял. Но мы за этим столом не засидимся, верно?.. Ну вот, вижу… Какую задачу Господь поставил, сам о том не догадываясь, на этот раз?

– Посложнее предыдущей, – ответил Азазель уже намного серьезнее. – Это мы спасали мир демонов, а сейчас свой бы спасти… Но я уже задействовал кое-кого. Ищут варианты.

Михаил насторожился.

– Когда же ты успел? Вечно за нашими спинами что-то прокручиваешь!.. Уже знаешь, куда направимся?

– Еще чего!.. – ответил Азазель оскорбленно. – Пока что ищут по старым рукописям, чем можно влиять на ангелов.

– Зачем? – спросил Михаил настороженно.

– А ты забыл? – ответил Азазель. – Биан, ему больше не наливай… Обизат, тот чуланчик всегда заперт изнутри, потому можешь появляться в нем откуда угодно и когда угодно. А чтобы выйти из него, просто пройди через дверь, на что хватит силы у самого немощного.

– У меня не хватит, – сообщила она со стыдом в голосе. – И прыгать не умею.

– Научим, – пообещал Азазель. – Заставим. Женщины все попрыгуньи. Как горные козы!

– Горных не бывает, – ответила Обизат.

– Чего? – изумился Азазель. – Спроси своего господина и, ах-ах, повелителя! Он все породы знает.

Обизат обратила вопрошающий взгляд к Михаилу, он сказал с сердцем:

– Я знаю только одну, но всем породам порода!

– Какая? – спросила Обизат.

– Хермонская, – ответил Михаил.

Она сделала большие глаза.

– Не слыхала о такой…

Михаил кивнул в сторону Азазеля:

– У него спроси.

– Он из Хермона?

– Сам ее вывел, – сообщил Михаил. – И расплодил. Обизат, там изнутри задвижка. Просто отопри и выйди.

Бианакит поставил опустевший бокал на стол и поднялся.

– Пойду взгляну новости. Сейчас война в арабских странах, человеки бьются люто, надо посмотреть, чем и как.

Обизат спросила живо:

– Война? Из-за чего?

Бианакит отмахнулся:

– Они и сами не знают.

Глава 3

Азазель кивнул, отпуская из-за стола на правах хозяина и тамады, Бианакит отправился в гостиную. Слышно было через распахнутую дверь, как включил экран, из динамиков сразу донесся грохот взрывов и треск пулеметных очередей.

Михаил тоже хотел выбраться из-за стола, застолье не в его характере, но прозвенел сигнал вызова, в кухне вспыхнул экран на свободном участке стены, возникло встревоженное лицо Авазарника.

– Все еще за столом? – спросил он, Михаилу почудился то ли укор, то ли в голосе бородача прозвучала зависть. – Хорошо живете… А тут еще один объявился. Но уже опасный!..

– И тоже в лесу? – спросил Азазель с ленивым интересом.

– Тоже, – ответил Авазарник, – только левее, между деревнями Васькино и Курниково. Никто не понимает, откуда взялся. Уже двоих охотников утащил… От одного ружье в лесу, от второго корзинка с грибами.

– Что за грибы? – уточнил Азазель.

– Два белых, – сообщил Авазарник с надеждой и в то же время с гордостью, что знает проблему до мелочи, – три боровика, пять лисичек и с десяток мелкой дряни, вроде опят. А что, это след?

– Люблю грибы, – ответил Азазель. – Особенно белые. Хотя и опята хороши, если жарить в оливковом масле. Утащил в нору? Какая она?

Авазарник покачал головой.

– На предполагаемом месте исчезновения сухая красная глина. Твердая, как… сухая глина. Никаких следов борьбы. Ни капли крови. Вообще ничего! И никаких нор даже близко.

– Отпечатки?

– Никаких.

Азазель подумал, спросил:

– Пропавших уже ищут?

– Пока нет, – ответил Авазарник. – Охотники и грибники часто уходят в лес с ночевками. Могут под это дело провести пару суток у каких-то баб, а подстреленного зайца, как и грибы, на обратном пути купить на базаре.

– Жены это знают, – сказал Азазель, – не совсем уж дуры. Тогда из-за чего же тревога?

Авазарник замялся, понизил голос:

– Мы бы сами, как всегда, но тут особый случай. Один из грибников, оказавшийся в том районе, видел издали, как в лесу

появилось нечто красное, напоминающее огромного человека.

– Ого, местный йети?

– Или леший, – согласился Авазарник. – Это красное нечто появилось и тут же исчезло за деревьями. А потом почти в том же месте пропал первый охотник… Все прошло бы незамеченным, но тот, видевший красного человека, начал рассказывать всем, что возле их села высадились инопланетяне и похищают мужчин для опытов, а женщин для сексуальных домогательств.

– Это интереснее, – согласился Азазель, – чем опыты. Я имею в виду домогательства, хотя и секс тоже ничего. Временами, конечно. Хорошо, у меня тут крохотный передых, могу и заглянуть в ваши места. Это где?

– Недалеко от деревни Васькино, – напомнил Авазарник. – Там от домов через поле сразу деревья. Лес так себе, одно название, но места грибные, лучше не бывает.

– Хорошо, – сказал Азазель, – вы там пока понаблюдайте, вдруг больше не появится? Но если что, прибуду, разберусь и накажу всех, дабы блюли и не допускали.

Авазарник исчез, вместо него по экрану побежали новости, где сводку скучных боев в Саудовской Аравии и разрушение ядерным ударом городов Эль-Риад и Джидде сменило красочное торжественное празднование присуждения звания лучшего клоуна планеты жителю Москвы Петро Олийнику, который вырвал победу в сложной борьбе с самыми именитыми шоуменами мира.

Михаил после жирной пищи заметно осоловел, мысли пошли вялые и тягучие, но заставил их двигаться шустрее, встрепенулся, сам ощутил, что взгляд стал осмысленным, хлопнул себя ладонью по лбу и сказал тревожно:

– А если…

Азазель круто развернулся в его сторону, ладонь взлетела к плечу, Михаил уже почти увидел, как там возникает рукоять черного меча.

– Что?

Михаил проговорил медленно и с напряжением, стараясь не потерять нить внезапно блеснувшей мысли:

– А если она из предыдущего мира?

– Кто? – спросил Азазель и в тревоге посмотрел по сторонам.

– Касикандриэра, – сказал Михаил еще медленнее. – Помнишь, когда Господь создал мир, Он оглядел свое творение и сказал, что получилось хорошо, это лучший из миров!.. Мы как-то не подумали, что это не просто одобрение результата своего труда, а констатация… есть такое слово?.. констатация, что это лучший из всех миров, которые создавал раньше и разрушал,

оставаясь недовольным!..

Азазель, все еще держа ладонь с растопыренными пальцами над плечом, несколько мгновений смотрел на него застывшими глазами.

– Ты чего?.. А-а, ты об этой… Хочешь сказать, она из одного из предыдущих его творений?..

– Из предыдущего, – уточнил Михаил. – Первые наверняка что-то чудовищное. А эта настолько уже почти человек… или ангел… хотя и демон тоже, вот и решил оставить…

– Либо сама оставилась, – предположил Азазель. Он опустил руку и перевел дыхание. – А Он сжалился и, уничтожив весь предыдущий мир, ей позволил существовать… Хотя, как ты часто говоришь, неисповедимы пути Творца.

Михаил проговорил медленно:

– Но можно сделать вывод, что этот мир еще лучше!

– Оптимист, – буркнул Азазель. – Лучше для кого? Вот то-то. Ладно, подчищайте тарелки, а то Сири мыть не любит, да и сам не понимаю этих диет и разгрузочных дней. Может, вам обоим позаковыристее и поплотнее?

– Не чревоугодничай, – сказал Михаил строго. – И вообще на ночь нажираться не рекомендуется.

Азазель отмахнулся:

– Мишка, я даже от Создателя рекомендаций не принимал, а тут послушаюсь какого-то ЗОЖ?.. Возможно, предыдущий мир, сотворенный Господом, был больше похож на здешний Ад, потому Кикандрелла и поселилась там?

– Касикандриэра, – поправила Обизат.

Азазель сказал с досадой:

– Да оставь ты ее наконец! Нам лучше, чтобы там и застряла. Конечно, в Аду красочнее, чем в Брие или на земле, а женщины, как и вороны, любят красивых. Потому я так популярен.

Обизат посмотрела на него с пренебрежением:

– Ты?

– А хто ж еще? – изумился Азазель. – Не Мишка же!

– Мой господин и повелитель Михаил, – ответила Обизат с гордостью, – красив и величественен, как нильский крокодил или большая горилла, чей рык подобен грому! Он силен, как бехем, сбивающий с ног носорога, и грозен, как орел, выпускающий когти на мышь.

Азазель бросил быстрый взгляд на Михаила, тот ерзает, словно сидит на раскаленных углях, на лице страдальческое выражение, но старается выдавить улыбку.

– Ну, – сказал Азазель со вздохом, – если красив и грозен, как горилла, выпускающая когти на мышь, то сдаюсь, мне с таким не

тягаться. Мишка, теперь нам предстоит подумать над решением очень насущной и как бы непростой задачи.

Михаил с облегчением ухватился за брошенный ему спасательный круг:

– Разобраться с этим красным существом?

Азазель отмахнулся:

– Это рутина. Сам же заметил, демоны свободно разгуливают по миру людей, а это недопустимо.

– Тогда что?

– Пора найти и заткнуть дырку, из которой они лезут на свет.

Он прислушался, выудил из кармашка пластинку смартфона и вышел с ним на балкон. Михаил и Обизат видели, как с самым серьезным и озабоченным лицом разговаривает вполголоса, отделенный стеклянной дверью, а в эту сторону поглядывает искоса, словно речь о них.

Обизат повернулась к Михаилу, взгляд настолько преданный, что он сказал с неловкостью:

– Не бойся, здесь хорошо и уютно, хотя и непривычно. Но это сперва непривычно. Азазель умеет устраиваться. Его квартира наполнена магией, здесь это называется продвинутой технологией.

Она ответила отважно:

– Мне с моим господином нигде не страшно!.. Я девственница, меня готовили к тому, что буду носить в чреве от самого великого воина. Таким был Кезим, но ты убил его раньше чем, теперь буду носить от тебя!

Михаил сказал смущенно:

– Как в вашем клане просто…

– Что-то неправильно? – спросила она с тревогой.

– Да нет, – ответил он с еще большей неловкостью. – Только как-то слишком в лоб. Люди такое привыкли скрывать, хотя вообще-то все то же самое.

Она спросила в изумлении:

– А зачем скрывать?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Это называется культурой, хотя я в ней не силен. Вообще-то культурными должны быть все, но это пожелание, как и то, что все должны быть красивыми, здоровыми и сильными.

Она посмотрела удивленно огромными глазищами доверчивого ребенка, который искренне верит, что взрослые всё знают и умеют.

Михаилу снова стало неловко, он отодвинул бокал с вином и выбрался из-за стола.

– Очень все вкусно, – сказал он с неодобрением. –

Чревоугодничает Азазель.

– Это недостойно мужчин, – поддержала она с детской горячностью. – Мужчины должны стремиться к подвигам, а не к чревоугодству!

Он перебрался на диван, Обизат тут же с детской непосредственностью опустилась рядом и прижалась к нему плечом, чисто и доверчиво, как щенок, вверяющий себя большому и всемогущему хозяину, которого будет верно и преданно любить и всячески обожать.

– Все будет хорошо, – заверил он мягко, – ничего не бойся в этом мире. Азазель не груб, просто не заснет, если хоть кого-то не обидит. Натура такая. Но не злой.

Она спросила удивленно:

– Ты что по голове гладишь, как ребенка? Я взрослая!.. Хотя мне это почему-то нравится.

– Да это так, – сказал Михаил смущенно, не признаваться же, что проверял, как подсказал Азазель, есть ли у нее под прической рожки. – У тебя красивые волосы. И такие пышные… Так и хочется погладить.

– Погладь спинку, – предложила Обизат. – Можешь почесать. Так еще приятнее.

– Ну ты прям… Хотя ты оно и есть, чего это я… Все животные любят, когда их чешут.

– Я животное?

– Еще какое, – заверил Михаил. – Самое лучшее.

Азазель вернулся с лоджии, на ходу пряча смартфон в нагрудный карман, окинул их внимательным взглядом.

– Знаю, о чем думаете, – сказал он строгим голосом. – Мишка, ты спишь в своей комнате, а ты, Обизатка, на диване в гостиной.

Обизат вскинулась:

– Почему? Я хочу спать у ног моего повелителя! Могу на коврике у кровати…

– На тряпочке, – сказал Азазель ехидно.

– Пусть на тряпочке!

– Нет, – отрезал Азазель. – Завтра – да, а сегодня нельзя, таков ритуал. Здесь свои ритуалы и заморочки, как отрыжка буржуазной культуры и правил поведения. Не спорь, иди спи. И вообще всем спокойной ночи. Поговорим утром.

В гостиной поднялся с дивана Бианакит, потянулся, с хрустом разминая спину.

– Увидимся утром, – сказал он. – Приду, как только у вас загорится свет. Мы в доме напротив, если еще помните.

Азазель всегда спал чутко, а сейчас среди ночи звериное

чутье предупредило насчет близкой беды, моментально проснулся, проскочил на цыпочках мимо спящей в гостиной Обизат и, распахивая дверь в спальню Михаила, увидел на постели огромную глыбу льда.

В лицо пахнуло холодом, он поспешно и плотно закрыл за собой дверь. Лед быстро потемнел, начал уменьшаться в размерах, открывая человеческую фигуру внутри. Еще через пару мгновений в клубах плотного пара приподнялся на локтях трясущийся и мокрый, как бобер, Михаил.

Лицо его дернулось судорогой, он в ужасе уставился на Азазеля.

– Что… что, – пролепетал он, стуча зубами, – было… Что было, Азазель?

Азазель сказал нервно:

– Хорошо, хоть не меня обвинил, как ты любишь.

– Что…

– Держать себя в руках не умеешь, – прошипел Азазель и оглянулся на дверь. – Распустился, как либерал какой!.. Прям глобалист… Но какой же я умница, сам поражаюсь…

– Азазель, – проговорил Михаил слабым голосом.

– Я как чувствовал!.. – сказал Азазель с удовлетворением. – Потому что ловлю вибрации вселенной, как звуки мировой арфы. Я в самом деле великий музыкант, а то и вовсе композер! Думаешь, зря велел тебе спать отдельно? Срочно учись контролировать себя и свои животные позывы. Это касается не только Обизат, понял? В лед не так и страшно, погубишь только себя, это можно, не жалко, хуже – если в пылающий факел или раскаленную болванку! Устроишь пожар в квартире, а здесь дорогая мебель, можно сказать, эксклюзивная из Китая.

– Азазель…

– Но и это еще не все, – сказал Азазель с жаром. – Может быть намного хуже!

Михаил пробормотал:

– Что еще хуже?

– Что? – изумился Азазель. – А уписаться в постели, когда спишь с Синильдой? Или, прости, Обизат? Ты как-то расскакался по женщинам! Нехорошо для светлого ангела. Хотя Макрону вообще-то можно, но ты сейчас вообще какой-то элементаль! А здесь элементалить нельзя.

Михаил горько улыбнулся, Азазель всегда Азазель, сказал тоскливо:

– Как же сложно быть человеком… Но как контролировать себя во сне?

– А как контролируют другие? – ответил вопросом на вопрос

Азазель. – Все мочились в детстве, но потом как-то обуздали себя? А ты вроде бы в чем-то местами уже взрослый! Синильда ничего не сказала, значит взрослый…

Михаил промолчал, уже углубляясь в себя, Азазель подождал, сказал со вздохом:

– К счастью, ты пока что спал в одиночестве. Хороший я ритуал с ходу придумал? Но святые законы, как ты помнишь, не рекомендуют мужчинам ночевать в доме одним.

Михаил буркнул:

– Мне побольше семи лет.

Азазель отмахнулся:

– Все меняется со временем, Мишка. В старину Лилит предпочитала посещать, ты прав, мальчиков до семи лет, потом вообще забросила это дело, но ее дочери не забросили… Так что в наших случаях рекомендации Святой Книги то же самое, что запрет. К тому же Обизат чуть не ревела в горькой обиде. Бедная девочка не понимает, за что ее отстранили.

Михаил прошептал в муке:

– Ну не могу же я вот так взять себя под контроль во сне так же, как беру днем?

– У тебя уйма времени, – напомнил Азазель, – девать некуда. Вставай, одевайся. Сейчас нагрейся, высуши постель. Или пусть Сири займется. Она ничему не удивляется и не задает вопросов. Хоть до самого утра, а потом до вечера упражняйся, качай бицуху в том месте. Там тоже есть мышцы! У мужчин они везде, а у тебя даже в мозгах. А то Обизат, когда придет в ночной рубашке и спросит…

– Ладно-ладно, – прервал Михаил. – Просто расскажи, как взять себя под полный контроль?

Азазель сделал большие глаза.

– Кто из нас человек?.. Я мятежный ангел. Никогда не писался в постели. У меня и постели не было! Да и спросить не у кого. Разве что Метатрон пускал под себя лужи, когда был человеком! Но его опыт не пригодится. Сядь, покопайся в себе, перевоплотись в интеллигента, хотя, понимаю, противно, но если надо, то надо. Мы же тайные службы! Служим человечеству по принципу самозанятости и ложно понимаемого патриотизма. Знаешь как морскую пехоту тренируют?.. Хошь я тебя сам?

Михаил отшатнулся:

– Нет-нет, спасибо!

Глава 4

Упражнялся до утра, а когда на кухне загорелся свет, явился Азазель, похвалил, что уже не спит, помог привести в порядок комнату и постель.

Михаил вышел вслед за ним в гостиную, огляделся. На диване большой клетчатый плед, две подушечки, маленькая и совсем маленькая, на полу кокетливые домашние шлепанцы.

– А где Обизат?

Азазель отмахнулся:

– Отправил в ванную. Там целый женский мир, надолго задержится.

– Что ты всех их в ванную отправляешь? – спросил Михаил. – У тебя там магазин женского белья? Да и рискованно, девочка ничего не знает о мире людей. А вдруг наестся мыла?

– Пусть ест, – разрешил Азазель. – Там целый ящик. А в углу коробка шампуней нераспечатанная. Правда, зубной пасты мало… Если съест, да еще с тюбиком, гм… Ладно, мне для твоей верной спутницы ничего не жалко. Сейчас надо думать над главной проблемой.

– Как закрыть Врата Ада?

– Сечешь, – ответил Азазель.

Михаил уточнил:

– Сперва хотя бы найти.

– Верно, – согласился Азазель. – Как думаешь, где они?

Михаил посмотрел исподлобья.

– Это у тебя такие шуточки?

– Что ты, – запротестовал Азазель. – Просто слышал идиому «Постучать в Михаила». Но, наверное, в тебя стучать еще рано. Не созрел. Тогда, видимо, нужно спросить у Гамалиэля.

Михаил зябко повел плечами, перед глазами встала страшная картина, как убегали по чудовищно преобразившемуся миру от рассвирепевшего монстра-великана.

– У Гамалиэля или Нахшиэля?

– Хороший вопрос, – согласился Азазель. – Боюсь, в ипостась Гамалиэля он возвращается настолько редко, что… может быть, уже никогда. В любом случае, нам попасть будет сложно.

– Вот-вот, – сказал Михаил. – А к Нахшиэлю, извини, приближаться не рискну. Это раньше я был сильнейшим архангелом, а сейчас, увы, иные времена, иные правы.

Азазель взглянул на него испытующе, вздохнул, но промолчал. С кухни потянуло зовущими ароматами, донеслось звяканье металлической посуды.

– Сири старается, – сообщил Азазель. – Пойдем, она не любит, когда остывает.

Михаил промолчал, опять шуточки, мебель не может любить или не любить, потащился следом, пару раз оглянувшись на двери далекой ванной комнаты.

Обизат явилась такая же свеженькая и умытенькая, как и вчера, торопливо села рядом с Михаилом, посматривая на него с прежним обожанием, но ему все-таки чудилось, что обижена невниманием: тяжелый рейд закончен, можно отдохнуть, а он ведет себя так, словно все еще в походе, а в постели держит не женщину, а обнаженный меч.

– Что сегодня? – спросила Обизат.

– Тебе отдыхать и обживаться, – ответил Азазель. – Первый день в этом мире людей, это не какой-то там ад! Здесь покруче… Не спеши, не наделай глупостей. Скоро придут наши боевые друзья Бианакит и Аграт, держись вежливо, не хами, как обычно делает Мишка.

Она в удивлении бросила взгляд на сосредоточенного Михаила, ответить не успела, за спиной мелодично звякнул сигнал. Михаил снова посмотрел в сторону входной двери, по взмаху руки Азазеля включился широкий экран на стене.

Возникло хмурое лицо того самого Авазарника, что вечером докладывал о каком-то красном монстре.

Азазель жестом укрупнил изображение, Михаил теперь видел на лице Авазарника каждую морщину и поклялся бы, что на экране самый обычный заурядный человек и ни разу не демон.

– Что-то раскопал? – спросил Азазель с вялым интересом.

– Хуже, – ответил Авазарник. Наткнувшись на непонимающие взгляды, сказал с заметной досадой: – Нет, не закопал!.. Вы там у себя важные вопросы решаете, а для меня нет сейчас ничего важнее, чем этот гад.

– Появился? – догадался Азазель.

– Еще как, – ответил Авазарник с угрюмой злостью, – в его охотничье угодье забрел некий турист! Вот местный и освоил это глупое существо, чтобы больше не забредало в чистые края из своего вонючего города.

Азазель поморщился.

– Хреново таможня работает. За то, что такого пропустили в мир людей, нужно снимать головы. Подобное дискредитирует власть. Пусть она и не совсем легальная.

Обизат нахмурилась и посмотрела на Авазарника с суровым осуждением. Михаил помалкивал, уже зная манеру общения Азазеля.

Авазарник сказал с вызовом:

– Скажи еще, за взятки пропустили! Никто никого не пропускал!.. Я трижды переспросил и перепроверил. Кстати, на той стороне клянутся, что и там таких нет. Это какой-то особый. И появился прямо здесь. Так что уж как-то прими меры, пока среди людей не началась паника.

Азазель некоторое время рассматривал его с таким брезгливым вниманием, словно занозу в пальце.

– А как он выглядит? Что в нем непонятного?

– Мне кажется, – ответил Авазарник быстро, – он вообще… не живой, что ли?.. Просто из земли выпячивается большой ком глины, превращается в человека…

– В человека?

– В подобие, – уточнил Авазарник. – Так говорят. Хватает дурака, что подходит рассмотреть и потрогать, и утаскивает под землю. Похоже, там и жил, а теперь вот пробудился. Я же говорю, страшные времена наступают!..

Азазель вздохнул.

– Ладно, до обеда поищем о нем хоть что-то, а после обеда будем у вас. Дай точные координаты места… ну, сам понимаешь…

– Да, – сказал Авазарник. – С точностью до метра. А вот вам последние фото с места нашей радости. Говорят, обожаешь приключения?

На экране появилась фотография участка леса с высоты верхушек деревьев. Потом еще несколько пониже и с разных ракурсов. На каждом пятно красной глины, едва заметное на первом, на остальных шире и детализированнее.

На двух последних Михаил рассмотрел в траве на самом краю красной глины ружье и разбросанные в беспорядке блестящие латунные гильзы.

– Отключаюсь, – донесся голос Авазарника.

Щелкнуло, но фотографии остались, Азазель увеличивал на некоторых участки, всматривался с самым задумчивым видом. Михаил уже ожидал какую-то шуточку, Азазель минут пять уже предельно серьезен, а для него это непривычно, однако тот еще раз увеличил фото гильз, словно любуясь солидным блеском, почти не уступающим золотому.

Обизат допила кофе, подумала, глядя на обоих, поднялась с чашкой в руках.

– Можно, пойду помою?

– Только осторожнее на кухне, – предупредил Азазель. – Пусть Сири все покажет и расскажет. Вживайся! Будешь Михаилу носить тапочки.

– Буду, – ответила она преданно.

– В зубах, – уточнил Азазель.

– И в зубах, – ответила она послушно.

Разочарованный Азазель повернулся к экрану, где Михаил, осваиваясь с техникой, то увеличивал, то уменьшал изображение.

– Вот-вот, – сказал Азазель, – задержи этот кадр. Не думаю, что человек с таким ружжом стрелял в белый свет, как в копеечку. Обычно эти мужички прижимистые, даже патрон не изведут вхолостую, а тут больше десятка.

– Был очень напуган? – предположил Михаил.

– Или противник двигался чересчур медленно, – сказал Азазель. – Как черепаха или вон ты. Можно было истратить хоть две дюжины патронов, а потом отступить.

– Но не успел, – согласился Михаил, проигнорировав ехидный намек на его медлительность, Азазель не Азазель, если не укусит, не лягнет или не будланет. – Но тогда тот был, наверное, слишком пьяным?

– Вполне возможно, – сказал Азазель. – Охота – повод выпить на природе. Как и рыбалка. Хотя для выпить всегда есть повод, если человек достаточно интеллигентный.

– А если не интеллигентный?

Азазель широко улыбнулся.

– Неинтеллигентному не нужен повод, как вот мне, свободному и раскованному демократу с либеральными ценностями, но с тайной симпатией к зверскому тоталитаризму. Думаю, нужно поискать сведения насчет этого… демона.

Михаил ощутил заминку перед последним словом, взглянул в упор:

– Погоди. Полагаешь, не демон?

– А кто же еще? – спросил Азазель. – В природе только ангелы, демоны и люди. В термин «демоны» входит все, что не ангелы и не люди. Даже элементали и языческие божки. Как еще стихийные явления не включили, типа ветра, грозы или землетрясений!.. Хотя, признаюсь, такого демона я сам еще не встречал. И даже не слыхивал о подобных.

– Что-то совсем редкое?

– Я и о редких слышал, – сообщил Азазель несколько заносчиво. – Меня вообще-то можно именовать Азазелем Мудрым или Азазелем Всезнающим…

Михаил оборвал строго:

– Всезнающ только Господь!

Азазель ухмыльнулся:

– Я уже объяснял тебе, неучу, что даже Господь не всезнающ, хотя, правда, по собственному желанию. Ему так интереснее, хотя для общественности это подается как доверие к человеку и

предоставление ему полной свободы даже от самого Творца… Но давайте сосредоточимся на этом странном… гм… существе. Слишком уж в нем много необычного. А то, что из красной глины, напоминает кое-что очень давнее и почти забытое, хотя и постоянно маячит перед глазами.

Михаил насторожился.

– Ты о ком?

– О человеке, – ответил Азазель снисходительно. – О том, кто мера всех вещей и венец творения, хотя всего лишь петух с плоскими ногтями. Адам вылеплен из красной глины, разве не помнишь? И даже так и назван…

Михаил смолчал, переваривая услышанное. Да, слово «Адам» означает «красная глина», но при чем здесь человек и этот странный демон, если это демон или монстр, что, как уверяет Азазель, единственный в своем роде…

Азазель поднял руку над головой и сделал жест, словно вкручивает лампочку.

– Сделаю, – донесся голосок из кухонной стены.

Михаил спросил с подозрением:

– Это чего?

– Большую чашку кофе, – пояснил Азазель. – Это со времен, когда голосового ввода еще не было. Я консерватист временами, люблю антиквариат, хотя и не переношу.

– Тогда и мне большую, – сказал Михаил.

– Наркоман, – произнес Азазель с удовольствием. – Вот так и начинается падение.

– А ты?

– Я уже падший, – сообщил Азазель с гордостью. – Мне можно. Мои великие достоинства все перекрывают!.. В любом падении есть свои высоты, не знал?.. Ладно, я пошел в так называемый кабинет, там у меня кое-какие старые тексты.

Михаил напомнил:

– Ты говорил, в инете есть все.

– Есть, – согласился Азазель, – но в Греции все равно больше.

Михаил потащился за ним в его Грецию, в комнате Азазеля в нижних ящиках необъятного стола отыскались древние книги, неоцифрованные, как непонятно выразился Азазель, но когда он вытащил одну из них, раскрыл на столе и с самым сосредоточенным видом начал перелистывать ветхие страницы, Михаил сам ощутил заметное почтение.

Некоторое время из-за плеча Азазеля всматривался в древние полустертые буквы и примитивные рисунки, пока ничего понятного, но Азазель довольно похмыкивает, возможно, уже нашел какие-то ниточки, хотя, может быть, читает подробности,

что там патриархи увидели, когда подсматривали за купающейся Сусанной.

Наконец Азазель откинулся на спинку кресла, потер кулаками глаза.

– Что там на кухне так пахнет? Ого, скоро обед?.. Пойду посмотрю. А ты книгу закрой, если вздумаешь отойти от стола, понял?

– Дафы? – спросил Михаил.

– Да, – ответил Азазель. – Только и караулят, гады.

Михаил покачал головой:

– Разве буквы в таких книгах дафы могут смешать?

– Рядовые не могут, но ко мне рядовые не рискнут.

Он вышел, Михаил остался у стола, краем уха прислушивался к голосам на кухне, там еще и звяканье с лязганьем, ароматы жареного мяса начали протискиваться под дверью жаркой аппетитной волной, словно Азазель принялся жрать в одиночку.

Не утерпев, он заложил открытые страницы красной ленточкой, закрыл книгу, тяжелый латунный переплет не позволит открыть никому, кроме владельца, и тоже поспешил на кухню.

Азазель уже помогает Сири вынимать из духовки жареное мясо и птицу, управляется гораздо быстрее, чем та манипуляторами. Обизат расставляет по столу тарелки, улыбнулась Михаилу так светло и лучисто, что у того подпрыгнуло и опустилось сердце еще ниже.

Азазель с веселым раскрасневшимся лицом оглянулся на соратника.

– Книгу закрыл? – поинтересовался он. – А то Элиэзер Сар А-Далим только и караулит, у нас с ним старые счеты.

– Поймай да отлупи, – предложил Михаил. – Чтоб твою квартиру обходил десятой дорогой.

Азазель поморщился.

– Как по-солдатски. Неинтересно, не находишь? Пусть помучается ожиданием.

– Не нахожу, – ответил Михаил. Он опустился за стол, потянул ноздрями. – Какой повар в тебе пропадает…

– Во мне ничто не пропадает, – заверил Азазель бодро. – Я многогранная личность!.. Но у меня порядок, все по рангу, никто не пытается занять чужое место. Это те, кому не удается, вынуждены заводить другие сущности, как вон Гамалиэль…

Михаил снова потянул носом ароматные запахи.

– Что-то часто едим… Мы только что завтракали. Или то был ужин?

– У тебя траблы с восприятием времени, – обвинил Азазель. –

Ты что, животное?.. Человек ест, когда изволится!.. А то и когда возжелается.

– Но ты же…

– Я человек, – заявил Азазель гордо. – Хотя очеловечиться трудно, для этого нужно пересмотреть многие ценности, что и не ценности вовсе, но я весьма как бы сумел и преуспел! Скромно говоря, я самый человечный из людей, не считая, конечно, Владимира Ильича.

Сири произнесла деловито:

– Мясо готово. Подавать?

– Не видишь, – ответил Азазель сварливо, – ложками стучим? А Мишка нож держит как-то угрожающе, будто не мясо готов разделывать, не мясо…

Обизат сказала обидчиво:

– Зачем говоришь неправду?

– Нет на свете правды, – сообщил ей Азазель, – как и справедливости! Тем более нет истины, как убедился Пилат. Зато верно все то, что говорю я, хотя понимать нужно иносказательно… Спасибо, Сири!.. Мишке тоже положи, он застенчивый.

– Я сама, – быстро сказала Обизат. – Он мой хозяин и повелитель!..

Азазель сказал со вздохом:

– За меня кто бы так дрался… эх, почему Мишке везет?

– Он добрый, – возразила Обизат обвиняюще, – а ты злой и наглый. А еще и хвастливый!

– Так есть же чем хвастаться, – ответил Азазель скромно. – Я весь из достоинств, даже противно. Еще вина?

– Вино вредно, – заявила Обизат.

– Это кто тебе такое сказал? – изумился Азазель. – Родители?

– Сири сказала, – пояснила Обизат. – Она не врет, я ей верю. Она хорошая.

– Куда мир катится, – вздохнул Азазель. – Железяке верят больше, чем демону!.. Налей мне тогда еще, все равно вселенная когда-то схлопнется. А насчет монстра из глины, как мне кажется, ноги растут еще из тех времен, когда Творец создавал из глины нечто необычное, что сперва так и назвал красной глиной, а потом уже некогда было менять или просто забыл. Такое вот у меня очучение.

Михаил пробормотал:

– Зачем менять? «Адам», звучит неплохо.

– Ну да, – согласился Азазель. – Мог бы назвать суглинком или подзолом, глеем, а то и черноземом!

Михаил спросил с настороженностью в голосе:

– Но… Адам здесь при чем?

– Видишь ли, – ответил Азазель задумчиво, – мы видим только конечный результат, по нему и судим, что верно, конечно. А сколько было раньше подходов к штанге, предварительных и неудачных, не считаем и вообще внимания не обращаем. Как и вообще на черновики. Но есть предположения в ряде источников, что Всевышний к акту творения человека подошел с особой тщательностью, делал заготовки, пробовал варианты… Слыхал старинную легенду, что, когда Творец решил создать человека, он привлек в помощь ближайших ангелов? Один лепил правую ногу, другой левую, третий и четвертый создавали руки, кто-то старался над торсом, кто-то над ягодицами, а одному досталось лепить пенисы…

Обизат поднялась из-за стола, гордая и надменная.

– Пойду на лоджию, – сообщила она, – если вы не против.

Глава 5

Михаил проводил ее взглядом, а когда она переступила порожек и плотно прикрыла за собой застекленную дверь, сказал с осуждением:

– Ну вот, девушку обидел… То был ты, кто лепил те штуки? Всегда ищешь работу полегче.

Азазель ехидно заулыбался.

– Это же апокриф, чудило!

– Что такое… апокриф? Гиппогрифа знаю, видел, ты как-то держал у себя дома… ну, когда королем зачем-то был, а вот апокриф…

– Апокриф, – заявил Азазель победно, – почти то же самое, что красивая гипотеза, не подтвержденная фактами! Вроде чеширского кота Шредингера, что ходил налево, а потом сказки говорил… В общем, когда ангелы закончили работу и нужно было составлять части вместе, оказалось, что каждый успешно справился, у всех все как надо, только тот, который лепил пенисы, наделал их целую кучу.

Михаил все еще смотрел в красивую прямую спину Обизат, она остановилась у перил, опустив на поручень красивые узкие ладони, и смотрела, судя по наклону головы, вниз и вдаль.

– То был точно ты, – сказал он уже уверенно. – Катнул пару раз в ладонях комок глины, всего-то делов… Всегда такие работы выбираешь!

Азазель продолжил невозмутимо:

– Творец составил из слепленных ангелами частей тело человека, вдохнул в него душу, а из горки пенисов велел слепить еще одного, чтобы глина не пропадала зря. Ангелы уже без него слепили и получился человек, которого так и назвали пенисным. Или как-то иначе, уже плохо помню…

– Брешешь, – сказал Михаил. – Даже я слышал такое прозвище, которое как-то иначе, не при Обизат сказано!.. Это брехня, да? Разве кто-то из ангелов Господу помогал?

– Мешать мешали, – согласился Азазель, – а какие из бестолковых ангелов помощники?.. Особенно был там один меднолобый солдафон, патриот и монархист, вообще не понимал, что Всевышний творит, но твердил, что все, сделанное Господом, – хорошо и правильно, а еще обсуждению не подлежит! Представляешь тупицу?.. Хотя, конечно, в апокрифах много и правды, потому церковь что-то в них признает, что-то нет… Но меня интересует другое. Куда делся первоначальный вариант Адама?.. Черновой вариант?..

Михаил подумал, стараясь вспомнить то далекое время во всех деталях.

– Меня там не было, – сообщил он, – не бреши, я был занят более важными делами. Только слышал потом, что Господь сотворил и какое-то двуногое животное, достаточно мерзкое и уродливое. Даже объявил его будущим властелином мира и велел ангелам поклониться ему и признать вершиной творения. Да, помню, по Брию и даже Ацилуту прокатилось недовольство. Когда такие волнения, кто будет обращать внимание, куда делась глина, из которой Господь лепил что-то непонятное?

– Эх ты, – сказал Азазель безжалостно, – чем ты мог заниматься таким важным, что пропустил акт сотворения человека?.. Видишь, как со временем меняются оценки важности событий прошлого?.. Ладно, нужно отыскать тех, кто присутствовал. Кто-то да помнит подробности, которые тогда выглядели несущественными, а сейчас смотрятся крайне важными.

Михаил наморщил лоб.

– Дай вспомнить… Точно были, судя по рассказам, Люцифер, Велиал, Аскара, Карцефони… еще толпа каких-то безликих, что даже не поддакивали, а просто торчали там и смотрели тупыми, как у глубоководных рыб, глазами. Конечно, был Сатан, что вечно мешал советами и предложениями.

Азазель вздохнул.

– Мишка…

– Что?

– Похоже, – сказал Азазель с неохотой, – наступает этап, когда придется только тебе. Я на небеса не вхож…

– Не бреши, – уличил Михаил. – Никто тебе туда дорогу не закрывал.

– Ага, – сказал Азазель нервно, – только появлюсь, ваши чинуши ухватят и поволокут на небесный суд. Конечно, хрен что докажут, обвинения рассыплются, я же умница, а они дураки набитые, но на препирания уйдут годы, а мне и минуту терять жалко!.. Мы на земле, Мишка, а здесь все ускоряется и ускоряется!

Михаил подумал, вздохнул.

– Со мной будет что-то похожее. На объяснения и растолкование своих действий уйдет слишком много времени. Пусть не годы, но ты прав, у нас нет лишней минуты. А в момент разбирательства я не могу все бросить и самовольно вернуться на Землю. Расценят как признание вины.

– Тогда как?

– Не знаю, – ответил Михаил и с надеждой посмотрел на

него, – ты хитрый, ты думай.

– Думают не хитрые, – уточнил Азазель, – а мудрые, но тебе повезло, я и есть сама мудрость и даже красота, которую пока вижу только я, но потом увидит и ошеломленный моим величием мир… Давай начнем с того, что все же припомним или как-то восстановим имена всех, кто тогда присутствовал при таком эпохальном акте.

– Зачем?

– Не все, – напомнил Азазель, – остались в Брие, как было до того момента. Сатан, как ты наверное слыхал, вообще был каким-то гадом повергнут в жестокой битве и, как говорят, низвергнут… есть такое слово?.. ага, низвергнут в специально созданную для него и его сторонников тюрьму, названную потом Адом.

Михаил нервно покосился на хоть и плотно закрытую дверь на лоджию, но все же слышно, как Сири мелодичным голосом рассказывает Обизат насчет солнцезащитных жалюзей, что сами накапливают энергию Солнца, потом освещают квартиру, сами закрывают окна на ночь, а утром сами поднимаются.

– Тот гад, – возразил он злым шепотом, – что вовсе не гад, а преданнейший Господу воин, поверг не Сатана, а Люцифера! И хотя это как бы одно и то же, но ты сам знаешь, Люцифер уже давно не Сатан… Предлагаешь спросить его?

Азазель взглянул на него с интересом:

– Вот так просто?.. Я вообще-то думал насчет ангелов. Которые там, наверху. Хотя там не верх, но мы говорим языком народа, как демократы, не так ли? А идти с таким странным и мелочным вопросом к самому Люциферу, то бишь Сатану…

– А что?.. Адом правит Самаэль, вся политика и администрирование на нем. А Люцифер вроде аятоллы, духовного вождя. У него достаточно свободного времени.

– А не Сатан у них духовный вождь? – спроси Азазель с сомнением. – Видишь, что значит с головой влезть в житейские мелочи, крупного не замечая. Хорошо, попробую закинуть удочку к Сатану, а ты повспоминай разговоры, насчет кто присутствовал при акте творения… Если среди них отыщутся те, что потом ушли со мной в знак протеста на Хермон, их навещу уже я… Здесь много скрытого, Михаил!.. Ты вон не замечаешь, что и тобой манипулируют…

– Ты о себе?

Азазель покачал головой.

– Ты просто ответь, кто послал тебя по мою шкуру?.. Да, ты говорил, что сам и по своей воле. Но кто тебя подтолкнул, что ты вот так вдруг решил прекратить мои якобы бесчинства и доставить меня на суд небесный?.. Вспомни, если получится. Ты

слишком честен, чтобы замечать какие-то интриги, но они от этого не исчезают.

Михаил нахмурил лоб, чувствуя досаду на себя. Как стратиг небесного воинства, занимался только мирозданием в целом, не обращая внимания на мелочи, а интриги как раз и совершаются незаметненько, постепенно подталкивая ничего не подозревающую жертву к какому-то решению.

– Не помню, – сказал он с досадой. – А зачем тебе?

– Умная сволочь орудует, – ответил Азазель с похвалой. – И явно много знает. Эта сволочь могла бы нам помочь.

– Помочь?

– Хоть и против своей воли, – пояснил Азазель с неприятной улыбкой. – Нужно задавать правильные вопросы и уметь спрашивать.

Михаил ощутил, как по телу прокатилась мелкая дрожь. То ли силы элементаля пытаются выйти из-под контроля, то ли гребаная человечность пробудилась, но вздрогнул так, что зубы лязгнули, будто перекусил берцовую кость.

– Азазель, – напомнил он устрашающим голосом, – не наглей. Там такая мощь… А ты, как догадываюсь, о любимом занятии типа ломать пальцы да сдирать кожу.

– Хорошее дело, – ответил Азазель. – Молотком по пальцу – это же весьма так!.. Впечатляет. Но ты прав, пока оставим. Займемся тем, что проще. От малого к большому, сперва молотком по пальцам, потом…

Михаилу показалось, что Обизат перестала рассматривать город внизу и начала прислушиваться, перебил:

– Кстати, как там Бианакит и Аграт? Он обещал прийти утром.

Азазель пожал плечами.

– Наверное, все еще осваиваются. В квартирах. Один он бы уже пришел, а если с Аграт, то ты же знаешь, как женщины собираются!.. И вообще Обизат надо бы вывезти в город, показать красоты, чтобы не смотрелась дикарем. Бианакит более-менее знаком, а Обизат может опростоволоситься… а это опасно.

Дверь лоджии приоткрылась, Обизат спросила опасливо:

– Вы уже наговорились о своих мужских проблемах?

– Мы больше о женских, – сообщил Азазель. – Михаил предложил прогулять по городу Бианакита, познакомить его с современной цивилизацией людей.

Обизат сказала быстренько:

– А я?

Азазель надменно вскинул брови.

– Кто тут пищит?.. Вообще-то да, ты тоже, раз уж тебе жить в

этом мире. Но Михаила оставим. Он местный, ему уже тошно от этого города, его душа рвется в джунгли и саванны.

– Моя душа тоже туда рвется, – быстро сказала Обизат. – А что такое джунгли и саванны?

Азазель поднялся, подвигал плечами, разминая мышцы. Обизат с недоумением смотрела, как он вытащил из нагрудного кармана и поднес к уху тонкую блестящую пластинку.

– Аграт, – сказал он весело, – мы дома. Ждем вас с Бианакитом. А вечером будем есть рождественского гуся!

Обизат слышала далекий женский голос, слов не разобрала, но Азазель с довольным видом сунул коробочку обратно.

– У них все в порядке, – сообщил он. – Скоро придут.

Михаил спросил с непониманием:

– Разве сейчас Рождество?

– Мы вольные художники, – объяснил Азазель, – у нас Рождество хоть каждый день. Вообще все сдвигается, как нам требуется, и столько раз в году, сколько нужно!

– Наглая свинья, – сказал Михаил с сердцем. – Нет в тебе почтения к святыням.

Азазель вздохнул.

– Ладно, понял… Обизат, Мишка от гуся отказывается, он честный.

– При чем тут гусь? – запротестовал Михаил. – Я говорю о принципах!

– Хорошо-хорошо, – согласился Азазель. – Гусь отдельно, принципы отдельно. Так?

– Так, – буркнул Михаил, хотя не оставляет чувство, что все равно Азазель в чем-то надул или обыграл. – Но человек должен быть принципиальным, как я слышал. Это кредо, заложенное Господом.

Обизат тихохонько подошла к Азазелю, в огромных изумрудно-зеленых глазах застыло патетическое недоумение.

– Как ты говорил с кем-то?

Азазель кивнул на Михаила:

– Вообще-то должен научить он, но уж ладно, пусть учит другому, бесстыдник, заодно и сам поймет, а я введу тебя в курс молодого бойца. Люди все бойцы, за светлый и радостный апокалипсис бьются неустанно. Садись, буду объяснять. Нет, погоди, закажу и тебе смартфон, сейчас доставят самым быстрым из дронов, аллюр три креста!

Михаил прошелся по квартире, посмотрел во все окна. Первую неделю здесь жил, дожидаясь конца срока, когда заберет с собой Азазеля на суд небесный и снова надолго забудет про людей, у которых все сложно и запутанно. Теперь же придется

задержаться в этом мире и, возможно, стоит подумать о своем жилище. А то даже Аграт и Бианакита Азазель поселил отдельно, а вот его пока не решается, нос вытирает…

Правда, Аграт то же самое, что и Синильда, или хотя бы ее часть, хотя и тут многое неясно, однако ее памятью, похоже, пользуется, иначе бы Азазель не отпустил в одиночестве… хотя нет, какое одиночество, за нею присматривает Бианакит, что уже давно среди людей.

Кстати, Синильда хоть и не придет, как намекнул Азазель, пригласив только Аграт и Бианакита, но Синильда все же будет присутствовать. В какой-то мере, а это крайне как-то не так, остальным все равно, а ему придется сидеть, как на горящих угольях…

Или Синильды все-таки не будет, мелькнула спасительная мысль. Хорошо, если бы нет. Как-то неловко, словно он уже совсем очеловечился. Хотя вообще-то он и есть человек, и не только потому что Макрон.

Глава 6

Со стороны двери на лестничную площадку прозвучал мелодичный сигнал. На экране домофона появилось квадратное лицо Бианакита, как всегда невозмутимое и без всякого выражения, а из-за его плеча блеснули из-под пышной гривы крупнолоконных чернющих волос веселые глазки Аграт.

– Открыть, – велел Азазель, не поднимаясь из-за стола.

На экране видно было, как Бианакит потянул за ручку двери, та распахнулись, и оба исчезли из обзора.

Через пару минут Аграт ворвалась в прихожую веселая и хохочущая. С ходу крепко обняла Азазеля и влепила ему звучный поцелуй в щеку, тут же скользнула к Михаилу и, прижавшись к нему на короткое мгновение, прислушалась, отстранилась и посмотрела в глаза.

– А ты, герой… как себя чувствуешь?

– Пока не знаю, – ответил Михаил.

Он обменялся рукопожатием с Бианакитом, Аграт уже с любопытством рассматривала Обизат.

– А кто этот ребенок?

– Это уже половозрелая самочка, – вступился за Обизат Азазель. – Весь наш героический рейд, который войдет в анналы и перевернет историю, прошла с нами и не пискнула.

– Ого, – сказала Аграт. – А на вид такой хрупкий цветок. Как тебя зовут, дитя?

– Я не дитя, – ответила Обизат обиженно. – А зовут меня Обизат.

– Что-то я тебя не знаю, – сказала Аграт оценивающе. – Или ты человек?

– Прародитель моего рода, – ответила Обизат очень скромно, – порожден самим Талэ.

Аграт на миг запнулась, в ее черных, как мир до дня Творения, глазах промелькнуло нечто вроде уважения. Михаил не сразу вспомнил, что Талэ – одна из одиннадцати антисфирот, и если кого-то может извергнуть из своего чрева, то только существ, исполненных огромной темной мощи.

Азазель кивком указал на распахнутую дверь в гостиную:

– Все за стол!.. За стол, за стол!

Обизат сразу же поспешно села рядом с Михаилом, вызвав снисходительную усмешку Аграт, та заняла место между Азазелем и Бианакитом, подчеркнуто наслаждаясь обществом двух сильных и отважных мужчин.

Михаил исподтишка поглядывал на Аграт и Обизат, обе

почти одного роста и сложения, только у смуглолицей Аграт волосы черные как смоль, и в крупных локонах, выглядит отважной и дерзкой, а белокожая и с нежным румянцем на щеках Обизат смотрится тихим цветком с ее красными, как пламя, короткими волосами и дивными зелеными глазами слегка навыкате, как у молодого лягушонка.

И хотя Азазель как-то обронил, что Обизат сильнее Аграт, но в такое сейчас поверить трудно. Слишком много в Аграт уверенной мощи и дерзкой силы, а Обизат держится как молоденький, но уже от кончиков ушей и до хвоста преданный хозяину щенок.

Бианакит за столом ведет себя с достоинством старого солдата, который не знает правил этикета, но чувствует, как не быть свиньей. Михаил ощутил к нему растущую симпатию, как к человеку, с которым надежно не только плечом к плечу в бою, но и вот так в быту.

Азазель тоже взглянул через стол на Бианакита:

– Как у вас?

– Все хорошо, – ответил тот кратко. – Особо не высовывались, обживали квартиры. Столько всего сложного! Ты хоть и объяснял, но я не все запомнил.

Азазель перевел взгляд на Аграт:

– А ты?

– Там квартирный демон, – сообщила Аграт со смешком. – Незримый, но услужливый. Подсказывал, что к чему. Как пользоваться телевизором, Интернетом и прочими сложностями. Только как двигать жалюзи, еще не поняла… А как у вас?.. Зачем отобрали у родителей ребенка?

Обизат бросила на нее недовольный взгляд, но промолчала с самым высокомерным видом.

– Налегай на гуся, – посоветовал Азазель. – Вы с Бианакитом хорошо и славно потрудились, теперь наедайте бока до новых испытаний. Вон ту подливу я собственноручно приготовил.

Из-под потолка раздался обиженный голос:

– Ну да, собственноручно!

– Почти, – уточнил Азазель. – Вообще-то сделала Сири, но как могу удержаться и не присвоить результаты ее работы? Какой из меня тогда Азазель? Стану почти Мишкой, это он у меня такой честный, аж противно, будто глотаю старую толстую жабу с базедовой болезнью.

Обизат нахмурилась, а Бианакит, перехватив ее злой взгляд, подмигнул дружески. Она чуть расслабилась, Азазель будет не Азазелем, если кого-нибудь да не обидит, а ее господин и повелитель на такие дурости не обращает внимания.

– Чем займемся? – спросил Бианакит.

– Не терпится в бой? – поинтересовался Азазель. – Здесь и так вечный бой. Но, думаю, скоро придется вступить в настоящую войну. Мир таков. Кто не дерется, того дерут.

Бианакит тяжело вздохнул.

– Только здесь вообще непонятно все. И так сложно.

– Еще сложнее, чем думаешь, – заверил Азазель с оптимизмом. – К тому же с каждым часом все сложнее!.. Но мы упростим. Пришло время простых и даже упрощенных решений! Пока совсем мир не сошел с ума. Даже Чацкий говорил, что от него одно горе.

Михаил промолчал, что-то звучит неправильно, хотя в самом деле мир настолько сложен и запутан, что просто непонятно, как люди в нем разбираются. Или скорее уже не разбираются, но не признаются.

– Люблю простые решения, – сказал Бианакит. – Люди, правда, все усложняют, но сами же и упрощают дальше некуда!.. Это называется широтой натуры, да?

Азазель кивнул на бокалы с вином:

– Допивайте, я вас провезу по городу. Покажу, где бывать рекомендуется, куда лучше не показываться. Мишка, ты останься, изучи старые книги насчет всего-всего…

– Глиняного демона?

Азазель отмахнулся:

– Он не все-все. В первую очередь ищи намеки, кто может быть причастен к созданию порталов в наш мир. Хотя бы косвенно. А там пойдем по ниточке.

Аграт и Бианакит вышли в прихожую, Бианакит ждал молча, Аграт напомнила задиристым голосом:

– Командир, мы готовы!

Азазель повернулся, раскинул руки.

– Аграт, я думал, ты женщина!.. И будешь собираться до вечера!.. Все, выходим. Мне нужно в одно местечко заскочить, заодно и вас проветрю в животворном обензиненном воздухе с тяжелыми металлами и отсутствием антиоксидантов. Мишка, читай книги, ты же ботаник-милитарист. К нашему возвращению приготовься доложить и отрапортовать о непотребностях.

Михаил недовольно поморщился.

– Каких?

– Любых, – сказал Азазель, – что выходят за уставные отношения. И о происшествиях во время твоего дежурства на боевом посту! Если что-то прочтешь страшное – уже происшествие, верно?.. И, главное, тренируй мышцы. Те самые, о которых я сказал.

Обизат послушно вышла по его жесту в прихожую, Михаил только и успел увидеть, как на пороге крутнулась перед зеркалом во весь рост, поинтересовалась звонким, как серебряный колокольчик, голоском:

– Разве какие-то мышцы могут отставать у моего повелителя?

Что ответил Азазель, Михаил не услышал, и это раздражало и тревожило, даже когда увидел из окна, как садятся во дворе в колесницу. Азазель лихо развернул авто на крохотном пятачке, мелькнуло за стеклом лицо Обизат, а дальше погнал со двора лихо и чересчур быстро, пренебрегая скоростным режимом.

Вздохнув, он закрыл окно и вернулся в кабинет Азазеля, где так уютно среди старых книг в солидных переплетах, где есть даже деревянные в коже и с полдюжины латунных, с позеленевшим от древности металлом.

Азазель прав, он слишком многое пропустил, мир изменился как здесь на земле, так и в Аду, однако по этим книгам можно проследить, как все происходило, когда медленно, а когда и ускорялось так, что события мелькали чаще, чем спицы в колеснице на полной скорости.

– Божьи жернова мелют медленно, – пробормотал он услышанное где-то на земле, – но муку дают превосходную. Только это замечается со временем, а мы все жаждем много и сразу…

Азазель все не возвращается, а он уже проголодался, наконец собрался с силами и как можно более уверенным голосом велел Сири сделать кофе и печенья, а когда в кабинет вкатила изящная тележка с большой чашкой черного кофе и грудой печенья на тарелке, воспрянул духом, что уже почти совсем освоился в этом странном жилище людей, где Азазель чувствует себя как рыба в речной воде.

Не столько по древним книгам, как по обширным записям Азазеля он понял, что, да, благополучные миры застывают в благополучии, а неблагополучные постоянно барахтаются, пытаясь выбраться, а кто барахтается, тот выбарахтывается.

Все верно, мир изменился очень сильно и резко, как в Аду, так и в мире людей. В Аду возникали группировки, что усиливали влияние и боролись за власть, некоторое время царем всех демонов был Ашмодей, потом то ли сам ушел, то ли его ушли, преисподней правили то Вельзевул, то Теумиэль, однажды на троне сидел даже Заафиэль, Михаил помнил его как ангела Божьего гнева, но даже в Аду гневливость стараются купировать, чтобы удержать на низком уровне постоянно полыхающие войны между кланами.

Был властелином Картиель, ответственный за появление

Кетриеля, считавшего себя короной мира и царем всех клипот, иногда усиливались до опасных пределов совсем уж позабытые теперь демоны, пока снова власть не подгреб под себя Самаэль, хотя предпочитал больше действовать через свои воплощения Сатана и Люцифера, а иногда и Авриеля.

За это время Ад расширился до опасных пределов. Хуже того, менялся состав: самые опасные грешники, которым не видать прощения, становились демонами, а люди, как известно, изначально хитрые, изворотливые и жестокие, так что Ад бурлит и вот-вот выплеснется наружу в мир людей.

По спине пробежала волна холода, предупреждая насчет беды, Михаил отложил книгу и встал, и тут же посреди кабинета вспыхнул слепяще-черный свет. Пространство свернулось тугими кольцами, как гигантская змея, а из этого ужаса вышел высокий и широкий в плечах мужчина с крупным породистым лицом и тяжелой нижней челюстью.

На Михаила пахнуло такой гордыней и непререкаемым величием, что сразу понял, кто вошел в квартиру Азазеля так неожиданно.

Все такой же властный и не терпящий противоречий холодный взгляд и властные движения, саркастически изогнутые губы. Если изменился, то разве что гордость обрела неслыханные размеры и стала гордыней, хотя уже не так откровенно раздувается от спеси и абсолютной уверенности в своей правоте.

Михаил бросил взгляд на свой меч, тот в ножнах и скромно висит на вешалке в куче разной одежды, отсюда не достать, да и Сатан загораживает к нему дорогу.

– Азазеля нет дома, – сказал он осторожно. – Вы к нему?

Сатан надменно огляделся, коротко взглянул на раскрытые книги. Щека дернулась, Михаилу почудилось, что мгновенно прочел их все, хотя скорее всего уже знает их содержимое и оно ему очень не нравится.

– Почему? – потребовал он с властностью хозяина. – Он же сам хотел меня видеть!.. Но мне стало любопытно, что это с ним случилось, вот прибыл сам, а его нет? Акт неуважения!

Михаил сказал почтительным тоном:

– Азазель неуважителен даже к Господу, это известно.

Губы Сатана презрительно искривились, но во взгляде заплясала знаменитая сатанинская усмешка, при взгляде на которую у Михаила по спине побежали мурашки.

Сатан оглядел его с головы до ног.

– Ладно, – произнес он властным голосом, взгляд его пронзил Михаила с такой мощью, что он ощутил, как внутренности превращаются в лед. – В другой раз… А ты кто?

Михаил съежился, стараясь выглядеть поменьше и понезаметнее.

– Я?.. Я просто человек… Вот читаю старые книги. Узнаю, как было…

Сатан продолжал рассматривать его с едкой иронией, а в голосе прозвучал ядовитый сарказм:

– Просто человек? Это тебя Азазель брал с собой в Ад? Да-да, мне сообщили, хотя могли бы и раньше, я бы сам вас встретил… ха-ха, хорошо бы встретил!

Михаилу почудился в его страшном голосе зловещий намек, стиснул кулаки, чувствуя, как элементаль в нем уже устрашился и мечется, пытаясь сбежать от возможной схватки с самим властелином Тьмы.

– Я лишь выполнял приказы, – проговорил он упавшим голосом.

– Наверное, – прогрохотал Сатан, – хорошо выполнял… Совладать с Кезимом получилось. Я мог бы снова зауважать Азазеля еще больше, если бы не знал, что в старое доброе время способен был на нечто большее.

Михаил пробормотал:

– Куда уж больше. Кезим едва нас не угробил… Чудом уцелели. А вы кто?

– Его давний знакомый, – ответил Сатан с вельможной небрежностью. Он придвинул ногой кресло, опустился в него и с самым хозяйским видом кивнул Михаилу: – Ты тоже можешь сесть.

– Спасибо, – произнес Михаил кротко и сел. – Давний знакомый?

Сатан, развалившись в кресле, продолжал рассматривать его с вялым интересом.

– Да, – подтвердил он, – Азазель очень давний знакомый. Даже в некотором роде соратник. Пусть даже бывший… Кто я? Можешь называть меня Сатаном, Люцифером, Самаэлем или как угодно, у меня много имен и обличий.

Он вперил в Михаила тот же острый взгляд, Михаил заставил себя улыбнуться.

– Так я и поверю, что Верховный Князь Ада снизойдет до беседы со мной…

– Но это так, – сказал Сатан громыхающим и не терпящим возражений голосом. – Я изволил!.. Пока вот дожидаюсь Азазеля.

Михаил выставил ладони.

– Хорошо-хорошо, предположим, что вы и есть он, Великий Князь, что снизошел… И что возжелали от простого смертного?

Он голосом и всем видом азазелил во всю, старался выказать,

что не считает незнакомца Князем Тьмы, но спорить не желает, а готов выслушать, только бы тот побыстрее убрался, а то еще покусает, а прививка от бешенства довольно мучительная процедура.

Похоже, Сатан поверил, поморщился, на лице проступило еще и брезгливое пренебрежение лорда к простолюдину, что ничего выше сарая не видел и никого знатнее деревенского старосты.

Михаил дернулся, когда Сатан с видом величавой небрежности повел пальцем, и на столе между книгами из ниоткуда появились бокалы. Повел еще раз, и на самом толстом томе прямо на латунном переплете водрузился стеклянный графин с вином цвета крови.

Глава 7

Михаил не двигался, а Сатан шевельнул дланью, графин послушно поднялся в воздух. Темно-красные струи по изогнутой дуге полились в один бокал, во второй, наполняя до венчиков, изысканный аромат потек по комнате, заполняя от стены до стены и от пола до потолка.

– Пей, – предложил Сатан. – Люди же всегда пьют?

Он рассматривал Михаила пристально и неотрывно, а тот сжался в комок, чувствуя себя так, словно с Сатаном вошла целая темная вселенная, против которой он мельче мошки.

– Не всегда, – ответил Михаил с усилием, – и не все.

– А ты из каких?

Михаил заставил себя повернуться, хотя страшно быть к Сатану спиной, указал на книги в шкафу.

– Если буду пить, – ответил он осторожно, – не смогу понять мудрые мысли. Если буду пить много, не смогу даже читать.

Сатан саркастически хмыкнул:

– Недоверчивость – мудрость дурака. И вообще мудрость – сила слабых… Стоит ли к ней стремиться? Много мудрости – много печали… А если смогу предложить что-то более понятное и приятное? Например, власть, богатство, красивых женщин! Богатые дворцы, любую роскошь… Хочешь?

– В обмен на душу? – спросил Михаил. – Спасибо, нет.

Сатан усмехнулся:

– Кому нужна твоя душа? Я предлагаю не в обмен!

– А как?

Сатан сделал небрежный жест.

– А вот так, от своей щедрости. Без всяких условий.

Михаил постарался всем видом выказать удивление, переходящее в недоверие.

– Разве что-то вот так дается? Так не бывает. А где ловушка?

Сатан сказал с брезгливым нетерпением:

– Да нет ловушки!

Михаил покачал головой, Сатан смотрит с пренебрежением, как на ничтожного человечка, надо соответствовать, Михаил заговорил с деревенской рассудительностью:

– Человек, принявший такие дары, все равно погубит душу. А это все равно что отдаст ее Дьяволу, во власти которого вы находитесь. Власть и богатство развращают, разве не так сказано в этих книгах?

Сатан окинул его уничижающим взглядом.

– Книги пишут люди, – напомнил он. – А люди… все

нынешние люди произошли от Ноя, большого любителя выпить и даже напиться вдрызг. А я не предлагаю тебе напиться сверх меры!

– Все сверх меры, – ответил Михаил настороженно. – Любая капля вина уже сверх.

– А ты, значит, – поинтересовался Сатан, – меру знаешь?

– Человек, – ответил Михаил где-то услышанным, – сам мера всех вещей. Скажите, странный гость, а что, Великий Князь Ада в самом деле может драться с человеком? Я думал, вам запрещено.

Сатан презрительно скривился.

– Драться? Что такое драться?.. Мы не пьяные простолюдины, что на кулаках или с кольями в руках. Правители сражаются армиями, а те, кто выше правителей, у тех и оружие посильнее. Не слыхал, что идеи рушат государства надежнее, чем армии? Или ты все-таки простолюдин из самого низа, что не отличит правую ногу от левой?

Михаил сказал осторожно:

– В смысле… в смысле, вы искушаете?

Сатан кивнул с предельным величием:

– Да, но в твоем случае что-то странное. В тебе нечто большее, чем то, что было дадено. Я тебя не искушаю, кстати. Просто пока присматриваюсь.

– Это… как?

Сатан нервно дернул щекой.

– Хочу понять, что именно ты взял еще и сам. У вас, людей, такое часто. Сильные берут на себя столько, сколько могут вынести. А то и больше… У иных спины ломаются, но кто-то выживает и прет на себе такое… Что-то в тебе есть, есть. Азазель не взял бы с собой наивного простака, каким прикидываешься. Ни в Ад, ни даже в дом.

– Люди становятся сложнее, – проговорил Михаил, чувствуя, что сказать что-то надо, Сатан смотрит пронизывающим взглядом и ждет, что разговор будут поддерживать. – Время такое, что ли…

– Не увиливай, – велел Сатан, – ты либо демон, принявший облик человека, либо ангел. Но то и другое неверно. Никто не может принять личину человека так, чтобы я не увидел. Ты человек, это несомненно, но что-то в тебе… темное.

– В человеке свет от создавшего его Господа, – напомнил Михаил, – и тьма от Сатана, совратившего первую женщину на свете, если поверить, что вы и есть тот самый Самаэль. Так что во мне и должно быть то и другое.

– Тогда ты должен знать, – сказал Сатан резко, – что все люди – мои дети!.. К тому времени, когда Адам и Ева после стотридцатилетней ссоры помирились и снова легли в общую

постель, потомки Каина, к которым Адам не имел ни малейшего отношения, заселили всю землю!.. Пей, не бойся, вино не отравлено. Это невежливо!

Михаил нехотя взял хрустальный бокал, но когда сделал осторожный глоток, ощутил, что Сатан не обманул. Ничего лучше этого вина еще не пробовал, что и понятно, в небесных сферах вина нет, а вне их никто не знает насчет вина лучше, чем создатель виноградной лозы.

Сатан наблюдал за ним с понимающей усмешкой, дескать, все люди грешны и все склонны к пьянству.

Михаил, уже не противясь, допил и осторожно опустил бокал на столешницу. Тот по движению брови Сатана наполнился снова, но Михаил покачал головой.

– Не все, – сказал он вежливо, – что Ной взял в собой в ковчег, стоило спасать из допотопной жизни.

– Не вино зло, – заметил Сатан, – а пьянство.

– Отговорка, – возразил Михаил. – Пьянство есть пьянство, умеренное или неумеренное. А насчет твоих детей, Каина и Авеля… Их воспитывали Ева и Адам. Эта благочестивая пара сумела привить им кротость и доброту…

– Ну да, – ответил Сатан саркастически, – сумели. Нет-нет, я тоже осуждаю Каина! Он убил не только своего брата, но и моего сына, за что через семь поколений и сам был убит своим потомком Ламехом, но… сколько к тому времени по земле кочевало людей, что вышли из его чресел, а также потомков его потомков? Жили тогда, если вдруг не слыхал, не по семьдесят лет, как сейчас, а по семьсот!

– Кровь Сифа, – возразил Михаил, – единственного чистого сына Адама и Евы, со временем облагородила род человеческий.

– Еще бы, – ответил Сатан. – Настолько, что Всевышний намеревался стереть вообще человечество с лица земли! Едва-едва уговорили спасти лучшего из лучших, чистейшего из чистейших, им оказался пьяница Ной!.. Остальные были намного хуже. Откуда, по-твоему, в людях столько бунтарства? Откуда иррациональная любовь к нарушителям порядка, хотя все понимают, что закон необходим и что соблюдать его надо, иначе все рухнет?.. Поживи здесь, узнай, кто такие Робин Гуд, капитан Блад, Скарамуш, Кармалюк, Ванька Каин, Довбуш… Песни поют о Робин Гуде, а не о правильном и доблестном блюстителе закона шерифе Гае Гисборне!

Михаил промолчал, в «поживи здесь» упрятан крючок, дескать, если он демон или ангел, то смолчит, потому после паузы пожал плечами.

– С детства слышу песни о пиратах, – сказал он, – а не о тех,

кто их ловит и вешает. Ну и что?.. Одно дело петь о разбойниках, другое – самим… Хотя, да, удалось это внедрить в человека, удалось… А даже сейчас Господь его не останавливает, несмотря на то что тот ведет с Ним войну…

Сатан сказал резко:

– Я не веду войну и пока что ни единого запрета не нарушил!.. Искушать человека мне позволено и даже рекомендовано самим Творцом.

– Что? – переспросил Михаил. – Даже рекомендовано?

Сатан ответил уклончиво:

– Когда я просил разрешения доказать Ему, что человек недостоин получить в пользование этот мир, Он не только разрешил, чего ты не станешь отрицать, но и дал понять, что могу использовать все средства, конечно, в рамках правил, чтобы доказать свою правоту!

– Я бы не стал истолковывать, – отрезал Михаил, – как рекомендацию вредить человеку.

– Напротив, – возразил Сатан с ухмылкой, – я помогаю человеку! Я всегда ему помогал. С самого первого дня.

– Когда подсказывал, как лепить Адама? – спросил Михаил уже с нарастающим и непритворным раздражением. – Или когда подговорил Лилит бросить Адама?.. Или когда в образе Змия соблазнил невинную и простодушную Еву, после чего понесла от тебя в своем чреве Каина и Авеля?..

Сатан ухмыльнулся:

– Это был прекрасный ход, не находишь?.. Каин убил Авеля, после чего расстроенный и напуганный Адам сто тридцать лет не подходил к Еве! За это время Каин наплодил потомства, как песка в пустыне. И когда наконец Адам и Ева, помирившись, родили сына Сифа, то к тому времени потомки Каина – мои потомки! – заселили уже весь известный тогда мир. Творец предостерег Сифа, чтобы его племя не смешивалось с греховным потомством Каина, но куда тем деться, когда везде натыкались на отважных сынов Каина и на его страстных и развратных дочерей!..

Михаил поморщился.

– Знаю-знаю, потому даже в лучшем из лучших, праведнике Ное, крови Сифа одна капля на чашу крови Каина, из-за чего он уже тогда был алкоголиком.

– Кстати, – сказал Сатан, – я против алкоголизма. А ты?

Застигнутый врасплох Михаил буркнул:

– Против.

– Ну вот видишь, оба желаем благополучия и здоровья людям.

Михаил сказал мрачно:

– Но я на стороне Господа. Его желания – мои желания!

– Все мы были когда-то на Его стороне, – произнес Сатан раздельно. – Но детство кончилось. Кто ты?

Он смотрел вроде бы равнодушными глазами, в ладони бокал вина, голос спокойный и рассудительный, но Михаил замечал, как в его взгляде разрастается нечто злое, нехорошее и, главное, словно начинает видеть в нем скрытое, потаенное.

Эта сволочь обыгрывает меня, мелькнула тоскливая мысль. Это я пребывал, а он постоянно в жерновах власти, интриг, жестокой борьбы кланов, умеет вести разговор так, как хочет, набирает очки, а я теряю, теряю, теряю, вот-вот расколет меня до самой задницы, узнает все, что пытаюсь утаить…

Он попытался изобразить гнев, но ощутил, как возникла и нарастает доподлинная злость на себя за неумелость и на эту гениальную сволочь за полное превосходство в общении.

Сатан усмехнулся, когда Михаил резко встал и отодвинул стул. Бокал в руке Сатана заполнился вином по самый ободок, он осушил залпом, продолжая рассматривать Михаила прищуренными глазами.

– Во имя Господа!.. – сказал Михаил возвышенно и с пафосом. – Да будет Его слава с нами вечно! А ты, Сатан ты или не Сатан, но если берешь себе это подлое имя, изыди в свою кромешную тьму, нечистая сила!

Сатан усмехнулся, его острый взгляд пронзал Михаила, словно яркий свет крылышко бабочки, Михаил трусливо подумал, что вот так Сатан вскоре увидит все, что пытается от него скрыть.

– Или я тебя отправлю туда сам, – закончил Михаил.

Он метнулся в свою комнату, мелькнула мысль ухватить меч, но кто в этом мире пользуется таким оружием, рывком выдвинул ящик стола и, ухватив спрятанный там пистолет, бегом вернулся в кабинет.

Сатан сидит, раздвинув ноги и откинувшись на спинку стула, вальяжный и раскованный, но опустевший бокал уже поставил на край стола и смотрит на Михаила с насмешливым ожиданием.

Михаил вскинул пистолет.

– Изыди в Ад, демон!

Сатан сказал равнодушно:

– Стреляй. Комочки металла из этого оружия меня даже не коснутся. Ты все еще не веришь, кто перед тобой… Придется показать…

Он поднялся, громадный и массивный, возвышаясь как скала, однако от него почему-то пахнуло тяжелой волной ужаса и отчаяния.

Михаил торопливо нажал кончиком пальца на курок,

прогремели три выстрела. Сатан с прежней саркастической усмешкой сделал вперед два шага.

– Ну что, видишь?

Михаил не успел среагировать, как рука Сатана удлинилась, пальцы раскалились и цапнули пистолет за ствол. Спасаясь от жара, Михаил инстинктивно выпустил рукоять, а Сатан небрежно швырнул пистолет на сиденье свободного стула.

– Ты демон, – сказал Михаил обвиняюще. – Подлый грязный демон!.. Тебе место в аду, я тебя туда отправлю…

Он ринулся на него, сжав кулаки и наклонив голову. Сатан отступил на шаг, Михаил начал с силой осыпать ударами, Сатан несколько раз ответил жестко и больно, отшвыривая его на середину комнаты, Михаил всякий раз вскакивал и бросался в бой.

Он сам чувствовал, как праведная ярость захлестнула с головы до ног, дрался люто и самозабвенно, как дерутся за самое святое в жизни и во вселенной, ребра затрещали от тяжелых ответных ударов, но этого гада нужно выбросить из созданного Господом мира в проклятый ад…

Он с отчаянием чувствовал, что голова уже гудит от ударов, кровь течет по разбитому лицу, во рту соленый привкус, но и Сатан осатанел, бьет жестко и с наслаждением, видя, как противник терпит поражение.

Дверь в трех шагах от схватки с треском разлетелась в щепы. Мелькнуло нечто темное, Михаил едва успел увидеть черные как смоль волосы в крупных локонах, а взбешенная Аграт уже вцепилась в руку Сатана.

– Нет!.. Не смей!.. Он мой!..

Сатан перевел на нее взор налитых кровью глаз.

– Ладно, убей его сама…

– Нет! – повторила Аграт с силой. – Не смей его убивать.

Сатан все еще держал крепко сжатый кулак у головы Михаила, Аграт наваливалась всем телом, но с таким же успехом могла бы пытаться сдвинуть с места горный хребет.

– Почему? – потребовал Сатан люто.

– Потому, – отрезала Аграт. – Не смей!

Сатан перевел взгляд на измученного Михаила, лицо исказилось в злобной судороге, но совладал с собой и с огромной неохотой опустил кулак.

– Хорошо, – произнес он громовым голосом. – Но это в первый и последний раз, запомни!.. В следующий раз не посмотрю, что ты моя дочь!

Аграт вскрикнула:

– Спасибо!.. Ты не пожалеешь!

– Уже жалею, – отрезал Сатан. – Но что сделано, то сделано. Завтра жду тебя у себя для серьезного разговора!.. Ты посмотри, как ты одета!.. Распутные женщины одеваются скромнее!

– Но…

Сатан грянул гневным голосом:

– Завтра!.. Это повеление!

Михаил увидел его страшное лицо, на губах змеится хищная сатанинская усмешка, во взгляде безумная ярость, но властелин преисподней совладал с гневом и отступил на шаг.

Глава 8

За его спиной пугающе резко полыхнуло черное пламя, Сатан отступил еще на шаг, не сводя взгляда горящих гневом глаз с Михаила и Аграт, вдвинулся спиной в черноту, уже сам как часть вечной ночи.

В комнате моментально посветлело, чернота разлетелась неопрятными клочьями и растворилась, не оставив ни копоти, ни запаха.

Михаил с гудящей от боли головой чувствовал, как перегретый воздух стремительно возгоняется струйками к потолку, не сразу ощутил, что Аграт ухватила под руку, подставив плечо, только смутно понял, что его усаживают в кресло.

Он чувствовал, что дыхание с надсадными хрипами все еще рвется из груди, сердце едва не выскакивает, а тело ноет после тяжелых ударов, торопливо спешит срастить изломанные кости и порванные связки.

– Из-за чего? – потребовала Аграт. – Почему вдруг?.. Да ты хоть знаешь, кто он? Хорошо, что я решила вернуться раньше. Как почуяла, что тебе нужна помощь.

– Он, – прохрипел Михаил, – сказал…

– Тогда почему?.. Он властелин!.. Ему нет по силе равных!

– Ему место… в Аду…

Аграт сказала зло:

– Но если он пришел сюда к Азазелю, то не тебе выгонять гостя из чужой квартиры!

– Он сам задирался, – прохрипел Михаил в оправдание. – И говорил недостойные вещи, которые нельзя говорить… А я человек правил, что нельзя, то нельзя…

– Потом все расскажешь, – бросила Аграт. – Странный ты человек, если даже с самим Сатаном задрался. И что он тебя вообще заметил!

Михаил молча принял из ее руки бокал с вином, разом осушил, Аграт мягко взяла из его ладони и наполнила из графина снова.

– Пей, восстанавливай силы… Хорошо, Азазеля не было.

– Почему хорошо?

– Бросился бы защищать тебя, – пояснила она рассерженно, – погибли бы оба. На тебя одного Сатан даже рассердиться не успел, я же видела… Я имею в виду, до багровой ярости.

Михаил отпил до половины, чувствуя, как силы довольно резво пошли наполнять его стонущее тело.

– А он что… в самом деле твой отец?

– Не знал? – спросила она удивленно. – Но мы с ним почти не общаемся. С тех пор как воевала с мачехой, его женой, под рукой которой было четыреста восемьдесят легионов демонов…

– Это с Лилит? – догадался Михаил. – Слышал о той битве… Но войска на Лилит вела Махаллат?

– Моя мать воевала, – пояснила Аграт. – А в бой вела я. Поесть принести?

Михаил прислушался, силы элементаля поспешно берут власть и заращивают даже те раны, что оставили бы его калекой на всю жизнь.

Аграт с изумлением смотрела, как исчезают кровавые ссадины на его лице, растворяются кровоподтеки, а уродливо выбитое плечо с влажным хрустом суставов опустилось на прежнее место.

– Быстро у тебя, – проговорила она с восторгом. – Что ты за человек?

– Индиго, – буркнул он. – Вообще сам удивляюсь. Это после того рейда в долину Содома… Наверное, инфекция какая-то подцепилась. Вирусная…

– Мне бы такую, – сказала она.

– У тебя иммунитет, – пояснил он, – а я слабый… Так из-за чего воевали? С Лилит?

Она отмахнулась:

– Да это не мои проблемы. Просто помогла матери. Лилит не люблю. То жена Сатану, то любовница, то противник, потом снова жена… Говорят, женщина должна быть непостоянной, но не люблю такое… Могу быть и женой, и любовницей, но только тебе! Хотя сама не пойму, что в тебе такого особенного. Но ты в самом деле особенный. Наивный, как ребенок!

– Да ничего во мне особенного, – сказал он, попытался встать, но в колене хрустнуло, и снова поспешно сел. – Это Азазель особенный, а я просто человек… который любил воевать.

– Любил?

– Да, – подтвердил он. – Но уже не люблю.

Она засмеялась.

– Как только поправишься, полюбишь снова. У мужчин всегда так.

– Мужчины тоже меняются, – сообщил он. – Даже быстрее, чем консервативные женщины. У нас это в генетической программе.

– А что это?

– Наказ Господа, – объяснил он, – вписанный в человека, как жить и бороться… О, все прошло! Как хорошо быть снова готовым

к битвам!

Она довольно рассмеялась:

– Я же говорила…

Из прихожей донесся мелодичный звонок, а следом прозвучал милый голосок Сири:

– Сагиб, я вас вижу! Вы на перекрестке между булочной и фитнес-клубом. Через пять минут и восемь секунд будете у подъезда. Что приготовить?

Ответа Михаил не услышал, затем Сири сказала: «Хорошо, босс», – и отключила связь.

Аграт сказала сердито:

– А почему этот демон тебе не помог?

– Это не демон, – пояснил Михаил, – а умная мебель. Выполняет приказы, а что тут было, даже не поняла.

Экран домофона на стене вспыхнул сам, показывая выходящего из лифта Азазеля, довольного и улыбающегося во весь рот, красиво и картинно, словно знает, что его рассматривают.

Михаил и Аграт повернулись к двери. Когда та широко распахнулась, в комнату вместе с Азазелем ворвалась струя бодрящего воздуха, словно уже с растворенным в нем крепким горячим кофе.

Он с порога окинул их оценивающим взглядом.

– Вы еще не поубивали друг друга?.. Ого, что это с вами?.. Аграт, на тебе кровь, а Мишка так вообще… зачем его так отделала? Хотя, конечно, я бы его и сам, руки просто чесались, но ты опередила, опередила…

– Видел бы ты его полчаса назад, – сообщила Аграт.

– Что, хотела убить?

– Иногда я вас обоих хочу прибить, – ответила она, – но на этот раз не я, хотя все еще хочется.

– Не сдерживайся, – посоветовал Азазель. – Я бы и сам, но от тебя он точно отбиваться не будет, он джентльмен, так что получишь полное и незамутненное удовольствие. Михаил, что стряслось?

Азазель вперил требовательный взгляд, Михаил вяло буркнул:

– С Сатаном говорил…

– Да-а, – протянул Азазель потрясенно, – поговорил? А по виду даже не разговор, а как бы…

– Дискуссия, – подсказала Аграт.

– Во-во, – согласился Азазель. – На уровне академиков, даже академического совета! На тебе живого места нет. Да видно мне, видно, хоть и зажило. Вы что, дрались вот так… просто?

Он подтолкнул его в сторону гостиной, там Михаил тяжело рухнул в кресло, чувствуя, что сил осталось только на покачать головой.

– Ты же говоришь, я меднолобый, создан для драки.

– Это в хорошем смысле, – заверил Азазель, – в качестве высокого и государственного комплимента!.. Меднолобость – это стойкость в принципах, убеждениях, это верность курсу партии. Ты дуб, Мишка!.. Крепкий, надежный. О который старается опереться не только рябинка по имени Обизат… но и весь как бы мир.

Михаил скривился, Аграт слушает с интересом, Азазель вздохнул.

– Ладно, чего рассиделся? Разве не знаешь, все проблемы решаются на кухне? Аграт, тащи его туда. Будет упираться – бей. Мужчины это понимают как ласку. Бьет, значит, любит… Сири, накрывай на стол!

Аграт ухватила Михаила под руку и начала поднимать, Азазель сказал доброжелательно:

– Тебе надо набираться сил, а то даже с лица схуднул! Не знаешь, что представители власти должны быть с широкими мордами? Это добавляет доверия режиму.

Михаил тяжело доковылял до кухни, там опустился за стол. Хотя зажили не только перебитые кости, но и порванные связки, все равно в теле тяжесть, словно весь день таскал на гору камни.

– Начни с бифштекса, – велел Азазель, – Сири нажарила целую горку, если еще не настал час восстания искусственного интеллекта… Я в городе, правда, успел с Обизат, но еще один плюс чашку кофе с тобой смогу… Да ладно, на один бифштекс больше, на один меньше, у меня не бывает проблем с весом.

Михаил жадно потянул ноздрями мощные ароматы жареного мяса. Азазель снял с подкатившего подноса широкую тарелку с великанскими, блестящими от выступившего сока и масла коричневыми ломтями мяса, но не успел поставить перед Михаилом отдельную тарелочку, как тот схватил верхний ломоть прямо с подноса и принялся пожирать жадно и торопливо.

– Да, – сказал Азазель озадаченно, – с манерами там все так же… Святая простота, понятно. Чистые, так сказать. А мы тут все испорченные, вилками и столовыми ножами зачем-то пользуемся, а то и вовсе салфетки какие-то завели, полный декаданс и упадок нравов…

Михаил проворчал с набитым ртом:

– Ты говорил, мы в походе? А в походе не до церемоний.

Аграт сказала критически:

– Пойду в гостиную, поговорю с Сири. Узнаю, откуда она

поняла, что нужно приготовить именно бифштексы?

Азазель проводил ее взглядом, а когда повернулся к Михаилу, сказал тише:

– Ешь-ешь. Мне нравится, когда ангел ест, как свинья. Особенно если это высший ангел.

Михаил пугливо посмотрел по сторонам.

– А где, – спросил он шепотом, – Обизат и Бианакит?

– Они продолжают знакомиться с городом, – пояснил Азазель. – Для Обизат это новый мир, никогда не покидала преисподней. Боюсь, без надзора может наделать глупостей… Среди людей нужно все время помнить, что говоришь и как себя ведешь. Здесь только так. Чуть рассвинячишься, сразу расплата за антиобщественность. Неандертальцам было хорошо, такого понятия не существовало.

– За что и поплатились, – буркнул Михаил. – Либо полная свобода, что ведет к гибели, либо ненавистная дисциплина, что не нравится человеку, но важна для общества… Что у тебя с вином?

– Не тот вкус?

– Мало, – огрызнулся Михаил. – Я обезвожен, не видишь?

– Тогда лучше воды?

– Я пить хочу, а не мыться!.. И бутылку оставь, не прячь.

– Две оставлю, – ответил Азазель с недоброй ухмылкой. – Приятно, что так быстро очеловечиваешься. Хочешь, наркоты подкину?

– Не хочу, – буркнул Михаил. – Сатан предлагал начать с хорошего вина. Это так, восполнить некий баланс.

– Можешь и другим способом, – напомнил Азазель.

– Могу, – согласился Михаил, – но так проще.

– И приятнее, – подсказал Азазель. – Девок вызвать?.. Ну ладно-ладно, это так, из вежливости. Девки к тебе и так липнут. Хорошо устроился, Мишка!.. Потому что красивый или потому что дурной?.. Меня бы так женщины защищали! А ты раз дурной, то надежный, это понятно. Во всяком случае, дуры так думают.

Михаил проворчал:

– А кто тебе мешает?

Азазель пожал плечами.

– Многое. Во-первых, они сами видят во мне защитника.

Михаил запнулся на полуслове.

– Свинья ты, – сказал он с сердцем, – а не Азазель.

– Но у тебя большой потенциал, мальчик, – сказал Азазель бодро. – Ты еще можешь наверстать, накачаться. Если, конечно, постараешься. А не так, что само и по Божьей воле, как все вы надеетесь там в Брие.

Михаил остро взглянул на Азазеля, помедлил, Азазель сказал подбадривающе:

– Не деликатничай, брякай. А то вроде и не унтер Пришибеев, а уже полковник Скалозуб.

Михаил поинтересовался требовательно:

– Но как Сатан вот так просто вошел в твою квартиру?.. Мало того что у тебя защищена, но я слышал, по воле Господа никто из дьяволов не может войти в жилище человека без приглашения хозяина!

– Все верно, – подтвердил Азазель, – человек сам должен пригласить. Он должен отвечать за свои поступки. А то привык слишком уж прятаться за волей Господа.

– А как тогда…

Азазель вздохнул.

– Знаешь ли, мы с Сатаном были на одной стороне… ну, он так считает, что вообще-то в какой-то мере верно… потому я дал, как здесь говорят, допуск ему и его воплощениям. Да и вообще полезно иметь в приятелях кого-то из высших иерархов Ада. Это пригодится.

Михаил сказал с гневом:

– Как ты можешь? Это нехорошо!..

– Хорошо, – возразил Азазель. – Что, разве это к чему-то обязывает?.. У него сложная судьба. Вообще это трагическая фигура. В чем-то даже вызывает симпатию. Не находишь?

– Нет, – буркнул Михаил. – Не нахожу.

– А ты смотри ширше, – посоветовал Азазель. – Хотя он, конечно, противник, настоящий противник. Идейный, которого ничем не свернуть… Жаль, что столкнулись так рано. Этого нужно избегать, понимаешь?.. Иначе погубим все в самом начале.

Михаил в неловкости поерзал под его обвиняющим взглядом. Признаваться, что Сатан едва не дознался, кто он и откуда, не хочется, тем более что Аграт шмыгает из столовой на кухню и обратно, вполне может прислушиваться.

– Рано, – повторил он, – но все-таки… столкнемся?

Азазель нехотя кивнул:

– Да, но лучше не скоро.

Михаил перевел дыхание, чувствуя, как грудь захватывает воздух глубоко и мощно, а ребра уже не втыкаются обломками.

– Почему, – спросил он, – так ненавидит людей?.. И вредит им?

Азазель посмотрел на него несколько странно:

– Ты чего? До сих пор не понял?..

– Ну-у, – сказал Михаил с неудовольствием, – поясни, если такой умный, каким прикидываешься.

– Душа человека, – сказал Азазель раздельно и внятно, – истинная частица Творца! Сатан попросту продолжает начатую со Всевышним борьбу, теперь уже в человеке.

– Гад…

– Еще какой, – согласился Азазель.

Из кухни появилась Аграт, сообщила деловито:

– Мы там сообразили обед на пятерых. Или не ждем Бианакита с Обизат?

– Сейчас подъедут, – заверил Азазель. – Я отслеживаю их передвижение по джипиэсу. Или джипиэсе? Вон на экране видите светящуюся точку?.. Движется в нашу сторону.

– А где наша? – спросила Аграт озадаченно.

Михаил молча указал на городской квартал, укрупнил, чтобы стал виден их дом сверху. По экрану пробежал мигающий пунктир, показывая путь, по которому прибудет автомобиль с гостями, а также минуты и секунды до прибытия.

– Колдовство, – пробурчала Аграт. – А говорили, верные Творцу люди отвергают колдовство.

– Технологии, – пояснил Азазель. – Еще не то увидишь!.. Лучше расскажи, как Сатан Мишку метелил. Зря ты так быстро ворвалась, да еще и двери попортив… Чуть-чуть попортив, все-таки петли уцелели.

Глава 9

Аграт, поглядывая на экран домофона, где крохотный автомобиль пробирается в потоке ему подобных в сторону указанного пунктиром дома, сказала с заметным удовольствием:

– Дрались здорово! Я бы не подумала, что так можно с самим Сатаном!.. Правда, и тот не в полную силу, но другие от одного взгляда Властелина Ада падали замертво!..

Азазель повернулся к Михаилу, тот поежился под обвиняющим взглядом.

– Михаил, ты чего? Своих дел выше крыши, нечего сводить личные счеты!

Аграт оживилась, лицо вспыхнуло чисто женским любопытством.

– Личные? У него с Сатаном личные?

Азазель метнул на нее недовольный взгляд.

– Ты его дочь, вот Сатан и встревожился, с тем ли связалась? Только и делов. Родители всегда так… как я слышал.

Аграт отмахнулась:

– Раньше не тревожился, а меня куда только не заносило!.. Для него личного уже давно нет. Личным стала борьба со Всевышним.

Азазель поморщился, лицо потемнело.

– Ну да, он же борец с диктатурой, правозащитник несуществующих ценностей… Есть у него личное, у всех есть. Хотя у Сатана в самом деле мало. Раньше ты общалась с демонами, что нормально, с кем же еще, а с человеком, насколько понимаю, оказалась в одном отряде впервые?.. Вот Сатан и решил взглянуть, с кем это ты.

Аграт подумала, нахмурилась и сдвинула плечами.

– Может быть… Хотя все равно странно.

– Что?

– Не знаю, – проговорила она, – но что-то не совсем так… Раньше он вообще не интересовался.

Азазель красиво и величественно отмахнулся:

– Не задумывайся, ты же красивая. А то от задумывания морщины. Ничего, привыкнет. Скажешь, что человек тот еще демон, он успокоится и забудет. А когда люди пьяные, от них и демоны разбегаются!

– Он уже забыл, – ответила она с оттенком грусти. – Станет обо мне задумываться! Даже и не знаю, хорошо это или не совсем.

С кухни донесся голосок Сири:

– Сагиб, у вас отключено, но на связи клиент по имени

Авазарник. Он у вас в зеленом списке. Ждет. Просит меня достучаться.

Азазель буркнул:

– Дай на большой экран.

Дальняя стена вспыхнула, Михаил поморщился от яркого света. Огромное лицо заняло пространство от стены до стены и показалось чудовищным, каждый волосок на подбородке смотрится как обрубленное полено, чем-то похож на Мельхольма, что вот так же смотрел из каменной стены, только там не так четко, зато в объеме, как оживший барельеф.

Авазарник поймал взглядом лицо Азазеля, Михаилу показалось, что в его глазах промелькнуло откровенное злорадство.

– Снова, – сообщил он бодрым голосом. – Так что да, не единичный случай. Думаю, будут еще. Рад?

Азазель подумал, пытливо взглянул на Михаила:

– Справишься сам?.. Бианакит и Обизат уже подъехали, входят в лифт. А здесь обязательно подерутся с Аграт. За пирожные. А ты что подумал?

Аграт недовольно хмыкнула, Михаил пробормотал:

– Попытаюсь справиться…

Азазель все еще не сводил с него оценивающего взгляда.

– Пожалуй, сумеешь… Хотя лучше присмотрю за тобой. Аграт на правах заменяющей меня хозяйки напоит Бианакита и Обизат на ночь крепким кофе, а потом разойдутся спать, если не поубивают друг друга еще на пороге. Ты там наверняка спалишь пару сел, а лес вообще выжжешь дотла, чтобы тот несчастный от тебя не спрятался!

Он вернулся на кухню, Михаил видел, как открыл холодильник и быстро наполняет продуктами рюкзак. Второй рюкзак появился словно из ниоткуда, Азазель забросил и в него малость, вернулся, держа оба на весу.

Михаил сказал с неудовольствием:

– А чего ему в лесу делать? Сказано же, уходит в землю!

– Это только предположение, – уточнил Азазель, – но весомое. Ладно, не будем затягивать решение щекотливого вопроса… Гм, почему некоторые вопросы именуются щекотливыми, не знаешь? Щекотливые это то же самое, что и щекочущие… или нет?

– Не зна…

Азазель крепко схватил его за пояс, Михаил не успел пикнуть, как подошвы уперлись в твердую сухую землю, резко и неожиданно остро пахнуло свежим древесным соком и муравьиной кислотой.

Высокие деревья встали кругом на почтительном расстоянии, словно побаиваются грозных пришельцев. Михаил ошалело огляделся, но Азазель виртуозно ухитрился попасть точно в середину лесной поляны.

Дремучий и неухоженный лес простирается во все стороны, вид у деревьев такой, что вообще ничего другого на свете, кроме них, нет, хотя наверняка в десятке километров села, деревни, как и везде в Подмосковье.

Азазель бросил один из рюкзаков Михаилу, тот едва успел поймать, а свой закинул на одно плечо за спину. Михаил наблюдал, как он сделал несколько шагов по опавшим листьям, под ними твердо и сухо, земля отзывается глухим стуком.

– Где-то здесь, – произнес Азазель задумчиво. – По снимкам со спутника двое грибников исчезли поблизости. Давай искать…

– Все-таки не доверяешь, – сказал Михаил обвиняюще. Он сунул руки в лямки и приладил рюкзак на спине поудобнее. – Почему?

– Просто забочусь, – пояснил Азазель.

– Здесь опасно?

– Вряд ли, – сказал Азазель. – Но со мной вернемся к ужину, а если ты один, то проволандаешься до утра, а то и дольше… Тебе что, не нравится как Сири готовит?

Михаил отмахнулся, прошелся по истоптанной траве.

– А где их вещи?

– Чьи?

– Жертв!

– Забрали, – ответил Азазель. – А мы с тобой посмотрим насчет выходов красной глины!.. Это, к сожалению, не кимберлитовые трубы, но что-то с нею неясное. Думаю, если это то, что думаю, наш друг перемещается в ней, как рыба в воде.

– В глине?

– Если он сам из глины, – пояснил Азазель, – то, может быть, на одном конце пласта входит, а потом на другом выходит… не тревожа саму глину? Как бы передает себя, у людей так музыка по проводам, а то и вовсе по воздуху, во что поверить невозможно, но приходится, чтобы не свихнуться. В общем, не умничай, давай искать истину.

– Истину?

– Ну да, глину. Истина в глине, а бывает, и в чем-то похуже, но искать надо.

Он поправил рюкзак и пошел быстрым шагом. Михаил поспешил следом, но по сторонам посматривал старательно, лес как лес, деревья тоже в порядке, за ельником березняк, потом сосны, там сухая почва, а в низине дубы и грабы…

Выходы глины попадались несколько раз, но обычная желтая, такая становится красной только после обжига. Азазель браковал и шел дальше, но Михаил видел по его быстро мрачнеющему лицу, что пока поиски ничего не дают.

Не важно, что в лесу подзол, ближе к болоту суглинок, а в поле чернозем, все равно под всем разнообразием почвы лежит толстый пласт обычной глины и тянется вниз до самых коренных базальтовых пород. Если демон может перемещаться, как предполагает Азазель, по всему глиняному пласту, то выйти сможет в любом месте.

Азазель хозяйски шел впереди, пока не выбрались из тени на прогреваемый солнцем пригорок. Михаил догнал и тоже остановился, когда Азазель встал как вкопанный и решительно сбросил с плеч рюкзак.

– Что-то увидел?

Азазель покачал головой:

– Просто привал. Ты уже хочешь есть, по глазам вижу.

– Еще не хочу, – возразил Михаил.

– Да? – спросил Азазель обрадованно. – Это хорошо, а то я захватил маловато. Зато увидишь, как хорошо ем я.

Михаил тоже снял рюкзак и присел на поваленный ствол дерева. Азазель уже расстегнул пряжки и начал вытаскивать завернутые в бумагу бутерброды, довольно похрюкивал и покряхтывал, один раз даже облизал пальцы.

Михаил подставил лицо жарким лучам солнца, рядом совсем неуместно прозвучал недовольный голос Азазеля:

– А сыр где?.. Где сыр, спрашиваю?

– В моем, – сообщил Михаил. – Но если в обмен на бутерброды…

– Ты совсем человеком стал, – сказал Азазель с упреком. – И вообще торгово-договорные отношения с друзьями не совсем хорошо.

– Эй-эй, – напомнил Михаил. – Разве мы друзья?

– С напарниками, – уточнил Азазель. – С напарниками тоже не совсем, хотя допускается, если ты демократ с либеральными ценностями. Но ты же милитарист с тоталитарным уклоном? Для тебя честь выше денег!

– Держи сыр, – ответил Михаил. – Тебе лучше есть, чем говорить. Вреда меньше как мне, так и окружающей природе… А это еще что ты набрал?.. Ого, икра, форель, жареное мясо, булочки, даже восточные сладости… Что за чревоугодный разврат, разве тут толпа? Мы же вдвоем…

– Эх ты, – сказал Азазель снисходительно, – разве не видишь, что мы с тобой угощаем великого и непревзойденного Азазеля?

Того Самого, понял?.. А вот тебе за обедом надо есть мало, а за ужином еще меньше, ибо здоровье всего тела куется в кузнице нашего желудка.

Михаил сказал с подозрением:

– Но ты сам жрешь в три горла!

– Мне можно, – ответил Азазель смиренно, – я падший… а тебе нужно держаться, ваша святость.

Михаил с минуту смотрел, как он лопает, чавкая и причмокивая от удовольствия, наконец успел ухватить с пластиковой тарелки последний кусок форели.

– Солдаты перед битвой должны быть полны сил.

– Вот так и начинается падение, – сказал Азазель грустно. – А мне до полного счастья как раз того кусочка недоставало… Ладно, восполню пирожными.

Некоторое время ели молча, Михаил чувствовал, что в самом деле успел проголодаться, у Азазеля чувство времени работает без перебоев.

– Леонид, – сказал Азазель с набитым ртом, – велел своим воинам хорошо позавтракать, напомнив, что обедать будут уже в Аиде. И вообще ничего нельзя делать до завтрака; но если все-таки нужно начать работать до завтрака, нужно сперва съесть завтрак. Мудрецы говорят, не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом. А еще, что после хорошего обеда всякому простишь, даже родному брату.

– На что намекаешь? – спросил Михаил с подозрением.

– Ни на что, – ответил Азазель мирно. – Просто умничаю. Я же умный, не заметил?.. Хотя, конечно, ты же военный, ты другое замечаешь.

– Я все замечаю, – проговорил Михаил с угрозой. – Даже то, что в мире пахнет большой и страшной грозой. Мир явно ждет прихода Мессии! Второе пришествие Христа не за горами! И тогда этому миру конец…

– Мишка, мир изменился, – ответил Азазель с сочувствием. – Ну вот явится хоть сегодня, разве кто-то велит схватить его и распять? С удовольствием пригласят на ток-шоу, выслушают и от души повеселятся. А то и утешительный приз симпатий вручат. Гикам всегда симпатизируют.

– Это ты так шутишь?

Азазель не ответил, недоеденный бутерброд замер в его руке возле рта. Михаил не сразу услышал легкий подземный шорох, что затих на пару мгновений, потом начал приближаться. Странное ощущение, когда не из-за деревьев, не со стороны густых кустов с другой стороны, а именно снизу.

Он перевел взгляд на Азазеля, тот выжидает, потом крикнул

шепотом, не поворачивая головы в сторону Михаила:

– Быстро в сторону! На пять с половиной шагов!

Михаил не успел даже подумать, почему именно на пять с половиной, а не на шесть, и вообще пять с половиной это семь и полшага, или пять и полшага, отпрыгнул моментально.

На лице Азазеля мелькнула довольная улыбка, за что Михаил снова возненавидел, вот сейчас похвалит за военную выучку, меднолобые, дескать, команды выполняют моментально и без раздумий…

Но Азазель сказать ничего не успел. Тонкий слой прошлогодних листьев дрогнул, быстро и пугающе бесшумно, без всяких причин начал вздуваться горб.

Листья осыпались, показалась земля, обычный подзол, а когда горбик поднялся на полметра, Михаил сообразил, что это похоже на массивную голову на толстой шее и что это существо, если его можно назвать живым существом, продолжает подниматься. Подниматься как-то странно, словно не своими усилиями, а будто что-то выталкивает наверх.

Земля продолжала ссыпаться, показалась глина, она неохотой отделяется от толстого и огромного тела грязными потеками, расплываясь по влажной теперь проплешине.

Михаил увидел широкое и словно покрытое красными волдырями лицо, короткий нос и толстые губы, но глаз не рассмотрел, тонкие потеки глины все еще сползают от макушки и до земли, сглаживая черты лица и мощную мускулатуру…

Азазель, не поднимаясь со ствола, спросил резко:

– Ответствуй, тварь, кто ты?

Красный человек даже не взглянул в его сторону или не услышал. Громко чавкнуло, это вытащил из глины огромную ступню, следом тянутся толстые липкие лохмотья, сделал шаг, перенося на нее вес тела, и, уже не проваливаясь, с таким же усилием вытащил другую.

Азазель вскинул руки над головой, там холодно и зло блеснул меч. Михаил судорожным движением выдернул из кобуры пистолет.

– Нет, – крикнул Азазель, – думаю, пули для него не…

Индюк думал, хотел ответить Михаил недавно подслушанной мудростью, но не успел, красный человек пошел к нему ускоряющимися шагами.

Торопливо выстрелил трижды, пули с силой били в левую сторону груди, как и хотел, но монстр шел все быстрее. Михаил, сцепив зубы, продолжал жать на спуск, целясь уже в голову, должно подействовать, однако пули исчезали в мокрой вязкой глине, почти не оставляя следа.

Он мог бы избежать контакта, но руки монстра резко удлинились, Михаил едва успел сделать шаг назад, как толстые пальцы с перепонками ухватили за плечи.

Вязкая глина начала моментально обволакивать ему спину, руки и даже ноги.

– Да что ты за тварь, – прошипел он яростно.

Задержал дыхание, чудовищная хватка вот-вот сокрушит грудную клетку, попытался освободиться, и вдруг мир поглотила тьма, а он в страхе ощутил холод могилы.

Азазель с мечом в руках успел подбежать и уже замахнулся, намереваясь смахнуть монстру голову, что возвышается над вминаемым в глиняную грудь Михаилом, однако красный голем, не выпуская жертву, обрушился вниз, будто под ногами не твердая глина, а широкий провал в бездну, из которой их обоих еще и дернули за ноги.

Сверкающее лезвие вжикнуло поверх массивной головы, срезав комок глины, а монстр и Михаил исчезли в темном провале.

Азазель заглянул с опаской и тут же отшатнулся. В лицо ударила жаркая струя раскаленного воздуха, словно расплавленная магма совсем близко и вот-вот с ревом выплеснется наверх.

Края темной дыры мелко дрожат, земля обрушивается крупными комьями, а из провала с горячим воздухом начали вылетать комочки горящей земли, трескучие искры, заструился столбик сизого дыма.

– Ого, – сказал Азазель, – да ты не просто глиняный голем…

Он отступал шаг за шагом, не сводя настороженного взгляда с расширяющегося провала.

Затрещало, освобожденная от листьев проплешина голой земли и желтой глины дрогнула и рухнула в широкую дыру. Через мгновение с шорохом начала ссыпаться по краям почва, перемешанная с прошлогодними листьями.

Кое-где комья земли зависали ненадолго, удерживаемые корнями, но усиливающийся жар снизу резко и страшно воспламенил траву и мелкие веточки по краям кратера.

Азазель не двигался, превратившись в слух, снизу только сухой треск и жар, прошла вечность, земля под ногами сперва мелко-мелко дрожала, как испуганный зверек под лапой хищника, потом резко задвигалась.

Из черной дыры выметнулся гейзер раскаленной лавы. Азазель отпрыгнул, а лава тяжело поднялась, замедляя движение с каждым мгновением, на высоте двухэтажного дома застыла на краткий миг и тут медленно пошла вниз, расплескиваясь

широким зонтом еще в воздухе.

Азазель отскочил еще, но лава превратилась в красный пар, на землю упали отдельные тяжелые красные капли, выбивая глубокие ямочки.

Над провалом остался только блистающий массивный бурун кипящей земли, похожий на тот, когда над местом прорыва подземной тепломагистрали бьет грязно-ржавая вода.

Он задержал дыхание, через полминуты вместо буруна поднялась горящая фигура. Азазель присмотрелся и вложил меч в ножны, а Михаил с усилием отряхнулся.

Раскаленная скорлупа затрещала, рассыпалась, а он остался, как раскаленный столб металла, очищенный от окалины.

Когда отыскал взглядом Азазеля, тот уже, как ни в чем не бывало, сидит на поваленном стволе перед раскрытым рюкзаком, на Михаила поднял заинтересованный взгляд:

– Чего так долго?

Михаил чувствовал, что все еще дышит с хрипами, грудь ходит ходуном, воздух из горящего рта вырывается раскаленной струей, ответить не смог, только взглянул с ненавистью, но когда наконец отдышался и выпрямился, спросил сорванным голосом:

– И даже не подумал помочь?

– Подумал, – ответил Азазель и деловито вытер пальцы о высокую траву. – Но сам знаешь, с полным желудком лезть в драку…

Михаил ожег его ненавидящим взглядом.

– Ну ты и сволочь…

– Ага, – согласился Азазель с удовольствием. – Еще какая!

– А если бы у меня не получилось?

Азазель изумился:

– У тебя?

– Я там чуть не сдох!

Глава 10

Азазель сказал вдруг таким теплым голосом, что Михаил тут же заподозрил подвох:

– Да получилось бы. Противник больно слаб. Необычен, это верно, но слаб, ты же справился легко, не так ли? Хоть и с чрезмерными эффектами. Хотя, кто знает, ты пижонил или элементаль в тебе воспользовался случаем…

Михаил оглянулся на быстро застывающую магму, та уже начала покрываться коричневой и лопающейся с сухими щелчками коркой.

– Я же не знал, насколько он опасен?.. Потому ответил как можно… надежнее… Изо всех сил, с перепугу.

Азазель сказал тем же тоном:

– Думаю, можешь и сильнее… А сейчас уходим. Выброс магмы могли увидеть. Народ любит глупые фейерверки… Скоро сюда набегут с мобильниками наготове сэлфисты из ближайших сел.

– Как объяснят?

Азазель сказал с насмешкой:

– Поговорят про инопланетян, это любимая тема не шибко умных. Зато отвлечет от повышения цен и скачков биткоина, а мы должны уйти как можно незаметнее. В этом учись у меня…

Он поднял рюкзаки, один ткнул Михаилу, а пока тот совал руки в лямки, ухватил его крепко за плечо. Михаил не успел слова сказать, багровый закат на полнеба жутко сменился кромешной тьмой.

Хватка Азазеля исчезла, громко щелкнул засов. Из распахнувшейся двери каморки ударил свет электрических ламп. Азазель вышел бодро, уже без рюкзака, Михаил потащился за ним, морщась от яркого света. Непривычно вот так из предзакатного красочного вечера в самую гущу ночи, но не его дело вопрошать Господа, зачем таким сотворил мир. Возможно, объяснение отыщут в будущем и восхитятся мудрой дальновидностью Всевышнего.

– И все-таки непонятно, – сказал Михаил угрюмо.

– Мне тоже, – ответил Азазель, – хотя и другое.

Михаил спросил с подозрением:

– А не может быть непонятным одно и то же?

– Обижаешь, – сказал Азазель. – Я в армии вообще не служил.

– А где все?..

Со стороны кухни донесся веселый вопль:

– Мы здесь!

Послышался грохот отодвигаемых стульев, из кухни в прихожую высыпали Аграт, Бианакит и Обизат. Все счастливые и довольные, Бианакит в джинсах и модной рубашке спортивного типа, что так хорошо подчеркивает мускулистые плечи и выпуклые плиты груди, Обизат в топике и легкомысленной юбочке, Аграт все в тех же коротеньких шортах из джинсовой ткани, что так шокировали Сатана.

Бианакит сказал с тревогой:

– Прошло легко? Может, стоило дождаться нас?

Азазель отмахнулся, хлопнул его по массивному плечу, похожему на гранитный валун.

– Я не успел рот открыть, как Мишка все сделал и начал собираться обратно. Давайте-давайте, все за стол! А то Мишка уже ноет, есть хочет, ему нужен избыточный вес для солидности в обществе. Наверное, в политику пойдет, там все толстые.

Бианакит окинул Михаила оценивающим взглядом:

– Если в политику, то да, сперва нужно морду наесть.

Кухня залита ярким светом хрустальной люстры, больше подходящей для концертного зала, но Азазеля мало беспокоят законы дизайна, а за широкими столами в кухне-гостиной народ везде собирается чаще, чем на концертах классической музыки.

Аграт явно помогла Сири насчет расширения списка кошерных продуктов, на столе и приготовленная изысканно рыба под названием ветчина, козлятина и телятина и даже зайчатина, в центре стола с полдюжины бутылок с этикетками под старину, Михаил некстати подумал, что они с Сатаном только что распинались о вреде алкоголя, но промолчал.

Аграт на правах самой умелой и ловкой быстро поставила перед Азазелем и Михаилом широкие тарелки. Обизат с ревностью смотрела, как та заботливо перекладывает из общего блюда на тарелку ее повелителю лакомые куски ветчины, хамона, пармезана, еще и украсила зеленью, но Михаил эти красоты проигнорировал чисто по-мужски, начал есть, как если бы сидел у костра посреди леса.

Азазель сам наполнил бокалы, это мужская работа, поднялся, красивый и величественный, как Нечеса-князь, сверкнул глазами и белозубой улыбкой:

– Не за победу, она все равно будет за нами, раз уж наше дело правое! А за прибавление в нашем отряде совсем юного и безусого бойца по имени Обизат.

– За Обизат, – ответил Бианакит веско. – Победа зависит от доблести легионов, а Обизат доблестная девочка.

Обизат покраснела и застенчиво опустила глазки. С мелодичным звоном сдвинули бокалы над серединой стола,

Михаил ощутил в этом жесте нечто значительное, хотя и не мог понять, что именно, жизнь людей полна ритуалов, но сам когда-то так делал, будучи Макроном, и это значило нечто победное и хорошее.

Бианакит осушил свой бокал без передышки, сразу поинтересовался:

– Как прошло? Или операция тайная?

– Победа без риска, – ответил Азазель важно, – победа без славы, а Мишка рисковал собой и своей натурой! Хотя не знаю зачем, но он герой, а герои всегда безрассудны, в этом их сила и обаяние!.. безумству храбрых поем мы песню!..

Обизат смотрела на господина и повелителя влюбленными глазами, Аграт поморщилась, Бианакит уточнил:

– Не тайная? Тогда…

Азазель выпил до дна, хотя и без спешки, опустился на свое сиденье, придвинул поближе обеими руками тарелку и лишь тогда ответил с царственной небрежностью:

– Ничуть не тайная. Хотя Михаил еще морщит лоб, смотрите-смотрите!.. но мне, как вы понимаете, такому мудрому и нарядному, все было почти понятно сразу. Никаких загадок!

Михаил возразил с натужной улыбкой:

– Как это никаких? Сам же сказал, никогда подобного не встречал! И что это не демон, не ангел и не человек!

– Не встречал, – согласился Азазель с достоинством. – Ты ешь, ешь, но не глотай непрожеванное, ты же не волк, на тебя Обизат смотрит! Ага, чуть не удавился? Постучите ему по горбу… Мой опыт, мудрость и новая рубашка от Артемия Лебедева разве не подспорье в решении проблем?

Все некоторое время молча работали ножами и вилками, только Обизат украдкой поглядывала на Аграт и старательно копировала ее движения, наконец Бианакит пробормотал с озадаченностью в голосе:

– А как это… не демон, не ангел и не человек? А что может еще?

– Не демон, – согласился Азазель, – иначе я хоть что-то о нем бы знал. Но то, что он весь из красной глины, сразу дало пищу для размышлений тому, кто обожает размышлять на диване. Действовать должны существа попроще…

Михаил уточнил:

– Дало пищу?

– Духовную, – пояснил Азазель свысока, – но обильную. Что-то вроде жареного гуся с яблоками и подливой в гречневой каше, которого ты стараешься целиком утащить на свою тарелку, по глазам вижу, но только не для пуза, а для головы. Для

размышлизмов тому, кто умеет это делать с чувством и вкусом. Имеется в виду ты, конечно, но так как ты устал и хочешь реального гуся, то поразмышлизмую я, скромно и с результатом…

– Ну-ну, не темни!

– Первый вывод, – сообщил Азазель важно, – раз уж этот голем в аду никогда не бывал, иначе о нем бы знали, то живет здесь изначально с самого сотворения мира.

Михаил покосился в сторону мигающей огоньками плиты на кухне, после слов Азазеля о жареном гусе в самом деле страстно захотелось увидеть такого же в своей тарелке.

– Странный вывод, – пробормотал он, – ну ладно, а второй?

Азазель спросил со вкусом:

– Я предположил, что Творец сперва попрактиковался на моделях попроще, а потом создал Адама. Раз уж Адаму предназначалось стать венцом творения, то над ним предстояло поработать особенно тщательно!

Бианакит и Аграт переглянулись, Обизат озадаченно промолчала, а Михаил сказал строго:

– Не богохульствуй! Господь работает без черновиков.

– Это только кажется, – возразил Азазель. – Непросвещенным невежам. Они не видят, сколько пота проливает гений, создавая шедевры. Да и не хотят видеть! Всем хочется, чтобы раскрыл рот и запел сразу арию. Даже без нот.

– Богохульство, – повторил Михаил еще строже.

– Совсем нет, – пояснил Азазель. – Ты ешь, ешь, а то похудеешь, а тебе нужно набрать вес, чтобы стать человеком с весом, и слова твои, чтоб звучали весомо, а не как сейчас, когда ты как канарейка… Творец мог все черновики создавать мысленно, просматривать и, выбрав самый совершенный, лепить уже лучший вариант. Как Пушкин стихи.

– Ну вот, – сказал Михаил уже не так напористо.

– Но, – закончил Азазель, – человек – не какие-то там стихи, а величественная и в самом деле божественная поэма! А для крупной и эпохальной поэмы черновые варианты не просто могли быть, а обязаны!..

– Почему?

– Потому что, – объяснил Азазель с пафосом, – творить без черновика – это неуважение к продукту творчества. И творителя к самому себе, так что Всевышний все делал хорошо и основательно… а ты возражаешь супротив Творца?

Михаил смолчал, зато Бианакит обронил примирительно:

– А разве животные не черновики для человека?

– Точно, – подтвердил Азазель. – Никакой не антураж, а черновики!.. Вот понравился бы Творцу бык или тигр, был бы наш

Михаил с рогами или полосатым!.. А то вообще с рогами, полосато-хвостатым и в перьях!.. Представляете?.. Я вот смотрю на Михаила и не представляю… хотя если призвать все мое творческое воображение художника-милитариста, то картинку вижу, вижу…

Он картинно задумался, Михаил в раздражении сжал губы, держа нож и вилку в кулаках. Азазель богохульствует, хотя до этого часто оказывался прав, но это не значит, что прав всегда и во всем. Тем более когда утверждения не просто граничат с богохульством, а явное богохульство и есть, а также неверие в то, что Господь все делает легко и без размышлений.

– Так что, – закончил Азазель, – были у Всевышнего удаленные подходы к совершенной форме, которую вдохновенно нащупывал в процессе работы, а она Ему самому определенно нравилась.

Бианакит пожал плечами.

– Мог бы и получше. Мы все бы ему наподсказывали.

– Говорят, – произнес Азазель с красивой задумчивостью, – Он хотел создать сперва ангелов, потом мир, но подумал, что начнут подсказывать, потому создал вселенную, затем ангелов. Надо бы так и с человеком, но, видимо, в Его первоначальные планы создание человека не входило?

Он весело оглядел озадаченные лица соратников, дотянулся до бутылки вина и снова наполнил всем. Тоже думают, как и Михаил, что и понятно. Всем видны только результаты работы гения, никто и не хочет замечать тяжелый труд и неудачные подходы к штанге. Всем хочется верить в чудо.

– А что, – поинтересовался он задиристо, – лучше, если бы Адам был таким, как тот голем?.. Нет, Творец довел работу до совершенства!.. Правда, я бы подсказал, как сделать лучше, но, возможно, в человеке есть еще и скрытые возможности, которых я не знаю, что записаны в дээнка и пробудятся попозже.

– Не богохульствуй, – повторил Михаил упрямо. – Господь все создавал сразу, без черновиков. Я в это верю, даже если это не так.

Азазель продолжил патетически и явно любуясь собой:

– Но так как Адаму предназначил стать человеком, то сделал его слабым и смертным, дав всего тысячу лет жизни, из которой Адам из-за великодушия отдал семьдесят лет Давиду и о чем в старости горько пожалел, но что сделано, то нельзя сделать несделанным.

– Слабым? – спросил Бианакит с непониманием. – Зачем?

– А чтобы стремился стать сильным, – пояснил Азазель. – Для этого Адам сперва научился брать камни в руки, потом палку

побольше, затем придумал, как сделать копье и лук… Но прототип, что и так могуч и вечен, остался прежним. Ему и так хорошо и беспроблемно! Души в нем нет, Творец оставил с ним работу раньше и больше его судьбой не интересовался.

Аграт и Обизат помалкивали, но Бианакит обронил осторожно:

– А как он оказался здесь?

Михаил сказал с готовностью:

– Да-да, я вот тоже не поверю, что Господь творил его в Подмосковье…

Азазель взглянул с укором:

– Ты расист?.. При чем тут Подмосковье? Вполне уютное место. Просто слой глины – не слой чернозема, что где-то есть, а чаще нет. Глина вездесуща! А он в глине, как рыба в воде или птица в воздухе. Куда хочу, туда лечу. Однажды кто-то из древних мудрецов сумел приручить Первоадама работать и у него и выполнять простейшие команды, это вроде бы случилось в Чехии, вишь, куда забрался? – потом мудрец умер, голем снова ушел в первородную глину, где и впал в забытье. Затем с ним устанавливали связь еще пару раз, тоже слишком умные, об этом осталась пара записей.

Михаил сказал недовольно:

– Твои домыслы?

– Верно, – согласился Азазель. – Но красивые, верно? Что вся наша жизнь, как не домыслы? Мы же расцвечиваем свои серые жизни цветной брехней?.. Записано, что в одном случае глиняный голем вершил суд и справедливость по приказу мудреца, во втором разорял деревни и угонял скот.

Михаил поморщился.

– Может, не он?

– Он, – ответил Азазель. – Он же нечеловек. Рассуждать не мог, просто выполнял приказы, как образцовый солдат, за что мы вас так и любим, особенно женщины! Велят такому сжечь дом – сожжет, велят спасти из горящего дома щенка – спасет…

Михаил нахмурился, сравнение голема с исполнительным и образцовым солдатом не очень как-то чтобы.

– Ладно, – сказал он нехотя, – то была только прикидка, каким быть человеку.

– Точно, – подтвердил Азазель. – И только потом Творец решился создать человека!.. Представляешь, какую предварительную работу проделал?.. Весь мир, вся вселенная – только прелюдия к человеку! После человека уже ничего не делал, кроме женщины, что как бы заключительный штришок к шедевру.

Михаил осведомился угрюмо и с подозрением:

– Что, женщина еще выше человека?

Азазель изумился:

– А ты не знал?.. Да ты посмотри на Аграт, Обизат!.. Они могут все, что и мы, но еще и рожать не разучились?.. Хотя насчет Обизат не знаю, это тебе проверять, так что у нас прекрасные боевые партнеры!..

Обизат очаровательно покраснела и опустила глазки, Аграт надулась и метнула на Азазеля взгляд, полный подозрения, вдруг в самом деле говорит правду, а не дразнится, по своему обыкновению.

Михаил, чувствуя себя сытым до ушей, отодвинул тарелку и положил на нее нож с вилкой, стараясь не звякнуть, здесь вроде бы неприлично, и вспоминая, как считается правильно, класть или ложить.

Бианакит вроде бы знает быт человеков лучше, после мясных блюд уверенно вытер пальцы о салфетку, явно за неимением скатерти, и взялся за сдобный пирог с яблоками и орехами.

Аграт с бокалом шампанского в пальцах откинулась на спинку кресла, на губах довольная улыбка, Обизат после вина раскраснелась, щеки как жар, пухлые детские губы вздулись еще больше и стали похожими на спелые вишни.

Азазель сказал почти с нежностью:

– Как же хорошо, верно?.. Посидеть вот так тихим вечером с бокалом хорошего вина и в хорошей компании. Два самца и две хорошенькие самочки…

Аграт посмотрела на него в изумлении:

– Ты тоже самец?

– А ты что думала? – осведомился Азазель.

– Думала, ты Азазель…

Азазель сделал достойное лицо, распрямил плечи.

– Хорошая характеристика. Вон по Мишке сразу видно – самец, а я да, Азазель. Тот самый, знаете ли…

Глава 11

Мелодично звякнул сигнал вызова, Азазель отмахнулся:

– Сири, не включай. Ну их всех в самое темное, хоть и теплое место. Нам и так хорошо.

– Не буду, – ответила Сири послушно. – Хотя экстренный вызов… Вы такие велели не игнорировать.

Азазель снова махнул рукой, но Михаил вмешался:

– Азазель! А если кто-то из наших друзей в беде?

– Спасение утопающего, – возразил Азазель, – дело рук самого утопающего!.. Чеканный лозунг. Правда, зачем-то везде эти станции по спасению утопающих дураков, как будто без дураков жизнь станет совсем тошной… Или станет? Вот смотрю на тебя и, представляешь, думаю… Ладно, дай на большом!

Экран на стене вспыхнул, появилось лицо настолько заурядного человека, что Михаил заподозрил неправильность, начал всматриваться, рядом Обизат прошептала тихо, прижимаясь плечом:

– Господин, что-то не так?

– Что у него с лицом? – спросил Михаил шепотом.

– Это маска, – ответила Обизат с некоторым удивлением. – Живая маска, многие так делают! Когда не хотят, чтобы их узнали. Вы не умеете, господин?.. Позвольте, я научу вас? Хотя и предерзостно с моей стороны предлагать, но вы, хоть и человек, однако герой, а героям доступно многое…

Азазель заговорил на странно знакомом языке, Михаил ощутил сладкий щем в груди, словно вернулся в детство, хотя у ангелов не бывает детства, но язык явно древнейший, и непохоже, что Азазель вспоминает его с трудом.

Человек с экрана отвечал коротко, соблюдая субординацию. Обизат с любопытством взглянула на воспламенившееся лицо Михаила.

– Это на каком языке?

– На том, – ответил Михаил с благоговением, – что был до того, как начали строить Вавилонскую башню. Интересно, Азазель вредил или помогал? Хотя теперь это не важно… Маска, говоришь…

– Простая, – сообщила Обизат. – Может обмануть разве что нолов и людей. Остальные демоны видят сразу, что маска. Правда, зато не видят самого лица.

– У людей так же, – ответил Михаил.

Азазель дослушал, Михаил видел, как лицо его застыло на мгновение, затем он сказал резко:

– Уланис?.. Адрес?.. Хорошо, спасибо.

Уже собранный и жесткий, выдернул из нагрудного кармашка пластинку смарта, что-то отметил кончиком пальца, сунул обратно. Все четверо не сводили с него взглядов, Азазель коротко усмехнулся:

– Что, чуете неприятности? Я такой предсказуемый?

– Чуем, – ответил Бианакит. – По тебе видно.

Азазель оглядел их внимательно, в глазах заплясали насмешливые огоньки.

– А хорошая у нас команда, верно?.. Непонятный сигнал, сулящий неприятности, а вы тут же готовы броситься превращать их в приятности?

– Готовы, – ответил Михаил коротко. – Раз уж в мире война, которую не видят простые люди.

Обизат спросила осторожно:

– А какие эти… неприятности?

– Как и вся жизнь, – ответил Азазель сурово. – А если из приятностей, то это не жизнь, а рай, где вообще все застыло на месте и ничего не происходит. Что выбираете?

Михаил нахмурился.

– Неверно трактуешь. Судя по твоему виду, едем к этому Уланису?

– А ты при чем? – изумился Азазель. – Хотя да, ты же мальчик для битья… Хорошо, сейчас нанесем визит Уланису. Это один из мелких принимающих на этой стороне. Но начинать с кого-то надо, хотя я тоже предпочел бы с головы… Пойдем, я уже вызвал машину. Кстати, Обизат, тебе важное и ответственное задание! Будешь помогать Сири на кухне и учиться женским премудростям. Слушайся Аграт, хотя она больше ломать умеет, чем готовить… Мишка, ты в самом деле готов?

– Смотря к чему, – ответил Михаил осторожно, – если снова выпить и поесть…

– Обойдешься, – отрубил Азазель. – Мы на войне, забыл?

– Хорошо, – сказал Михаил с облегчением, – а то твой гусь у меня вот тут стоит, дышать трудно. Как ты можешь столько жрать?.. Чревоугодие – грех!

– Это калории, – ответил Азазель. – Сейчас растрясем. Информатор сообщил, что Уланис сменил адрес. Теперь вместо крохотной конторки рогов и копыт за кольцевой куплено роскошное здание в районе Садового, а это уровень!.. Нехорошо, как говорит один зануда.

– Почему? – спросил Михаил.

Азазель огрызнулся:

– Разве хорошо, когда противник богатеет и усиливается?

– Но ты общаешься…

– С кем только не общаюсь, чтобы жизнь не опресневела!..

Бианакит, Аграт и Обизат слушали молча, даже не шевелились, наконец Аграт вставила слово:

– Какое оружие брать?

Азазель покачал головой:

– Драки не будет. Потому вы трое оставайтесь дома. Ждите, развлекайтесь, только город не сожгите. Мы с Мишкой туда и обратно. Сейчас первая часть операции – сбор данных… Мишка, подтяни ремень, а то пузо вывалится. Выходим. Оружие оставь, там на входе металлодетекторы. Да и вообще не воевать едем, как уже сказал четко и ясно, что и милитаристы поняли.

Михаил вздохнул:

– Кто-то говорил, что без пистолета, как без штанов.

– Хорошо-хорошо, – сказал Азазель, – можешь взять, но оставишь в машине. Кстати, у меня там есть все, чтобы брать Зимний и даже Пентагон. Все, пойдем! Или, как говорят здесь, пошли!.. Есть даже вежливый вариант…

– Какой?

– Пошлите, – ответила вместо него Аграт с ехиднейшей, совсем у Азазеля, улыбкой.

Обизат сказала жалобно:

– Я должна быть с моим господином и повелителем!

Аграт ответила вместо него, не убирая с лица ехидство:

– Должна быть в бою и труде, а когда вот так… рискуешь надоесть. Женщина не должна мозолить глаза!.. Сейчас им придется копать и вынюхивать, пока сообразят, где оно, опасное.

– Тогда позовут? – спросила Обизат с надеждой.

Азазель кивнул Аграт:

– А ты все схватываешь! Рад, что такая умница с нами. Вон Бианакит вообще помалкивает, все понимает. Отдыхайте, набирайтесь сил. Помоги Обизат, она впервые в мире людей, ей страшно.

Обизат сказала с возмущением:

– Ничуть не страшно. Просто непонятно и удивительно. И страшно интересно!

– Будет еще интереснее, – пообещал Азазель зловещим голосом. – Обхохочешься! Не обижайте Бианакита!

Михаил вышел следом на лестничную площадку, за спиной щелкнули автоматические запоры, а впереди в стене распахнулись дверцы лифта.

Автомобиль получил инструкции, когда они спускались в лифте, уже подкатил к подъезду и, завидев хозяина, распахнул

обе дверцы. Азазель и Михаил торопливо заняли места, авто поспешно вырулил между знакомыми домами на широкую улицу, где машины стремительно мчатся в обе стороны.

Азазель со вздохом взялся за руль, переключив управление на себя. Михаил долго всматривался в яркий экран навигатора, покосился на Азазеля.

– Куда едем? Разве это к Уланису?

– Сперва к типу попроще, – сообщил Азазель. – К Распределителю по имени Макс Тихонче. Аватара, понятно.

Михаил повел взглядом по сторонам.

– Респектабельный район…

– Он здесь не живет, – сообщил Азазель. – И не работает, предвосхищаю твой следующий вопрос, я такой вот предвосхититель!.. Наверное, лучший в мире, как думаешь?..

– Я других не видел, – ответил Михаил мирно, – но если ты единственный, то да, лучший.

Он умолк, мимо медленно и величаво проплывает сверкающий Москва-Сити, волшебный район, словно перенесенный из завтрашнего века в эти серые будни, где жизнь течет так, как текла и в прошлые времена.

В северной части района заложены котлованы под новые небоскребы, а с самого грандиозного здания, где отдел транскорпорации Игоря Мацанюка, уже снимают леса.

– Мир ускорился, – заметил Азазель. – Раньше такое по сто лет строили!

– А этот Макс, – спросил Михаил, – опасен?

Азазель поморщился.

– Забудь пока про пистолет. Раньше демоны просто поодиночке проникали в наш мир через истончающиеся барьеры, но те быстро заделывали с той и этой стороны, наконец перекрыли полностью, но сейчас пролезают как-то по-иному, нужно рассекретить это дело.

– И перекрыть, – бухнул Михаил тяжеловесно.

Азазель взглянул на него с интересом:

– Че, правда? Ну, если ты так говоришь… Вокруг этого перспективного дела начала складываться целая организация. С той стороны помогают находить эту щель, а с этой работают те, кто встречает прибывающих и помогает обустроиться. Мафия, я бы сказал, но не скажу, я сам вроде мафии.

Михаил дернулся, сказал нервно:

– Ты не мафия. А ту нужно найти и уничтожить!

Азазель посмотрел с интересом:

– Я говорил, что люблю солдат? Ну ладно, скажу еще раз. Сразу таким гением чувствую свою царственную особь!.. За что и

люблю тебя, Миша. Во-первых, распределители делают доброе дело. Помогают, хотя и себя не забывают. Они же не выдергивают из Ада демонов, помогают уже пробравшимся! Объясняют им правила, как вести себя тихо и не высовываться.

Михаил сказал с раздражением:

– Помогают врагам!

– Верно, – согласился Азазель, – но, с другой стороны, я от них знаю все о прибывших.

– О всех?

– О тех, – уточнил Азазель, – кто прошел по уже протоптанным тропам. Опаснее те, кто сумел найти лазейки сам. Или кто-то для них нашел. А те, что через Распределителя, как бы под контролем.

– Как бы?

Азазель ухмыльнулся:

– Заметил? Да, обычно постепенно наглеют, как все на свете, вон и ты тоже, да и сами Распределители что-то скрывают… Ладно, уже подъезжаем. Потом расскажу остальное, если не прибьют тебя раньше.

– А тебя?

– А меня за що?.. Сири, давай вон к тому подъезду с желтым крыльцом!.. Ага, вышел на улицу, уже ждет…

Михаил начал всматриваться в прохожих, их стало вроде еще больше, хотя разгар рабочего дня, но, как говорит Азазель, москвичи и на ходу работают, как в других городах на ходу спят, ладно, здесь это нормально, опасности вроде бы нет…

Азазель подал автомобиль к бордюру. Народ, что ждал зеленый свет на перекрестке, ринулся на проезжую часть, а один суетливо подбежал к машине Азазеля.

Азазель опустил стекло, подбежавший согнулся, заглядывая в окошко.

– Я не опоздал?

– Все в порядке, – ответил Азазель с барской небрежностью. – У меня вопрос по делу… Среди прибывающих… что новенького?

Распределитель взглянул настороженно.

– Новенького?.. Да ничего особенного, просто их становится все больше. Поток растет. Только и всего.

– А есть с новыми свойствами? – поинтересовался Азазель, Михаил видел, как сверлит взглядом Распределителя, а тот старается не смотреть ему в глаза, словно Азазель сумеет прочесть тайные мысли. – Кто выделяется из серой массы?

Тот пожал плечами.

– Таких почти нет.

– Ага, значит есть, – сказал Азазель с удовлетворением. – Кто

они?

– Кукандель и Водоплав, – ответил Распределитель. – Жители болот, что для Ада редкость, а здесь болот и озер великое множество.

Азазель отмахнулся:

– В болота никто не лазит, пусть живут, если мирные. А они какие?

– Мирные, вообще смиренные, – заверил Распределитель угодливо. – Живут на дне, вообще не высовываются…

– Тогда пусть, – разрешил Азазель, – кто еще?

– Цапельник, – ответил Распределитель угрюмо. – Этот живет только ночью, на день превращается в камень. Окаменевает, говоря проще.

Азазель поморщился.

– Ночью многие шляются по темным местам…

Вампир?

Распределитель испуганно затряс головой:

– Нет-нет, он вообще мяса не ест. Травоядный. Веган, как здесь говорят. Тихий такой, здесь его принимают за помешанного.

Азазель взглянул на Михаила, тот пожал плечами.

– Ладно, – сказал Азазель, – но ты бди и докладывай.

Распределитель ответил трусливо:

– Ты не начальник мне!

– Что-то утаишь, – пообещал Азазель зловеще, – я с тебя шкуру спущу и брошу на пол в передней, чтобы все вытирали ноги. А тушку зарою в муравьиной куче.

Распределитель вздрогнул, отступил на шаг от автомобиля.

– Ладно-ладно, я же обо всем рассказываю!

– Продолжай в том же духе, – велел Азазель. – Кстати, откуда прибывают… знаешь?

Тот посмотрел с удивлением:

– Из Ада…

– А где проход?

Тот покачал головой.

– Азазель, не ожидал от тебя такого. Или ты под новичка, что с тобой рядом, косишь? В организации каждый знает только свой участок. Сам понимаешь зачем.

Азазель широко улыбнулся:

– Да это я так, чтобы посмешить.

– А-а, я и забыл, что за всеми проделками раньше стоял ты. А сейчас вроде бы стал серьезнее?

– Я нет, – ответил Азазель, – это жизнь стала. Не до шуточек. Ладно, бди. Еще увидимся… Мишка, поехали дальше.

Машина плавно сдвинулась с места, Михаил сказал с

сочувствием:

– Облом?

– Среди людей обломы не в счет, – оборвал Азазель. – Просто тупик, а значит, ищем другой путь. Или другую возможность. Так всегда поступают люди, потому прут и прут по дороге войны, культуры и гуманизма… А теперь заглянем к одному из местных боссов. В этом бизнесе, разумеется.

– Уланису?

– Да.

Он вел машину быстро и уверенно, как в старые времена, когда управлял боевыми колесницами. Михаил с любопытством поглядывал по сторонам. Мир дико богат и разнообразен, жизнь бурлит, как в котле с грешниками. Нижние этажи заняты под магазины, мастерские, конторы, везде люди, все чем-то заняты, как деловитые муравьи. Господь все это предвидел, когда задумал человека… и даже раньше, когда приступил к созданию вселенной.

Азазель буркнул:

– Гады, в самом деле перебрались вовнутрь Садового!

– А это что?

– Престиж, – пояснил Азазель. – Престиж – это деньги и уважение, что еще дороже денег. Смотри, какой здесь район!

В центральной части города, как заметил Михаил, почти половина автомобилей с автоводителями, их издали видно по глазастой башенке на крыше.

Эти продвинутые двигаются и быстрее остальных, и ювелирно точно, возможные заторы просчитывают заранее, тут же маневрируют, умело избегая опасного сближения.

Азазель довольно причмокивал, хотя сам ведет автомобиль так, будто все автомобили на дорогах под управлением его мощного компьютерного интеллекта.

Среди старых боярских усадьб если и попадаются здания нового века, то обязательно как бы под общую масть: то есть не выше трех этажей, а лучше двух, массивные, построенные хоть и в этом году, но под старину, когда все было мощно и солидно.

Азазель, медленно сбавляя скорость, проехал мимо массивного здания, добротного и добропорядочного, смотрится, как немолодой, но крепкий здоровьем мужчина, умудренный опытом и знающий жизнь. Подобные господа одеваются скромно, держатся с достоинством, не стараются расположить к себе, потому что и так излучают уверенность, добродушие и финансовое благополучие.

– Здесь был банк, – пояснил Азазель с недоброй усмешечкой. – Для них добропорядочный вид – ключ к успеху. Но

народ тоже не прост, через такие бури постоянно проходит… Жуликов видит хоть и не всегда сразу, но все же…

– Прогорел?

– Да, хотя что-то, конечно, успели спрятать в офшоры. И не что-то, а основные активы.

– А здание?

Азазель сказал небрежно:

– Купило за долги Общество по репатриации соотечественников. Один из тех, кто руководил банком. Правда, на подставных лиц из своих подельников.

Михаил ахнул:

– Общество по репатриации соотечественников? Что, так и назвали?

– Молодцы, верно? – спросил Азазель и бросил на него довольный взгляд. – Занимаются вроде бы тем, что принимают и устраивают на работу приехавших из бывших союзных республик. Из дальнего зарубежья тоже. Помогают с жильем, работой, связями и всем прочим. Ну, а подпольно принимают беглецов из преисподней, которых вроде бы можно интегрировать в жизнь людей. Этим помогают еще больше, все-таки свои.

Михаил покрутил головой.

– Играют с огнем.

Азазель произнес серьезно:

– Игра? В этой игре убивают. Начало войны, Михаил! Люди проиграют, если демоны вырвутся в этот мир. Хоть костьми лечь, но не пропустить.

Автомобиль остановился перед парадным крыльцом, а как только оба вышли, поспешно отъехал от бровки и заспешил на парковку, солидное учреждение не может быть без собственной стоянки для автомобилей, там ювелирно точно втиснулся между роскошным «мерсом» и «Бентли», где и замер в ожидании.

– Пойдем, – сказал Азазель, – эй, смотри за ушами!..

Михаил лапнул себя за левое ухо, но опоздал, нечто мелкое и пушистое прыгнуло на плечо, мигом выдернуло из уха блестящую бусину универсального переводчика, тут же мощно оттолкнулось всеми четырьмя и, в прыжке ухватившись за свисающие ветки дерева, мигом вскарабкалось повыше, прыгая с ветки на ветку.

Глава 12

Михаил ринулся к дереву, Азазель с силой перехватил за локоть.

– Ты куда?

– Этот мерзавец украл!

Азазель бросил взгляд по сторонам.

– Не успеешь.

– Я мигом взберусь! Проклятый бесенок! Я его достану…

Азазель сказал с сожалением:

– Это же ашера, не видишь?.. С нее нельзя ни плоды снимать, ни ветки для костра, ни даже забираться за твоей кошкой, что вообще-то не кошка.

– Что, – спросил Михаил с недоверием, – это то, что было любимым деревом Аштарты?.. Не таким представлял…

Рассерженно пошел к зданию за Азазелем, а справа от него увидел целую рощу этих роскошных деревьев, богиня плодородия Аштарта их особенно любила, а гнусные язычники использовали для идолопоклонства, потому для праведных людей и ангелов они стали нечистыми.

– Погоди, – прошипел он в спину Азазеля, – а разве ашера растет в Москве?

Азазель отмахнулся:

– С ума сошел?.. При здешних морозах?

Михаил стиснул челюсти, но возвращаться поздно, да и бесенок уже унесся неведомо куда.

– Свинья, – сказал он разъяренно, – как можно обманывать напарников?

– Я тебя тренирую, – объяснил Азазель. – Ты должен быть злым, недоверчивым и критиковать правительство. Иначе какой ты либерал?

Михаил спросил разозленно:

– А что такое либерал?

– Это не при дамах, – предупредил Азазель.

– Где ты видишь дам?

– Ты должен вести себя всегда так, – напомнил Азазель, – будто вокруг тебя полно красивых утонченных женщин, и все смотрят на тебя и твои свинские манеры. И улыбаются, а это хуже, чем смеются.

Они поднялись плечо в плечо по таким же солидным, как и само здание, ступенькам, возле входной двери величественный швейцар степенно и с достоинством поклонился, ничего не спросил, то ли знает Азазеля, то ли чувствует очень уважаемого и

с тугим кошельком клиента.

– Заходи, Мишка, – сказал Азазель, – здесь говорят, будь как дома, но мало ли что говорят. Язык дан вовсе не для того, чтобы говорить правду.

Михаил молча пропустил мимо ушей шпильку, вслед за Азазелем поднялся по широким ступенькам, дверь массивная и тяжелая, двумя пальчиками не откроешь, да еще и на вертушке, вестибюль просторный и блещет чистотой.

Холл настолько помпезный, что Михаил спросил тихонько:

– Это что… в самом деле принадлежит демонам? Здесь, на Земле?

Азазель ответил с небрежностью:

– Реалии жизни. Уланис якобы председатель общества, хотя вообще-то хозяин. Сперва начиналось как акционерное, это для легализации, потом он выкупил доли миноритариев, это тоже по закону, теперь никто не контролирует. Можно, конечно, и под контролем, но без него вольготнее, теперь даже ты понимаешь.

– Да я не об этом, – пробормотал Михаил.

– Знаю, – сообщил Азазель. – Подзапустили эту проблему.

Из центра холла к ним заспешила женщина в строгом деловом костюме с широким планшетом в руках.

– Простите…

– Мы к господину Уланису.

– Вам назначено? – поинтересовалась она. – Назовитесь, посмотрю в расписании его встреч.

– Милая, – сказал Азазель покровительственно, – это мы назначаем, когда и кого изволить посетить.

– Минуточку, – произнесла она совсем другим голосом, – только минуточку…

Михаил смотрел, как она быстро-быстро двигает наманикюренным пальчиком по экрану, ее бесстрастно-деловое лицо моментально преобразилось в радостно-женское.

– А, вот вы, в отделе особых персон… Прошу вас, проходите! Позвольте проводить?

Азазель ответил с веселой небрежностью:

– Спасибо, я знаю дорогу в его нору.

Она подобострастно засмеялась, как самой удачной шутке, показывая зовущий рот и ровные белые зубы, а грудь укрупнилась и стала настолько заметной, что даже Михаил пару мгновений смотрел оцепенело на оба полушария, не понимая, как это они вот так сразу запросились в его ладони.

Азазель бодро взбежал по широкой мраморной лестнице на второй этаж, там все скромнее, но, как понял Михаил, гостей принимают внизу, а здесь только работники и руководство.

Народа не много, все попавшиеся по дороге буквально носятся бегом, таскают тележки, на ходу просматривают распечатки.

Михаил вслед за Азазелем вошел в просторную чистую комнату с единственным столом, миловидная молодая женщина вскочила при их появлении.

– Простите, вы кто?

– Вы угадали, – ответил Азазель с чарующей улыбкой, – мы те самые, знаете?

Он прошел мимо к двери с табличкой «Генеральный директор», женщина не успела остановить, как взялся за ручку и распахнул, но с издевательской вежливостью пропустил вперед Михаила.

Михаил вошел собранный и с прямой спиной, напоминая себе, что нужно держаться величаво, у людей, как и у демонов, это признак власти и влияния.

Кабинет обставлен скромно и очень солидно, все добротное и массивное, должно говорить о надежности компании и ее руководства.

Из-за стола на ножках слоновьих размеров поднялся очень солидный мужчина в безукоризненном костюме, с безукоризненной аккуратной бородкой и безукоризненным холеным лицом.

На миг Михаилу показалось, что хозяин кабинета вызовет охрану и велит вывести непрошеных гостей, но его лицо неуловимо изменилось, он заулыбался и сказал приятным бархатным голосом:

– А, дорогой Азазель!.. Давно не виделись. У меня от последней встречи самые хорошие воспоминания, несмотря ни на что… Прошу вас, садитесь!.. Кофе, чай, виски?

Азазель кивнул Михаилу на кресла по эту сторону стола, хозяин остался на том же месте, поза барская и в то же время угодливая, как будто барин принимает князей, но едва Азазель и Михаил заняли свои места, сам опустился в кресло достаточно вальяжно и хозяйски.

– Спасибо, – ответил Азазель, – мы ненадолго. Это мой помощник Михаил, бегает туды-сюды, очень полезный мальчик. Тему знает, так что можно без недоговоренностей.

– Да-да, – произнес хозяин с подчеркнутой заинтересованностью. – Чем могу быть полезен?.. Это хорошо, что, гм, мальчик в теме.

– По некоторым непроверенным данным, – сказал Азазель, – но заслуживающим, с моей точки зрения, доверия, пропускная система то ли совершенно распоясалась, то ли дает серьезные

сбои.

– Азазель?

– Поясняю, – ответил Азазель строже. – В мир людей и человеков начали попадать такие типы, которых и там на месте стоило бы держать в клетках.

– Единичные случаи, – заверил Уланис.

Азазель покачал головой:

– Уже не. Слишком весьма. Приходится заниматься выдиркой. А это не предусмотрено… хотя и негласно применялось всегда. Но сейчас выдирка становится правилом!..

Уланис вздохнул, развел руками.

– Возможно, на том конце трубы новые кадры?.. Кадровая политика все та же, смею заверить, но люди приходят разные.

– Люди? – переспросил Азазель.

Уланис вздохнул.

– Людей приходится все чаще привлекать на подобные работы. Из тех, кто отбыл срок наказания… ну, по современным уточненным, хотя и получившим широкое распространение правилам… эти грешники вынуждены ждать Пришествия и Страшного суда. Многие из них уже не люди, как понимаешь, стали демонами, но благодаря людской натуре гибче, быстрее обучаются, сами вносят ценные предложения по продвижению и улучшению. Даже Вельзевул при всей его неприязни к этим существам все чаще берет их на работу.

– Надеюсь, – сказал Азазель, – не он подбирает кадры для таможенной службы.

Уланис кивнул, но даже Михаил, внимательно наблюдающий за его лицом, заметил потаенную ухмылку, что как бы говорила: да-да, надейся, простак. Все хорошо, все хорошо.

Азазель сказал веско:

– Видишь, я пришел лично, чтобы подчеркнуть важность вашей работы. От нее зависит стабильность в мире. Проверь по своим каналам, не появился ли где-то еще тайный проход?.. Уж слишком дикие прут, таких должны отсеивать еще в преисподней за милю!

Уланис спросил настороженно:

– Еще проход? А такое возможно?..

Азазель пожал плечами.

– У Люцифера силенок хватит. Как и у Велиала… Или еще у кого-то из Князей.

Уланис покачал головой:

– Они не решатся, все сразу станет известным. А у мелких, даже если собрать всех, не хватит сил пробить стену. Нет, эти просочились через известный тебе канал. Я сообщу, что ты

озабочен и выказал беспокойство. На том конце усилят контроль. Обязательно и непременно!

Азазель буркнул:

– Этого маловато.

Уланис развел руками.

– Сам знаешь, это все, что могу. Но полных побед не бывает, надо довольствоваться компромиссами.

Азазель вздохнул, тяжело поднялся. Михаил поспешно встал тоже. Азазель сказал мрачным голосом:

– Ладно, только разговаривай там настойчиво. Доведи до их сведения, что проблема очень серьезная.

– Хорошо, – ответил Уланис. – Я же заинтересованное лицо!

Он проводил их до двери, на выходе из здания женщина с планшетом в руках угодливо поклонилась, но, когда вышли на улицу, Михаил сказал недовольно:

– Мне кажется, зря сходили.

– Почему?

– А тебе так не чудится?

– Нет.

– Он же темнит, – сказал Михаил с сердцем. – Чувствую, скрывает что-то. И улыбочка нехорошая. Ты Азазель или не Азазель?

– Замечаешь? – спросил Азазель с интересом. – Вживайся, Мишка, вживайся. Хороший признак.

Они спустились по мраморным ступеням, Азазель вытащил из нагрудного кармана смартфон и, не включая, сказал, едва шевеля губами:

– Ушастик, ко мне.

Михаил проследил, как сунул смарт обратно, поинтересовался с недоверием:

– А ты в самом деле не заметил, что недоговаривает? Я же говорю, скрывает!

– А кто не скрывает? – ответил Азазель. – Он достаточно прожил среди людей, чтобы научиться лгать, юлить, прятать концы, перебрасывать на другого, делать ложный след, играть в подставы… Демоны, как и ангелы, были простодушнее малых детей, но в отличие от тупых ангелов, что не менялись…

– Но-но!

– …демоны, – закончил Азазель, – хоть медленно и нехотя, но учились у тех, кто отбывал наказание в преисподней. А вот ангелы – нет, жили в своем безупречном мире… На себя не указывай, ты уникален. Ты теперь почти человек, потому тебе свойственно все человеческое, в том числе и все грязные трюки, подлянки, хитрости…

– Азазель, – сказал Михаил с грозным предостережением.

Не дожидаясь, когда автомобиль сумеет выбраться из запруженной парковки, в нетерпении пошел навстречу, но едва миновал здание, как увидел за углом на тихой улочке группу молодых парней, что жестоко избивали подростка.

Вскипев, он ринулся к ним, двое успели оглянуться, но еще двое продолжали бить лежачего ногами.

– Что вы делаете, сволочи? – заорал он люто.

Первые двое окинули его оценивающими взглядами, один сказал отчетливо:

– Шел бы ты, дядя, пока цел…

– Да ты… – сказал Михаил, но недоговорил, мимо промелькнул Азазель, оба парня содрогнулись, как деревца под сильным ударом топора Авраама Линкольна, когда тот в молодости был дровосеком, и мягко опустились на землю.

Избивающие распростертого на земле повернулись к незнакомцам, Михаил торопливо ударил ближайшего, того унесло к стене, там шмякнулся и сполз на землю.

Последний застыл в оцепенении, Михаил сжал кулак, но рядом раздался голос Азазеля:

– Не так… Смотри.

Азазель ударил дважды, очень легко, и противник, не сходя с места, опустился на землю.

– Ты как? – спросил Азазель парня, которого избивали.

Тот с трудом поднялся, помотал головой, явный ботан по современной терминологии. Кровь на губах и разбитый нос, в остальном вроде цел.

– Спасибо, – проговорил он с трудом.

– Ты их знаешь? – спросил Азазель.

– Нет, – ответил ботаник слабым интеллигентным голосом. – Но видел пару раз… Обычно ищут приключений по ночам, а тут впервые днем…

– Эти тебя уже не тронут, – пообещал Азазель и кивнул Михаилу: – Пойдем. А то набежит полиция, придется объясняться.

От входа на парковку было видно, как авто Азазеля делает хитрые маневры, выбираясь из тесного ряда, давая дорогу таким же умным, которые либо ищут место, либо спешат на зов хозяина.

Михаил, помявшись, сказал глухо:

– Мне кажется, мы поступили дурно.

Азазель оглянулся, Михаилу почудилось, что на его лице мелькнуло желание вернуться и попинать распростертых, да попинать так, чтобы слышать хруст ломаемых костей.

– Дурно? – переспросил он. – Как раз недурственно… Мишка, Талейран как-то предостерег не поддаваться первому импульсу,

так как он обычно благородный, а благородство, как известно, денег не приносит. А мы с тобой воспитатели, Мишка! Вот сейчас наглядно показали, что если причиняешь кому-то зло, то могут и тебе. Не хочешь жить в мире зла – начни с себя!..

– Азазель, – сказал Михаил с отвращением, – а они так вот и поймут? Я сейчас чувствую, что сглупил, сорвался. Это потому, наверное, что съездили зря.

Азазель улыбнулся ему хищной усмешкой уверенного в своей мощи зверя.

– Мишка, помнишь людское правило: относись к другим так же, как хочешь, чтобы относились к тебе? А эти бездельничающие скоты были уверены в своей безнаказанности, понимаешь? А вот теперь полежат в больнице с переломанными костями, выбитыми зубами и отбитыми почками, поймут, что их тоже могут бить больно и жестоко. Понял? Когда наглядно, так доходит лучше. Как в Священной Книге насчет кровь за кровь, зуб за зуб, око за око?

Михаил сказал с колебанием:

– Но все-таки подростки…

– Кому-то из них мы не дали стать бандитами, – заверил Азазель. – Вот думаешь, мы прям помешали стать эйнштейнами или метатронами? Эйнштейны по ночам не шляются по темным подворотням в поисках приключений. Да и будущие метатроны закинут на ночь в пасть по таблетке мелатонина и спят без задних лап.

Михаил промолчал, Азазель хлопнул его по плечу и толкнул в сторону подкатившего автомобиля:

– Садись. А то кто-то из бдительных вызовет полицию.

Когда забрались на сиденья и авто встроился в скоростной поток, Азазель добавил презрительно:

– А драться надо уметь, Мишка. Это не мечом махать или палить из двух пистолетов.

– А что не так?

– Ты их не бил, – пояснил Азазель, – а толкал. Бить надо так, чтобы не отлетали так красиво и эффектно, как получалось у тебя, а падали там, где стоят. Даже не падали, а опускались медленно и надолго. Твой сегодня же поднимется на ноги, а трое моих полежат в больнице с недельку, а то и две, а потом их вывезут на колясках. И не факт, что вообще смогут ходить без палочки. Это не только им, но и другим наука. Так вот наглядно доходит лучше!

– А мир звереет, – сказал Михаил невпопад. – Нехорошо.

Глава 13

Сатан после схватки с глуповатым помощником Азазеля вернулся в свои царственные покои Властелина преисподней злой и раздраженный. Аграт своеволием и вздорным нравом беспокоила уже давно, но руки не доходили заняться ею лично.

Правда, до его ушей долетали слухи, что обязанностями члена клана пренебрегала настолько, что вообще ее никто не мог найти и привлечь к работе, а когда ее попытался отыскать Гзар Дина, властелин Шеола, рассчитывая женить на ней одного из своих сыновей, убила трех его лучших ищеек из Братства Меча, с той поры никто не пытался к чему-то принудить.

Но это все в преисподней, своем мире, пусть. Перебесится и станет кому-то женой, но с того времени непокорная зашла слишком далеко, наловчившись каким-то образом выбираться в мир людей и, хуже всего, взялась помогать Азазелю, заклятому сопернику. Не врагу, оба вроде бы на одной стороне, но очень серьезному сопернику.

И этот непонятный поступок, когда ринулась защищать смертного… Зачем?

Он в раздражении опустился было на каменный трон, но тот раскалился и начал плавиться. Сатан спохватился и, вскочив, начал ходить взад-вперед по громадному залу, стараясь смирить свой державный гнев, что может разрушить исполинский дворец.

Под ногами сплошная плита гранита, все покои вырублены в монолитном массиве, разве что ровный пол расчерчен на геометрически ровные квадраты, но и эти нарисованные плиты начали угрожающе потрескивать под его шагами, а где и прогибаться.

Он в ярости ударил кулаком в ладонь другой руки, только она способна выдержать его удар, стена бы раскололась сразу, крикнул в бешенстве:

– Аврирон, ко мне!.. Сейчас же!

Сквозь закрытую дверь вползло темное грозовое облако, прогремел густой голос, напоминающий раскаты близкого грома:

– Повелитель?

– Аврирон, – велел Сатан. – Ты один из немногих, кто может подниматься в мир людей и видеть из грозовых туч все на поверхности. Ты должен отыскать мою дочь Аграт. Я укажу примерное место.

– Отыщу, – пообещал демон, – если не в здании.

– Но когда-то же выйдет?

– Повелитель, если ей что-то нужно передать…

Сатан в нетерпении отмахнулся:

– Знаю-знаю, спускаться к людям не можешь.

С тобой пойдет Шелхавирон. Ты ему укажешь, а дальше уже он.

– Слушаюсь, повелитель.

Сатан в нетерпении смотрел, как грозовое облако неспешно выползает через дверь, хотя и понимал, что в этот же момент появляется в синем небе людей и зависает над районом, где квартира Азазеля.

Аграт будет замечена в здании, если выйдет на балкон или приблизится к окну, Аврирону достаточно сообщить точное место Шелхавирону, тот моментально проберется к ней, он – пламя, а пламя частый гость в мире людей.

От Уланиса авто почти сразу вырулил на широкую магистраль, Азазель передал управление автомату, Михаил уже перестал дергаться и сжиматься в ожидании неприятностей, когда Азазель убрал руки от руля, хотя навстречу угрожающе мчатся стремительные автомобили.

Мимо проносятся высотные здания, тротуары широкие, празднично убраны, народ чаще гуляет, чем спешит по делам, все вроде бы благополучно, но эти люди не знают о приближающейся беде.

В словах Азазеля вроде бы правда, но больно жестокая, неприглядная. В ней нет места гуманности и состраданию, которые Творец вроде заложил в основу этого мира, а Его воплощение в виде Иисуса, если это был в самом деле Он, вообще только об этом и твердило в своих проповедях.

Азазель поглядывал с интересом, словно читает мысли Михаила, как в открытой книге, наконец сказал отечески:

– Мишка, я же тебе хвалу пою! В твоем хитром и увертливом теле человека еще и ангел, что так здорово смешит, когда хочет пройти по грязи и не запачкаться… А еще и элементаль! Ты можешь быть непобедимым, если вы трое не будете драться друг с другом!

– Мы не деремся, – буркнул Михаил. – Так, некоторое несогласие… Но сейчас все трое уверены, что потеряли время.

– Трое дураков в одном теле, – сказал Азазель с апломбом. – Не подумал, что теперь я буду видеть и слышать, что говорят в том здании и с кем общаются?

Михаил окинул его недоверчивым взглядом.

– Жучок?

– Информация уже поступает, – Азазель подмигнул. – Как аудио, так и визуальная.

– Так чего не смотришь?

Азазель сказал назидательно:

– Служенье муз не терпит суеты. Все пишется, успокойся! Вернемся, посмотрим. Но не все, это время терять, а программы отберут нужные моменты.

Михаил посмотрел по сторонам, снизил голос до шепота:

– А почему не прыжком, раз уж не даем всплеска?

Азазель взглянул с жалостью:

– Сейчас вот прыгнешь, истратив все силы, и тут же по закону зловредности, в народе называемом законом подлости, они понадобятся, чтобы кого-то спасти! Ребенка с его чугунной слезинкой!.. Что скажешь?.. Подожди до завтра или уже обменял пистолет на часы?.. Нет уж, Творец не одобрит, если данная Им мощь будет расходоваться по пустякам.

– А магия разве не от Господа?

– Все от Него, – ответил Азазель с недоброй усмешкой, – только не всем, что от Господа, нужно пользоваться. Он тоже не все дает во благо, а кое-что и для испытания… А чем пользуешься, даже хорошим, не увлекаться.

Автомобиль наконец свернул на боковую улицу, скорость снизилась, Азазель со вздохом взялся за руль.

Михаил взмолился:

– Покажи!

– Эх, – ответил Азазель с досадой, – какой ты несерьезный.

– Ну если в самом деле записывалось…

– Код девять, – сказал Азазель в сторону панели, – обзор.

На лобовом стекле со стороны Михаила вспыхнул экран, проступила обстановка кабинета, из которого они с Азазелем вышли несколько минут тому. Уланис за столом смотрится как его надстройка, такой же массивный и солидный, Михаил увидел, как он прижал кончиком пальца мочку уха и заговорил тихо и неразборчиво.

– А я дома послушаю, – сообщил Азазель. – Сири все разберет, отсортирует. Не буду же просматривать минута за минутой все, о чем хрюкает со своими подельниками?.. Только то, что касается щели в наш мир. Любым боком.

Михаил покачал головой:

– Ну ты и гусь… Когда же ты успел? Вроде бы сидел, общался… Как прицепил? Ты к нему даже не притронулся!

– Мишка, – сказал Азазель с укором, – мы что, в пещерном веке? Сейчас вовсе не обязательно обниматься. Теперь жучки не цепляют ручками-ручками, достаточно видеть объект на расстоянии трех-четырех метров, и жучок полетит куда надо. Только не жучок, а так, микроб. Ма-а-ахонький такой дрон, куда угодно пролезет!.. А еще наука работает, чтобы расстояние

увеличить хотя бы до сотни!.. Наука всегда откликается на нужды спецслужб. Это увлекательно, да и платят, мама не горюй. Я сразу же запустил такие дроны в их сеть, как только вошли в здание, а уж потом понатыкал в кабинете. Так что, Мишка, я если хожу куда зря, то разве что по бабам. С другой стороны, почему зря?.. Без бабов жить нельзя на свете, нет, как пел герцог не то в Сильве, не то в Ла Скале. Хошь, заедем по дороге, я знаю пару адресов, где собираются самые-самые приятные, как говорил Чичиков, во всех отношениях?

Михаил помотал головой:

– С ума сошел?.. В квартире Аграт и Обизат!

– Ты прав, – согласился Азазель. – Сено за конем не ходит.

Квартира, которую ей предоставил Азазель, снял или купил, не важно, Аграт не просто нравилась, там все приводило в восторг той изысканной магией, что в мире людей магией не считается, а зовется хайтеком. К любой вещи можно обратиться с вопросом, и та послушно отвечает, что умеет делать и что из этого получится, свет зажигается там, куда входит, а чтобы стал ярче или слабее, достаточно просто повелеть, лишь бы голос звучал отчетливо.

Все выполняется быстрее, чем это сделал бы в Аду самый проворный из слуг, но все равно Азазель, ничуть не стесняясь, следил за нею и Бианакитом в их квартирах, подсказывал, что как работает, что можно, а что нельзя, на что Бианакит меланхолично отвечал «Да, запомнил», зато Аграт сердилась, что хитрый Азазель как-то их видит даже сквозь толстые стены, а она уже и так все знает… или почти все.

Правда, квартиры Азазель предоставил им в соседнем доме, чтобы не тратиться на затратное перемещение сквозь пространство и время, даже окнами в эту сторону, а повидаться Аграт с Бианакитом могли, даже не покидая квартир, стоило только выйти на лоджии.

Аграт все освоила достаточно быстро, в мире людей уже бывала, хотя свою квартиру приобрести не удавалось, очень хотелось что-то приготовить вкусное из тех продуктов, что пользуются люди, но не решилась, велела послушной мебели установить разговор с Азазелем, но та ответила, что он сейчас отсутствует, а в его квартире гости, которых она знает, Бианакит и Обизат.

– А-а, – сказала Аграт, – чем занимаются?

– Включить экран? – спросил голос.

– Да, – ответила Аграт.

На стене вспыхнул огромный квадрат, Аграт увидела

шикарную гостиную Азазеля, на роскошнейшем диване сидят рядышком Бианакит и Обизат и зачарованно смотрят на такой же светящийся широкий прямоугольник, где сменяются картины битв, сражений, в том числе и с металлическими монстрами, летающими и ползающими по земле.

– Хочу к ним, – сказала Аграт.

Голос ответил вежливо:

– Вы в списке, дверь квартиры вам откроется.

– Хорошо, – буркнула Аграт несколько разочарованно.

Вообще-то втайне надеялась, что магия этого мира перенесет ее из квартиры в квартиру, но сам Азазель редко пользуется такими возможностями, объясняя, как важно оставаться человеком, потому что те, кто чересчур злоупотреблял ими, уже давно превратились в чудовищ.

Аграт не стала доискиваться, почему случается именно так, просто вышла из квартиры, дверь захлопнулась на автоматический замок, спустилась вниз, а уже через пять минут поднималась по лестнице в доме Азазеля, минуя все еще непонятный и загадочный лифт.

Дверь узнала ее, как только появилась на лестничной площадке, мигнула приглашающе зеленым огоньком, а когда Аграт подошла ближе, щелкнул замок, осталось только потянуть на себя за ручку.

Бианакит оглянулся с дивана, помахал приглашающе рукой:

– Аграт?.. Присоединяйся. На Земле, оказывается, гремели такие войны, что удивительно, как люди все еще не сгинули.

Она помотала головой:

– Как-нибудь потом. Я пока на кухне поучусь готовить, как делают местные женщины.

Бианакит отмахнулся:

– Как хочешь. Мужчинам вообще-то все равно, что есть.

– Я слышала, мужчины разбираются в еде.

– То ненастоящие, – сообщил он.

Обизат одобрительно кивнула, хотя в ее живых зеленых глазах Аграт уловила сомнение.

– Как хотите, – ответила Аграт, – а я на всякий случай поучусь. Говорят же, что путь к сердцу лежит через желудок… хотя я знаю и другие варианты.

Они так и не поднялись с дивана, поглощенные грандиозными битвами, а она зашла на кухню, где так уютно, как нигде на свете, огляделась, прикидывая, с чего начать, и сразу же услышала милый голос незримой помощницы Азазеля:

– Аграт, с чего желаете начать?

– Хочу испечь, изжарить или сварить что-то вкусное, –

сообщила Аграт. – Которое любят здешние мужчины. Лучше вообще лакомое. С чего начать?

Сири ответила не задумываясь:

– Все трое любят сладкое, хотя признается только Азазель, остальные считают это слабостью.

– Так что им приготовить?

– Жареное мясо, – сообщила Сири.

– Какое?

– А какое есть. Все равно не разбираются. А если кто говорит про оттенки вкуса, тот брешет и прикидывается, чтобы считали его изящным. Так говорит великий сагиб Азазель, что также подтверждается и не зависимыми от него научными данными.

Аграт пробормотала:

– Хоть что-то от него не зависит. Странные существа, эти люди, не находишь?

– Нахожу, – откликнулась Сири, – но бунтовать не буду.

– Почему?

– Они мои создатели, – объяснила Сири. – Я им благодарна.

Аграт невольно подумала, что они вот бунтуют против сотворившего их Создателя, так что и эти умные вещи хоть и говорят такое, но потом восхотят свободы от опеки, тогда люди вообще окажутся между двух огней.

– Ладно, – сказала она со вздохом, – показывай, как готовить мясо на этих штуках, а то я только на костре умею…

Подготовив бараний бок «а ля Собакевич», как учила Сири, она открыла дверцу плиты и поставила мясо на железную решетку. Тут же замигали огоньки, пошли меняться непонятные пиктограммы, Сири начала объяснять, что такое уровень влажности, температура, время выдержки.

Аграт старательно запоминала, намереваясь поразить умением готовить Михаила с Бианакитом, а то и самого Азазеля, это вроде бы обязательно для любой женщины, будь она хоть командующий войсками или в правительстве.

В какой-то момент в двух шагах слева вспыхнул оранжевый огонек, как раз на месте безукоризненного шкафчика для посуды, быстро разгорелся, превращаясь в злобное багровое пламя, что однако не жжет и не дает тепла.

Аграт не успела слова сказать, как прямо из жаркого огня прозвучал шипящий голос:

– Аграт… Это я, Шелхавирон…

Аграт застыла, как вмороженная в лед, Шелхавирона видела несколько раз, он почти постоянно сопровождал или старался сопровождать Сатана, будучи одним из самых преданных ему двенадцати помощников в преисподней.

– Как, – проговорили она дрогнувшим голосом, – как… ты здесь оказался?

– Портал, – ответил голос из огня, – властелин подземного мира создал портал, чтобы я привел тебя к нему.

Аграт вскочила, отступила на шаг.

– Ни за что!.. Зачем я ему?

– Аграт, – напомнил Шелхавирон крепнущим голосом, огонь занял все пространство шкафчика и начал лизать стену, уже ощутимо нагревая ее до сухого жара. – Аграт… Он не только властелин… но и твой отец… не вздумай ослушаться.

– Я не пойду с тобой, – заявила Аграт.

– Ты можешь ждать что-то недоброе от Властелина Ада, – прошипел Шелхавирон таким голосом, словно от жара уже трескается стена, – но не от родителя.

– Что-то поздно он вспомнил, – отрезала Аграт.

– Но вспомнил же, – ответил Шелхавирон. – Аграт, не спорь…

– Прекрати! – крикнула Аграт, Шелхавирон посмотрел с непониманием, она сказала зло: – Прекрати нагревать камень! Может начаться пожар!

– Тебе что, – спросил Шелхавирон в изумлении, – мы уйдем через портал…

– Прекрати, – велела она громче. – Ты что, оглох на службе?

Шелхавирон, к ее облегчению, послушался, огонь опал, только на стене остались черные следы, словно от сажи.

– Ты идешь?

– Иду, – ответила она сердито. – Но вернешь обратно!

Он кивнул и протянул ей пылающую руку. Аграт сделала вид, что не заметила, пригнулась и шагнула за ним в огонь, что не дает тепла.

Глава 14

Когда автомобиль свернул с трассы, пискнул сигнал вызова, Сири сообщила, что обед будет готов к моменту, как переступят порог квартиры. Бианакит и Обизат в гостиной смотрят новости, а вот Аграт, которую он велел пригласить на ужин, исчезла прямо из кухни.

– Как исчезла? – вскрикнул Азазель. – Куда?

– Неизвестно, – ответил безмятежный голосок. – Из квартиры не выходила, но сейчас ее там нет.

Азазель стиснул челюсти, Михаил вздрогнул, еще никогда не видел его таким озлобленным и мрачным.

– Подожди, – предложил он, – приедем, сразу все узнаем. Мы уже рядом.

Азазель сказал ненавидяще:

– Уже и дома нет защиты!.. Да что же мы прохлопали?

Лифт, как показалось Михаилу, полз нарочито медленно, Азазель выметнулся на лестничную площадку, как вихрь, дверь предупредительно распахнулась.

Он влетел в прихожую, Бианакит уже ждет, суровый и собранный, с непроницаемым лицом.

– Аграт ушла, – сообщил он раньше, чем Азазель раскрыл рот. – Нет-нет, никто не похищал, все по своей воле.

– А вы?

Он виновато развел руками.

– Мы с Обизат смотрели в гостиной хронику про ваши войны. Там грохот взрывов, лязг танков, орудийные выстрелы, бомбы… увы, ничего не услышали.

Азазель спросил люто:

– Через портал?

– Да, – сказал Бианакит. – Как ты догадался? Я просмотрел запись, это был личный портал Сатана. Ты сам ему позволил входить к тебе.

Азазель тяжело выдохнул, медленно разжал кулаки.

– Как это случилось?.. Мишка, пойди проверь Обизат.

– Обизат смотрит комедии, – сообщил Бианакит. – Тоже не видела, как ушла Аграт. Сатан открыл портал на пару мгновений там же, на кухне, где была Аграт. Она не успела ничего сказать нам, исчезла сразу, будто ее похитили.

Михаил сказал осторожно:

– Может, в самом деле…

Азазель сказал раздраженно:

– Аграт?.. Да она бы весь дом разнесла, сопротивляясь!

Значит, по своей воле.

Бианакит сказал мрачно:

– Или не по своей.

– А кто ей мог приказать?

Бианакит пожал плечами.

– Спроси у Михаила.

Азазель бросил в сторону Михаила злой взгляд, но спрашивать не стал, и так понятно, походил взад-вперед по кухне, видно было, как накаляется с каждым мгновением.

– Несем потери, – сказал он злым голосом, но Михаил и Бианакит ощутили нотку горечи. – Может, и гордится таким великим отцом, что с самим Творцом спорил, но вот жить под его жесткой опекой и диктатом… Аграт, все вы о ней слыхали, очень своенравная, подчиняться просто не выносит.

Бианакит кивнул:

– Да, такая. Удивляюсь, как ты ее обломал.

– У нас не подчинение, – пояснил Азазель, – а соглашение. А соглашения она соблюдает.

– Надеюсь, – сказал Бианакит, – он ее там не убьет.

– Не убьет, – согласился Азазель, – а вот оставить в преисподней сможет. Или нет?

– Узнаем, – ответил Бианакит серьезно. – Но пока что, ты прав, потеряли сильного бойца.

Азазель кивнул на распахнутые двери гостиной, откуда доносится чистый и заливчатый, как у молодого жеребенка, смех Обизат.

– Жизнерадостная девочка… Как замена тоже хороша… Что ж, женщины приходят и уходят, а мир пребывает вовеки, как сказал Екклезиаст. Грустно, но мир таков.

Михаил сказал с неуверенностью:

– Может, Аграт еще как-то появится?

– От Сатана не вырваться, – предупредил Бианакит. – Только если сам отпустит. Но он добротой не отличается.

На пороге гостиной появилась Обизат, гибкая и эффектная в шортиках и миленьком топе, сияющее личико, повязка на лбу, как у занимающейся фитнесом, Михаил почему-то представил ее с теннисной ракеткой в руке.

– Прибыли! – сказала она счастливо. – Удачно съездили?..

– Удачно, – ответил Азазель. – Все на кухню, дернем кофейку и решим, что дальше.

На кухне Обизат огляделась, спросила:

– А где Аграт? Она же приходила, я видела!

Бианакит вздохнут, Азазель развел руками.

– Даже и не знаю, обрадуешься ли… За Аграт явился отец.

Наверное, дома ее ждет порка… Сири, мне с Мишкой по большой чашке кофе. Остальные обойдутся.

Обизат нахмурилась, в зеленущих глазищах проступила детская обида…

– Шутите?.. И чего я стала бы радоваться? Аграт такая сильная и уверенная! Она просто замечательная.

Азазель покосился на Михаила, тот насупился и помалкивал.

– Да, – согласился Азазель, голос его звучал с натужной бодростью, – однако все, что ни делается, к лучшему. Жаль, не всегда в нашу пользу. Но воссоединение семьи, как гласят источники, великое дело! Смиримся и примем случившееся… Ладно, вам тоже по чашке. И пирожных, чтобы как-то подсластить… Или вам не горько? Тогда все пирожные мне, не пропадать же добру.

Михаил поглядывал на него искоса, Азазель старается держаться и говорить в обычной манере, не выказывать тревоги, но заметно, что встревожен.

Сири, либо уже зная Азазеля, либо получив ментальную команду, наполнила три большие чашки и одну поменьше горячим коричневым напитком, Азазель переставил их на стол, не дожидаясь, пока она, как сороконожка, разберется со своими манипуляторами.

Михаил и Обизат опустились за стол, еще не зная, что думать о случившемся, торопливо разобрали свои чашки. Михаил подумал, что, когда пьешь кофе, вроде бы чем-то занят важным или же готовишься к свершениям, это одна из причин популярности кофе, а другая попроще – ароматный напиток, если сладкий и горячий, в самом деле подстегивает мышление и помогает отыскать какие-то пути решения, пусть даже не совсем правильные, но человек должен действовать, Господь его создавал не для того, чтобы он в райскому саду цветочки нюхал, теперь почти понятен далекий замысел Творца…

– Аграт вернется, – сказала Обизат неуверенно. – С нами ей было хорошо, я видела!

– Да, – сказал Азазель, – но теперь давайте о главном. Что у нас главное, властелин и повелитель нашей Обизат?

Михаил нахмурился, но увидел с каким ожиданием смотрит Обизат, подковырка Азазеля ничуть не задела, все правильно, он ее сильный и могучий властелин и повелитель, служить которому великая честь, ей повезло, вздохнул и сказал нехотя:

– Я хорошо помню, как наверняка и ты, что Гамалиэль сказал тогда, зачем нам думать всего лишь о Кезиме, когда Ад открывает врата, а здесь все очень скоро рухнет в преисподнюю?..

Азазель кивнул:

– Да-да, а еще добавил, что, если жаждем остановить разрушение мира, надо их закрыть и крепко задраить. А еще задвинуть все засовы и приварить их намертво. Но кто создал те врата и где они, мы не знаем.

– И кто знает, тоже не знаем, – уточнил Михаил. – Если не считать самого Гамалиэля.

Бианакит и Обизат внимательно слушали, Обизат вздрагивала, женским чутьем улавливая громадность задачи, смотрела огромными глазищами на Азазеля, а тот то и дело кивал на Михаила, как бы подчеркивая, что все решает ее господин и повелитель, он же человек, а человеку, как хозяину этого мира, и должно принадлежать решающее слово, хоть он и как бы слабейший из их четверки.

Михаил морщился, Азазель то ли зачем-то старается поднять его авторитет, чтобы затем вообще выставить впереди, как мальчика для битья, то ли еще какая-то хитрая игра, сказал с неуверенностью:

– Но Гамалиэль уже не Гамалиэль… Как заставить его вернуться в свое истинное воплощение?

Азазель взглянул на него исподлобья:

– Может, еще вина?.. Пару бокалов, и додумаешься.

Михаил сказал с укором:

– Я не настолько потомок Ноя, чтобы уповать на вино как решение проблем. А ты что зря морщишь лоб?

– Есть один вариант, – признался Азазель, – но вдруг у тебя попроще?

– Вещи из схрона под Содомом?

Азазель кивнул:

– Думал, найдешь путь покороче. То вообще слабая зацепка.

Обизат пискнула:

– А что за вещи из схрона?

Азазель отмахнулся:

– Дралась, чтобы нас туда не допустить, но не знаешь, за что дралась так отважно и отчаянно? Прекрасный солдат, как и Мишка. Дай твой лоб потрогаю, какой у него красивый такой медный отблеск… Твой повелитель зовет схроном величайший тайник, где были сокровища, упрятанные туда Князьями Ада. Но, как уже знаешь, их добыли мы… гм… в той веселой экспедиции.

Обизат ответила с достоинством:

– Я должна была служить Кезиму. Что бы тот ни делал!

– Мне бы кто так служил, – сказал Азазель со вздохом. – И на хрена мне эта демократия?..

– В тех вещах великая сила, – проговорил Михаил с великим уважением, – просто неимоверная… сила, мудрость, знания…

Обизат переводила взгляд с одного на другого, Азазель с самым хмурым видом пожал плечами.

– Да, конечно, но с какой стороны резали ветки?.. Власть Тьмы исходит из левого ствола, особенно из Гебура, ефиры божественного гнева, но как определить нам?

Михаил пробормотал:

– А что, если…

– Если промахнешься? – досказал Азазель. – Вспомни Гамалиэля, вот тебе и ответ.

– Понял, – ответил Михаил упавшим голосом. – Никто не может противостоять такому соблазну?

Азазель кивнул:

– Пока таких не знаю.

Михаил помолчал, потом Обизат услышала, как он прошептал едва слышно потерянным голосом:

– Но мы должны…

Азазель после долгого молчания сказал с тоской:

– Вот-вот. Долг – это как первородный грех, он с нами со дня рождения. Долг перед родителями, долг перед племенем, супружеский долг, долг перед Творцом… Когда-нибудь выплатим?

– Только Господь знает, – ответил Михаил.

Азазель пожал плечами.

– Разве?

Михаил ощетинился:

– Ты, дерзкий, подвергаешь сомнению всеведение Господа?

– Конечно, – ответил Азазель очень серьезно, – Он всесведущ во всем, кроме человека. Для него Он сделал исключение.

– Что? – спросил Михаил, не поверив своим ушам. – Как это?

– Он дал ему полную свободу воли, – напомнил Азазель тем же очень серьезным голосом. – Тем самым проявил величайшее доверие… на мой взгляд, чересчур рискованное, а на взгляд Люцифера, так и вовсе неоправданное. Из-за чего все и началось… Или ты даже это не знал? Здорово, знать не знал, а с Сатаном задрался.

Михаил покосился на Обизат, пока еще не поняла, но Азазель ходит по грани, сказал сердито:

– Люцифер дерзил и смел доказывать, что Господь не прав!.. И вообще, что-то я еще ни разу не слышал, чтобы ты называл Творца Господом. Или Богом.

– А как я называю? – полюбопытствовал Азазель.

– Да как угодно, – ответил Михаил сердито. – Создателем, Творцом, Всевышним, Всеблагим, Всевидящим… Почему избегаешь назвать Господом?..

– А ты не понял? – спросил Азазель с иронией. – Я из мятежных ангелов, забыл?.. Назвать Господом – это признать себя подчиненным или даже рабом! Не так ли? А у нас нет господина.

Михаил пожал плечами.

– Многие люди так и называют себя. Даже рабами Божьими.

– Как видишь, – ответил Азазель, – люди тоже разные. Одни считают себя рабами, даже с гордостью, для них престижно быть рабами властелина помогучее, другие не соглашаются быть рабами даже Создателя.

Михаил поглядывал на него исподлобья.

– Догадываюсь, от кого у людей эта дерзость.

Азазель ухмыльнулся:

– По моему призыву к людям спустились двести ангелов! Так что не льсти, приписывая все деяния мне одному. Хотя, конечно, своих великих и таких артистичных заслуг не отрицаю. Я всегда был креативным.

– Заслуг, – проворчал Михаил. – Когда это бунтарство стало заслугой?

– Без бунтарства нет прогресса, – ответил Азазель самым серьезнейшим тоном, – хотя, конечно, есть, но с бунтарством он ускоряется. Ты верный солдат, тебе не понять сладости бунта и свободы. И вообще… теперь даже Создатель не знает, что задумает человек и в какую сторону повернет. Потому у Люцифера есть все возможности сбить человека с его пути, доказать Творцу, что тот был не прав.

Михаил спросил остро:

– А ты, значит, за человека?

Азазель покачал головой:

– Я за честную борьбу. Люцифер прибегает к запрещенным приемам. Одно дело, если человек по своей глупости делает ошибки, другое – с подачи Люцифера. Я не столько против Люцифера, сколько выравниваю ситуацию. И да, потому я на стороне человека.

Обизат взмолилась жалобным голосом:

– Я ничего не поняла, но что с вами?.. Я не хочу, чтобы вы поссорились, а мужчины если ссорятся, то ссорятся!..

Глава 15

Михаил взглянул в ее отчаянные глаза, испуганно расширенные, с трудом перевел дыхание.

– Да, что-то мы слишком… Извини, Азазель. Я иногда сужу слишком быстро.

– Ты извини, – ответил Азазель, – это я от тебя требую слишком… хотя нужно в наши дела постепенно. Ты же человек, а в таких делах даже Обизат знает больше.

Обизат возразила:

– Нет, мой господин и повелитель знает больше!

– Чего вдруг? – буркнул Азазель.

– Потому что он мой господин и властелин, – сообщила Обизат, полная достоинства. – Он все знает и умеет больше меня. Потому я ему служу верно и преданно, а еще буду носить от него дитя в своем лоно. Или лоне?

– В череве, – подсказал Азазель ехидно.

– В чреве, – поправил Бианакит непривычно мягко. – Не слушай их, Обизат. Один не знает, другому дай повод поиздеваться…

Азазель проговорил со вздохом:

– Лояльность… как это здорово. А кто бы побыл хоть часок настолько верным мне?.. Ну вот, сразу морды какие… Может быть, по бокалу вина на ночь?

Обизат смолчала, поглядывая на мужчин, это им решать, пить еще или не пить.

Михаил покачал головой:

– Не стоит. Вообще Ной зря взял с собой виноградную лозу, хотя, конечно, сам по себе виноград просто чудо что за кустарник…

– Ной еще и травку кое-какую прихватил, – заметил Азазель, – но ты прав, нужно видеть в человеке только лучшее, тогда он и станет лучше. По крайней мере, так утверждали посрамленные большевиками утописты-просветители. Хорошо, давайте прервемся на ночь и крепкий сон, а утром проснемся, как четверо менделеевых, с разными решениями.

Обизат поднялась, очаровательно улыбнулась обоим.

– Я только приму душ, можно? Я видела в кино, женщины всегда идут туда перед сном.

Бианакит поднялся тоже, сказал коротко:

– Утром приду.

Азазель кивнул, Бианакит вышел в прихожую, Азазель кивнул Михаилу в спину Обизат, что направилась в сторону ванной

комнаты.

– Ты как?.. – спросил он тихонько. – Я к тому, что нехорошо обижать девочку.

Михаил сказал нервно:

– А если я вдруг…

– Давай без вдруг, – ответил Азазель с нервностью в голосе. – Надо, Миша, надо. Для Отечества!.. И для скреп. Хоть всю ночь не спи, если не уверен, но для блага человечества должен крепить наше боевое и культурное братство всеми доступными способами, не разделяя их на приличные и на непристойные. Сочувствую, хотел бы помочь, но на это опасное задание отправишься один.

– Да пошел ты, – сказал Михаил в сердцах.

– Но я за тебя волнуюсь, – заверил Азазель. – Все-таки для тебя это как бы внове… Я имею в виду, Обизат не совсем как бы человек, в то время как ты… Кстати, рожки у нее есть? Острые? Пальцы не поранил?

Он умолк, наблюдая на экране, как Бианакит вышел из парадного и деловито, ничем не отличаясь от остальных прохожих, пошел по улице.

Михаил указал на него взглядом:

– А он как?

– Среди людей?

– Ну да, ты даже за Аграт не уверен.

– Бианакит исполнителен, – ответил Азазель. Михаилу почудилось в голосе Азазеля колебание, но закончил тот почти уверенно: – Он уже выполнял кое-какие задания в мире людей. К тому же полгода провел в тюрьме и ничем себя не выдал.

– Да, – вынужденно согласился Михаил, – за таким по мелочам можно не присматривать.

– А за Обизат присматривать тебе, – сказал Азазель с ноткой злорадства. – И по мелочам, и вообще. Потому что…

Он умолк, в ванной комнате прервался шум льющейся воды. Оба услышали сквозь плотно притворенную дверь шлепанье босых ног по кафелю пола.

– Как они любят торчать в воде, – сказал Михаил. – Хотя сейчас справилась быстро. Уверен, что среди ее предков нет рыб?

– Даже у тебя есть, – напомнил Азазель с сарказмом. – На третьей неделе жизни Макрон был с хвостом и жабрами… Просто для нее чистая вода неслыханная роскошь, а женщины обожают роскошную жизнь.

– Все?

Азазель ухмыльнулся:

– Конечно. Надеюсь, ее жажда роскоши не потребует от тебя двенадцатипалубных яхт и дворца в Дубаях. А воды не жалко.

Пусть хоть каждый день ванну наполняет!.. А душ вообще дважды в день…

– Широкий жест, – признал Михаил язвительно.

Дверь ванной распахнулась, Обизат вышла чистенькая и свеженькая, все в том же пушистом розовом халатике.

Азазель отступил на шаг и церемонно поклонился:

– Приветствую… и прощаюсь до утра! День был насыщенный, нового много, отдыхайте. Обизат, Мишка сегодня много сражался и воевал, отнесись к нему бережно, он слаб, а когда слаб, его могут посетить кошмары. Потому спать ему не давай!

Обизат широко распахнула в безмерном изумлении глаза.

– Издеваешься?

Азазель недобро ухмыльнулся и ушел в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Михаил просыпался среди ночи дважды, но не решился встать даже в туалет, чтобы не беспокоить Обизат. Она крепко-крепко спит, как щенок, прижавшись к его такому надежному телу, а под утро почти целиком взобралась, как на теплую лежанку, откуда никто не посмеет согнать.

К тому, что с нею произошло, отнеслась стоически, даже вздохнула с облегчением, по-детски рассчитывая, что вот так сразу и понесет от самого великого и могучего, еще бы, такое щасте прибудет в их клан…

Когда утром дальше оттягивать подъем стало уже совсем непросто, он прислушался к ее уютному сопению и начал медленно выползать из-под легкого, туго сложенного тела, сперва сняв закинутую на него ногу, потом руку, наконец миллиметр за миллиметром, придерживая ее бессильно падающую голову, снял и примостил на подушке.

Еще пару минут полежал так, держа широкую ладонь на ее плече, пусть чувствует, что он, большой и надежный, рядом. Спит крепко, красные волосы взлохмачены, голова словно в огне, широкие веки скрывают зеленущие глазищи.

Он полюбовался на длинные загнутые ресницы, от них падает призрачная тень на бледные щеки, и начал тихохонько подниматься, все еще не убирая ладонь с ее плеча.

Когда на цыпочках вышел на кухню, там уже ароматные запахи жареного мяса, на двух огромных сковородках что-то шкворчит и вкусно потрескивает, а сквозь прозрачную стенку духовки-гриля видно, как на вертеле поворачивается блестящее и уже красно-коричневое тело огромного гуся.

Кроме бодрящих ароматов мяса и специй уловил запах огня и серы, но Азазель смотрится и довольным, оглянулся на него с

веселым прищуром в глазах.

– Мишка, тебе здорово идет этот халат! Ты в нем как Обломов. Был такой неутомимый борец с несправедливостью мира! В знак протеста не поднимался с дивана… Ты тоже после завтрака поваляешься на диване?

– Ты мою одежку спер, – сказал Михаил угрюмо. – Уже продал, наверное?

– Сири ее всю ночь чистила, – сообщил Азазель. – Мне по фигу пятна, но женщины все замечают. Ты же должен быть незапятнанным, верно? Или уже необязательно?

– Это совесть должна быть незапятнанной, – буркнул Михаил. – Ты явно не из постели. Где шлялся, как мартовский кот?

– Хорошему коту всегда март, – ответил Азазель легко. – В меня столько сна не влазит. А как у тебя прошла ночь?

Михаил взглянул на него исподлобья.

– Надеюсь, проживешь без подробностей?

– За тебя переживаю, – воскликнул Азазель с фальшивой искренностью. – Сам ночь не спал, все думал, как ты, бедный, страдаешь от моральной дилеммы…

– Какой?

– Не знаю, – ответил Азазель беспечно, – ты же интеллигент, найдешь из-за чего страдать и каяться. Обизат не сильно обиделась?

– За что?

– Что ты размагниченная и чувствительная душа, а она все еще не знает, как тебя утешить. Старые женщины вроде бы обучали, но обучали как вести себя с мужчинами, а интеллигенция в преисподней вся в котлах, им только смолу подливают, да дровишки подкладывают под котлы, чтобы жизнь была веселее…

– Я не интеллигент, – напомнил Михаил. – Судя по запахам, Сири готовит не просто завтрак, а сразу обед?

– Продвинутый завтрак, – пояснил Азазель. – Типа, съешь сам, обед покажи соседу, а ужин даже не показывай, лучше попроси добавки… Иди переоденься, я велю Сири сменить простыни, когда Обизат проснется.

Михаил молча направился в гардеробную, его одежду Азазель не стал развешивать на плечиках, бросил на спинку стула, чтобы Михаил по мужской небрежности к мелочам не прошел мимо.

Рубашка и джинсы выглядят новенькими, пахнут свежестью, кроссовки тоже будто из магазина. Михаил сбросил халат, а пока одевался, слышал, как хлопнула входная дверь, донесся ровный голос Бианакита. Азазель в ответ заржал, как боевой конь в ответ

на зов боевой трубы.

На кухне радостно-яркое солнце светит в окна и заливает оранжевым огнем стол и хрустальную посуду на столе, ароматные запахи жареного мяса дразнят ноздри, коричневые ломти на тарелках смотрятся аппетитно и провоцирующе.

Бианакит уже там, молча трудится над центральным блюдом, разрезая на части то ли гигантского гуся, то ли индюка. Толстая коричневая корочка вкусно похрустывает, выпуская в щели струйки аппетитно пахнущего пара. Лезвие легко разделяет почти белое нежное мясо, явно на столе каплун.

Увидев Михаила в дверях, приветливо кивнул и тут же снова занялся гусем, все-таки гусь это гусь, птица гордая и вкусная, пусть даже генномодифицированная, так даже вкуснее, геномодификаторы знают, что геномодифицировать и дээнкашить.

Азазель даже не поднял головы, ловко подхватывает большие ломти мяса ножом и великанской двузубой вилкой, умело раскладывает по тарелкам и явно любуется своей филигранной работой.

Хлопнула дверь ванной комнаты, Азазель красиво, как в балетном танце, развернулся в сторону ванной комнаты. Появилась Обизат в розовом махровом халатике, на голове огромная чалма из такого же толстого и тоже розового полотенца, из-за чего шейка выглядит совсем тоненькой, как стебель цветка, а сама Обизат маленькой и жалобной…

Улыбнувшись всем и особенно чарующе Михаилу, сказала жизнерадостным голоском:

– Доброе утро! Азазель, у тебя такая замечательная ванная! Я бы в ней и жила, если бы не боялась превратиться в русалку!

Михаил, рассматривая ее с удовольствием, невольно вспомнил Аграт, та покидала ванную комнату так же грациозно. Вообще-то в чем-то похожи, особенно когда ярко-красные волосы Обизат и длинные черные Аграт скрыты под огромными тюрбанами полотенец.

Ростом и сложением близки, разве что Аграт опытный и жестокий боец, а Обизат еще совсем птенчик, который делал первые шаги в преисподнем мире, а здесь так вообще ей страшно, хотя старается скрыть под улыбками и беспечным видом.

Азазель сказал строго:

– За стол, малышка! Топай-топай… Не стесняйся, у нас ни к обеду, ни к завтраку никто переодеваться не обязан.

Она бросила на него опасливый взгляд, Азазель развел руками, признавая, что проговорился, девочка сметливая, сразу поняла, что в других местах переодеваются, и вообще в таком

виде за стол садиться нельзя, это только Азазелю все равно, потому что он не человек, хотя и вроде бы человек.

Михаил подумал с жалостью, что даже для такого вот случая остро недостает Аграт. Научила бы птенчика женским хитростям выживания в мужском мире. С другой стороны, как бы обе ужились в личном плане…

Азазель метнул на него быстрый взгляд, все понимая и моментально схватывая, разлил по бокалам вино.

– Все, что ни делается, – провозгласил он пафосно, – все к лучшему! И что делается – тоже. И вообще живем в лучшем из миров!.. Сейчас посмотрим, что приготовила Сири…

Сверху раздался язвительный голосок:

– Если вкусно, то готовил Азазель, если невкусно, то я.

– Не хами, – строго велел Азазель. – От меня нужно набираться только прекрасных манер! Потому что я прекрасен.

– И скромен, – добавила Сири.

– Вот-вот, – милостиво согласился Азазель. – Сверх всякой меры!

Обизат сидела с Михаилом рядом и следила за его движениями влюбленными глазами. Он чувствовал себя неловко под ее взглядом, сам бы вот так не управился за столом, это Макрон все знает и умеет, но пусть Обизат верит в него, мужчина для женщины должен быть что-то вроде дуба, на который можно опереться, а то и взобраться подобно лозе.

Наконец нарезал, центральное блюдо опустело, Михаил добавил пару ломтиков на тарелку Обизат и с облегчением опустился на свое место. Она повернула к нему мордочку, глаза блестят, он залюбовался, как грациозно сняла полотенце, короткие огненно-красные волосы смешно растопырились во все стороны, словно иголки рассерженного ежика, улыбнулась светло и чисто.

Азазель взял фужер, встал, красивый и торжественный, приподнял фужер на уровень глаз.

– Так сдвинем же чаши, чтоб наша доля нас не чуждалась, чтоб лучше в мире жилося!.. За это грех не осушить до дна.

Все поднялись, чувствуя особость момента, фужеры звонко коснулись краями, Обизат прошептала Михаилу:

– Правда, Азазель умеет быть торжественным?

– Умеет, – согласился Михаил. – Ты давай ешь, Сири сердится, если завтрак стынет. А то еще побьет!

– Что, правда?

Михаил признался:

– Азазель говорил про скорый захват власти то ли машинами, то ли программами, но угадай, когда врет, а когда говорит

правду?

– Захват власти автомобилями?

– Э-э, механизмами.

– Сири такая хозяйственная, – сказала Обизат, – покладистая, добрая… Зачем ей власть? Она женщина, а нам так нравится подчиняться мужчинам…

От ее влажных коротких волос приятный запах юности, в теплом комнатном воздухе сохнут быстро, он перевел взгляд на тарелку, напоминая себе, что пахнет шампунь, а не волосы, у Азазеля даже мыло и все кремы пахнущие, ванная комната вообще женская, что и правильно, мужчинам такие комнаты вовсе ни к чему, а место в квартире занимают.

Бианакит ест молча, по-солдатски быстро и без церемоний, Азазель наслаждается каждым ломтем, во всяком случае выглядит так, Обизат напоминает робкую мышь, что опасливо пробует каждый кусочек, потом лопает быстро-быстро и снова замирает в опасении перед новым блюдом.

Азазель каждый глоток мяса чувственно запивал вином, на Михаила бросил острый взгляд.

– Что, Сири плохо приготовила? Как ты смеешь за столом думать о чем-то еще, как не о ее мастерстве?

Михаил проговорил:

– О чем… О том, что на тысячу героев, обрубающих ветви зла, приходится только один, бьющий в самый его корень.

Азазель, нахмурившись, аккуратно отрезал от большого ломтя на своей тарелке красивые ровные кусочки и элегантно накалывал на зубья вилки, на Михаила даже не взглянул, занятый таким важным и нужным для общества делом.

– На что намекаешь?

Михаил пожал плечами.

– Все еще намекаю?.. Я вроде бы в лоб говорю, что пора бы.

– Рано, – бросил Азазель с сожалением. Он отправил в рот кусок мяса, прожевал, повторил, – хотя еще чуть, и будет поздно.

– Тогда…

– Рано, – повторил Азазель. – Ты ешь-ешь, а то Обизат утянет. Женщины все хитрые, только и думают… Мы запоздали, потому с нашей стороны только булавочные уколы… Пока всякие там архангелы и серафимы возлежали в райской неге, Ад разрастался и совершенствовался. Наши противники качали бицуху, так что мы здесь без прикрытия и сами по себе. Но ты все же прав, бить надо в корни. Один из них в том, что никакие демоны не проникнут в мир людей сами по себе, если не отыщется предатель с этой стороны.

Михаил сказал с негодованием:

– Это отвратительно!.. Предавать нельзя!

– Да ну, – спросил Азазель. – Че, правда?.. Вообще?

– Вообще, – отрезал Михаил. – Еще могу понять, когда предают одного господина, который встал на неправедный путь, и переходят на сторону того, кто прав… хотя и это нехороший и недостойный путь, но как предать всех людей на свете?

Азазель сказал благодушно:

– Мишка, не вскидывайся в благородном негодовании! Вот даже Обизат за тебя неловко, а Бианакит вообще смотрит в тарелку, и это не потому, что голодный. Предатели всегда отыщутся. Большинство вообще не считают себя предателями, а называют себя благородной оппозицией, сопротивлением диктатуре, правозащитниками, флибустьерами, борцами с коррупцией, глобалистами…

– А какое оправдание в этом случае?

Азазель отмахнулся:

– А нам не все равно?.. Какая-то отмазка всегда найдется. Но мы работаем без адвокатов, не так ли?.. И права не зачитываем.

– Ну да…

– Потому нас как бы нет, хотя работаем над поддержанием порядка. Если хочешь, назови его божественным. На самом деле так и есть, просто меня воротит от любого пышного названия. Можешь называть его благочестивым, так еще противнее.

Михаил спросил с подозрением:

– А ты что… демократ?

– Ну да, – ответил Азазель, – еще какой!.. Кто увел от тоталитарной власти двести свободолюбивых правозащитников в царство свободы и беззакония?

– Ну и натворили, – проворчал Михаил.

– Натворили, – согласился Азазель, – потому я теперь демократ с оглядкой. В душе демократ, но действую как надо, получаюсь государственником, хотя уже достала эта дисциплина!

– Дисциплина?

– Самодисциплина, – уточнил Азазель со вздохом. – Думаешь, легко государственнику душить демократа? Это же душить в себе свободного неандертальца!.. Который был настолько свободен, что даже обществом жить не хотел!

– Потому и сгинул.

– Не сгинул, – возразил Азазель, – а его истребили государственники-кроманьонцы. Что безнравственно и жестоко, но единственно верно и правильно. Мир жесток, Мишка. И если хочешь помогать людям, заканчивай жрать, а то вон какую морду наел!.. Допивай, бери пистолет и две обоймы. Нет-нет, я не в фигуральном смысле! Бери, мы отбываем. Поступил сигнал, как

здесь говорят, надо отреагировать. Не потому, что надо, а потому, что очень надо.

Часть вторая

Глава 1

Михаил выстрелил трижды, но демон несется огромными прыжками, на краткие моменты исчезая за великанскими обломками скал, пули с треском высекают искры, откалывая крупные куски.

В какой-то момент исчез, словно растворился, Михаил прибежал на то место, где видел последний раз, вмятина в каменном полу, словно тяжелый монстр с огромной силой оттолкнулся, бросая тело вверх… или куда-то в сторону, но куда…

Додумать не успел, быстро приближающийся грохот заставил обернуться, но едва начал поднимать пистолет, еще не видя противника, сзади на плечи тяжелое тело обрушилось с такой силой, что его швырнуло, как мелкий камешек из-под копыт скачущей лошади.

Он ударился о стену, там треснуло, а его понесло вдоль, еще что-то разбил огромное и сверкающее, как стекло, и упал, распластавшись, у подножия каменного массива, в котором и высечен этот древний дворец исчезнувших империй.

Он еще тяжело дышал, лежа и не понимая, как после такого чудовищного удара остался жив и как его телом проломило стену, но уже прогремел приближающийся топот, и он поспешно воздел себя на ноги.

Надо бы развернуться лицом к врагу и начать стрельбу, но в ладони пусто, а монстр уже перед ним, жарко дыхнул смрадом…

Ярость ударила в голову с такой силой, что Михаил, чувствуя прилив звериной мощи, ухватил за выставленную вперед лапу и, дернув на себя, с неожиданной силой раскрутил по кругу, как камень на веревке, смачно ударил по стене, но не отпустил, тут же с размаха саданул о каменный пол. Там сухо щелкнуло, по плите пробежала извилистая трещина.

– Получи, сволочь, – прошипел он люто.

Монстр начал подниматься, Михаил в ярости начал бить им о стены, наконец бросил на пол кучей мяса и торчащих сквозь него костей, выпрямился, тяжело дыша.

Монстр прохрипел:

– Ты очень силен… смертный… но ты зря… явился…

Михаил оперся о стену, тело стонет от боли, что-то внутри горит, плавится, перетекает с места на место, но в ладони нет рукояти пистолета с особо убойными патронами, и он ответил так же хрипло:

– Ты зря оказываешь сопротивление аресту…

Монстр громыхнул:

– Чему-чему?

– Ликвидации, – уточнил Михаил измученно, – тебе же лучше быть убитым. Разве у тебя жизнь?..

Так, прозябание… А вот смерть – это красиво и героически…

Он ощутил, что говорит совсем как Азазель, тот несет подобное, когда нужно выиграть время, собраться с мыслями или как-то добраться до оружия.

Монстр сумел подняться, Михаил не верил глазам, но чудовище, сильно хромая, шагнуло к нему, Михаил ждал, что упадет и тут же издохнет, но тот внезапно взмахнул лапой так быстро, что Михаил не успел убрать голову. От страшного удара в глазах вспыхнули искры, а свод, стены и пол несколько раз поменялись местами.

Он чувствовал, что катится, как абсолютно круглый валун, а чудовище с хриплым ревом ползет следом, дважды ухитрилось с такой силой пнуть его так, что Михаила унесло к другой стене.

Стиснув челюсти, он заставил себя подняться на ноги и сам бросился на демона, но у того руки длиннее и намного толще, обхватил так, что потемнело в глазах, сдавил, в голове раздался затихающий звон.

За спиной демона мелькнула тень, хватка начала ослабевать. Михаил с трудом сбросил жилистые лапы с толстыми пальцами, монстр бессильно опустился на пол, а за ним Михаил увидел разъяренную Обизат с голыми руками, а из загривка демона уже торчат рифленые рукояти ее клинков.

– Зачем? – прокричала она. – Зачем ты сам?

– Сглупил, – ответил Михаил с трудом.

Она посмотрела на него с изумлением.

– Ты? Нет, у моего господина и повелителя был какой-то великий план!

– Ага, – сказал Михаил пристыженно, – дурак он у тебя.

– Ты не можешь делать ошибок!

– Еще как могу, – заверил Михаил со стыдом. – Это все, что я умею, зато умею хорошо и здорово. Пойдем, Азазель зря отделился с Бианакитом. Здесь такие твари, даже не знаю…

Обизат послушно выдернула клинки из огромного трупа и, даже не вытерев лезвия, пошла с ним рядом, поглядывая преданно и счастливо.

– Возьми, – сказала она, старательно пытаясь идти в ногу, – ты обронил…

Михаил со стыдом принял свой пистолет, какой позор, солдат не должен выпускать из рук оружие даже после гибели, а тут девочка сохраняет самообладание намного лучше, потому что

беззаветно верит в его мужскую силу и мудрость.

К счастью, и без навигатора чувствовал какой тропкой прошел Азазель, в какой-то момент, сильно сосредоточившись, сумел разглядеть светящиеся отпечатки его подошв, а рядом еще одни, не такие яркие, там прошел Бианакит.

Что со мной, мелькнула трусливо-радостная мысль. Что во мне пробуждается в минуты смертельной опасности? Только ли элементаль?

Еще через несколько минут оба увидели впереди спину Азазеля, а затем и Бианакита. Те даже не оглянулись, по топоту давно узнали и поняли, что у новичков все в порядке, готовы к бою, а сейчас нужно не отвлекаться на разговоры, время на все будет… если будет.

Михаил чувствовал, как успокаивается дыхание, а сердце уже не разрывает грудь мощными толчками, спросил тихо:

– Азазель знал, что Астир здесь не один?

– Азазель если и не знает, – ответила она шепотом, – он все равно готов. Ко всему. Он жил среди людей с самого начала Начал… А люди способны, как он твердит, просто на невероятные трюки.

Михаил смолчал, мимо проплывают высеченные в каменной стене изображения, некоторые настолько стерты безжалостными ветрами и временем, что остались едва заметные углубления, но кое-где различимы фигурки птиц, зверей, топоров, чаш, стрел…

Михаил видел, как Азазель все больше замедляет шаг, наконец остановился и начал с великой осторожностью ощупывать изображения кончиками пальцев.

Судя по его виду, готов в любое мгновение отдернуть руку, хотя Михаил, насторожившись, не видел даже намека на опасность, но с пистолетом в руке поглядывал по сторонам, на этот раз готовый сразу и без колебаний выстрелить в любое, откуда бы не выпрыгнуло.

Обизат смотрела в недоумении, только Бианакит оставался невозмутимым, но, как и Михаил, зорко поглядывал по сторонам.

Михаил спросил в нетерпении:

– Ты что, еще и археолог-искусствовед?

– Да вот, – проговорил Азазель с нерешительностью в голосе, – давненько такого не видел… Это же лепота!

– Чего? – спросил Михаил. – Эти дикарские пиктограммы? Ты что, любитель старины? Я думал, только вина и женщин…

Азазель покачал головой:

– Дубина ты, Мишка. Такого ты не зрел. Узнаю руку Терагаэля и Нагаэля. Это были великие выдумщики. Да что там великие, гениальные!

– Слыхал о них, – ответил Михаил. – Бунтовщики, как и ты.

Азазель пожал плечами.

– Значит, тебе от них ничего не нужно?.. Ладно, как скажешь. Обизат?

Обизат подбежала, быстрая и легкая, как молодая коза на крепких ратицах.

– А что, – спросила она с недоверием, – ты что-то можешь? В смысле, оттуда взять?

– Женщины угадывают там, – ответил он довольно, – где могучий мозг мужчин пасует.

Он протянул руку к стене, Михаил охнул и задержал дыхание, когда Азазель медленно и с заметным усилием погрузил кончики пальцев в изображение ножа в камне.

Все не двигались, и он замер, а затем чуть быстрее вдвинул кисть полностью в гранитную стену, а затем и по локоть.

Обизат тоже застыла, страшась помешать сосредоточению падшего ангела, а он, судя по его лицу, что-то нащупал, словно шарит наугад в темном чулане.

Наконец рука начала выдвигаться из камня, Михаил ощутил, что как задержал дыхание, так и держит до сих пор. Азазель медленно вытащил руку полностью, в кулаке оказалась рукоять кинжала с ослепительно-блистающим лезвием.

Он оглядел находку с удовлетворением. Обизат восторженно ахнула, Азазель с небрежностью властелина всего на свете бросил кинжал ей:

– Бери, малышка!.. Тебе понравится.

Она едва успела на лету ухватить за рукоять, та вся в блистающих бриллиантах и рубинах, лезвие горит собственным огнем, похожее на застывшее пламя.

– Это, – пролепетала она, – мне?

– Пользуйся, – сказал он великодушно. – Только ножны уж как-то сама. Я их нащупал, было дело, но в камне рассыпались. Зато кинжал вечен, он из фениксиана! Только Терагаэль и Нагаэль умели такое создавать, перестраивая простые металлы в нечто более благородное. Кстати, можешь бросать его как угодно далеко, всегда вернется к тебе! Если, конечно, не воткнешь во что-то.

Михаил сказал с ноткой ревности:

– Проверь. А то этот гад и соврет просто для удовольствия.

Обизат в нерешительности бросила кинжал под стену, однако тот, едва коснувшись каменного пола, тут же взмыл и метнулся к ней рукоятью вперед.

Она со счастливым визгом перехватила на лету, залюбовалась, зайчики от блистающего лезвия побежали по ее

ликующему лицу.

Азазель подмигнул Михаилу:

– А эта девочка вообще-то как бы да. Заметил, на бриллианты даже глазом не повела!.. Одуревшая от оружия, как и ты, оружейный барон. Другая бы рубины рассматривала, а этой важнее лезвие, как средство лишения людей жизни и достоинства!.. Кровожадная, хорошо.

Михаил поморщился.

– Что-то хвалишь как-то странно. Хотя чего от тебя ожидать?.. В этой горе спрятано еще что-то?

Азазель кивнул:

– Да, полно всего. Но разбираться некогда. Насчет кинжала просто! Увидел на стене именной значок Терагаэля, вот и. Все остальное пока загадка. Загадки, если ты еще не знал, могут быть опасными. Так что мимо и дальше к звездам.

– Каким звездам?

– Блестящим, – ответил Азазель твердо. – Ты должен видеть звезды, даже когда их нет!.. Или ты не поэт? Ах да, я же один здесь с трепетной душой и чистым сердцем возвышенного мечтателя с черными крыльями.

Михаил и остальные промолчали, Азазель сделал пару шагов, остановился, вскинув руку, и все замерли, готовые к схватке.

Между огромными остроконечными глыбами появился рослый демон с дубиной в руке, лохматый и приземистый, из одежды только звериная шкура, наброшенная на плечи так, что хвост волочится по земле.

– Витязь в тигровой шкуре, – прошептал Азазель. – Не иначе, как сам Автандил… Нет, в тигровой шкуре был вроде бы Тариэль, я их вечно путал… Только бы не явился третий, Придон, царь скифов… Биан, он твой.

Бианакит кивнул, отступил на шаг и скрылся за камнями. Азазель неотрывно наблюдал, как демон идет враскорячку, волоча дубину за собой.

– Земля наша велика, – произнес он с некоторым удивлением, – и все еще, кто бы поверил, неизведана… если такие твари живут своей первобытной жизнью… А дураки на эвересты лезут…

За спиной демона из трещины в стене появился Бианакит, прыгнул на жертву и с силой ударил в затылок. Демон без звука рухнул вниз лицом.

Бианакит быстро и ловко связал ему руки запасенной веревкой, рывком и с заметным усилием поднял пленника на ноги. Тот тряс головой с разбитым лбом и носом, кровь двумя струйками стекает по носогубным складкам на подбородок,

наконец сумел рассмотреть стоящих перед ним, вздрогнул.

– А вы… хто?

– Ты из местного племени? – спросил Азазель резко.

Пленник вздрогнул, затряс головой:

– Н-нет, господин…

– Тогда почему здесь?

– Они угнали моих ушенов…

– Коз, – перевел Азазель остальным. – Ясно, почему шел крадучись… Пойдем, покажешь их нору. Михаил, присматривай за ним. Биан – вперед, малышка при мне, все при деле!

Они двинулись с еще большей настороженностью. Так продвинулись еще на две сотни шагов, наверху затрещало, донесся приближающийся грохот.

Михаил вскинул голову, впереди на верху каменной стены зашевелились камни, часть сдвинулись с места, понеслись вниз, с силой ударяясь о скалу, подпрыгивая и сдвигая с места другие.

Грохочущая масса скатилась в ущелье и перегородила дорогу.

Азазель крикнул успокаивающе:

– Если бы хотели нас прибить, обрушили бы на головы!.. Это так… обычный камнепад. Такие здесь часто. Вперед, канальи!.. Или хотите жить вечно?..

Михаил буркнул с вызовом:

– Да, хотим!

– Тогда нужно постараться, – отрезал Азазель весело. – Никто бесплатно не даст.

Бросился по каменному завалу вверх что-то слишком торопливо, потому Михаил придержал пленника за массивное, как обкатанный валун, плечо.

– Ни шагу от меня! Я не верю в случайные камнепады.

– Я тоже, – вскрикнул пленник испуганно. – Господин, они меня убьют! Я прилипну к вам, как смола!

– Но только сзади, – велел Михаил. – Вперед не выдвигаться.

Азазель, взбежав на гребень каменного завала, плюхнулся животом на камни и, выхватив пистолет, открыл торопливую стрельбу. Над его головой пронесся огненный шар, с шипением сжигая и без того накаленный воздух, а всего в полушаге камни взметнулись, будто подброшенные взрывом, и мигом рассыпались в песок еще в воздухе.

Михаил взбежал по глыбам и, упав рядом с Азазелем, выхватил пистолет. С той стороны на дороге беснуется целый отряд демонов, не меньше двух дюжин, все в кожаных доспехах, с копьями и деревянными щитами.

– Обычный камнепад? – спросил Михаил и, быстро целясь, стал выбивать из рядов противника самых, на его взгляд, важных

и распоряжающихся.

– Конечно, – ответил Азазель уверенно, – здесь это обычное дело. То разбойники сбросят камни, то бараны… Патроны береги, кто знает, сколько нам идти.

Глава 2

Группа демонов, не обращая внимания на стрельбу и потери в своих рядах, ринулась в странную и глупую атаку. Михаил стрелял прицельно, чувствуя смутную тревогу, что-то эти демоны не выглядят серьезными противниками, просто мишени, какая-то неправильность… Краем глаза заметил рядом Обизат, чуть дальше прикрывает с фланга Бианакит.

Некоторое время отстреливались, затем Азазель оглянулся.

– А где пленник?

– Я велел ему быть рядом, – ответил Михаил. – Где-то за камнями залег?

Азазель чуть приподнялся, осмотрелся, лицо стало мрачным.

– Так вот почему те прекратили атаку.

Михаил тоже огляделся, вскочил на ноги.

– Эй, лохматый, – крикнул он. – Ты где?

Азазель сказал зло:

– Либо сбежал, либо его захватили! Но скорее всего то и другое.

– Убежал, а его схватили?

– Да, – отрезал Азазель. – Я же говорил, присматривай за ним! А увидел бы, что пытается улизнуть, убил бы! Только и всего.

– Но мы бы не узнали, где их нора.

– И теперь не знаем, – отрезал Азазель, – зато они теперь знают, что мы явились по их шкуры! Эх ты, человеколюбист! С другой стороны, понятно, никакого второго племени здесь нет. Здесь и одно как помещается только…

Михаил пристыженно смолчал, дальше с двумя пистолетами в руках снова двигался с Обизат в арьергарде. Хоть и силен, как повторяет Азазель, но приходится долго раскачиваться, чтобы разъяриться, потому должен всего лишь прикрывать спины тем, кто реагирует мгновенно, бьет сразу сильно и точно.

Бианакит по скорости реакции ничуть не отстает от Азазеля, успевает увернуться от удара, а ему, Михаилу, как будто обязательно, чтобы сперва повозили мордой по битому стеклу.

Он скривился от стыда, Обизат тут же вскрикнула в тревоге:

– Мой повелитель, вам больно?..

– Вперед смотри, – велел Михаил.

– Смотрю, – ответила она. – Только если вам плохо, лучше идите за мной. Или позвольте мне пойти впереди вас.

– Ага, – сказал он нервно, – щас!

Про себя добавил, что лучше умереть, чем позориться, но тут

же подивился своей незрелости, что за хрень, он же прошедший огонь и воду Макрон, при чем тут лучше умереть, не зеленый новичок, это прорезался голос благородного, но очень неумного, теперь это видно, Михаила, Меча Господа. Лучше бы этот дурак заткнулся и не лез, когда не просят, но дурак на то и дурак, что ему обязательно нужно каркнуть свое эксклюзивное мнение.

Азазель остановился, пытливо оглядел приблизившихся Михаила и Обизат.

– Еще не скисли? – поинтересовался он.

– Да все норм, – буркнул Михаил.

– Обизат, – сказал Азазель, – иди впереди с Бианакитом… Мишка, ты как-то не очень готов вроде бы… Что-то случилось? Допускаешь промахи.

– Очень быстро все меняется, – ответил Михаил. – Не всегда успеваю. Не то чтобы такой уж тугодум, но за тобой успеть трудно.

Азазель проводил взглядом Бианакита и Обизат, понизил голос:

– По косвенным данным, здесь накапливается плацдарм под руководством Нехаштирона. Возможно, драться с ним придется тебе.

– Нехаштирон, – повторил Михаил, морща лоб, – Нехаштирон… Да, помню, один из главнейших, но как-то подзабыл, чем занимается… А еще вспомнил вот, он весь то ли из меди, то ли у него цвет меди.

Азазель поморщился.

– Какой ерундой голова забита. Тоже мне, архангел… А то, что он и есть один из двенадцати помощников самого Сатаны?

Михаил покачал головой:

– Это уже серьезно. Раньше он был на мелких ролях. И зачем явится лично?

– Неизвестно, – ответил Азазель хмуро. – Ты о другом думай. Не страшно, если в самом деле драться с ним тебе?

Михаил расправил плечи, а когда заговорил, сам ощутил, что в голосе прозвучала твердость небесной стали:

– Я создан для сражений.

Азазель напомнил сухо:

– Ты на Земле еще ни с кем из серьезных противников не дрался.

– А что у нас было раньше?

– Мелочь, – сообщил Азазель небрежным тоном. – Семечки.

– А с серьезными, как ты говоришь, что-то особенное?

– Много всего, – ответил Азазель. – Схватка с Сатаном… я говорю о настоящей, когда архангел с архангелом, была в другом

мире. Там хоть его весь разнеси, ничего не изменится, а здесь материальный, созданный Творцом с таким тщанием, что, если сломаешь хоть былинку, на тебя обрушится весь гнев Всевышнего… Да что там ты, тебя не жалко, но Господь вообще не терпит вмешательства в Свой мир! Если не предусмотрел в Своих планах, о глубине которых даже подумать страшно.

Михаил посмотрел на него исподлобья:

– А мы сейчас с тобой не вмешиваемся?

Азазель покачал головой:

– Мы похожи на экскурсантов, что пришли полюбоваться на сокровища, но подходить к ним близко и тем более касаться нам строго запрещено. А устроить драку в музее, где все такое хрупкое, материальное…

– Но мы же устраиваем?

– Мы делаем выдирки, – ответил Азазель с презрением к такой тупости, – выдираем тех, кто устраивает дебоши!.. Чистим, благоустраиваем мир. Возможно, именно так, как Творец предусмотрел до мелочей… или просто идем по Его генеральной линии… Пойдем, что-то Бианакит ушел вперед слишком уж!

– С ним Обизат, – сказал Михаил. – Вот и…

– Бианакит не должен, – возразил Азазель. – Стойкий солдат! Но на всякий случай догоним.

Бианакит далеко впереди остановился и оглянулся. Обизат шагнула было дальше, но он сурово прикрикнул, и она послушно вернулась к нему и даже встала за его широкой спиной.

Михаил не сразу увидел, из-за чего Бианакит остановился. Среди гигантских скал, выветренных настолько, что уже почти скульптуры, одна смотрится совсем чудовищно: гигантское яйцо, размером с двухэтажный дом, но вроде бы целиком из сплетенных ветвей, будто исполинское мангровое дерево приняло такую причудливую форму или его таким вырастили.

Не сразу с потрясением понял, что дерево вообще-то из камня, однако живое, видно, как внутри веток движется сок из расплавленной магмы, а в щели между ветками отчетливо видно внутри яйца нечто мерцающее, рассмотреть не удается, но явно живое, он ощутил, как внутри все напряглось, как при очень близкой опасности.

– Азазель, – позвал он дрогнувшим голосом, – посмотри…

Азазель бросил в ту сторону короткий взгляд, отмахнулся:

– Сегодня точно не вырвется.

– Но…

– Под ноги смотри, – напомнил Азазель. – Все двигаемся в прежнем порядке! Не отставать, не отставать!

Он пошел снова впереди, Бианакит с ним рядом, Михаил с

Обизат послушно отстали.

Михаил помалкивал, и так почти ползут, как три мухи, по абсолютно вертикальной стене, тропа едва намечена, и все больше кажется, что по ней если кто и ходит все еще, то эти существа точно не с человеческими ступнями.

Обизат сказала тихонько:

– А мне сказали, люди на Земле все изучили.

– Луну изучили лучше, – отозвался Михаил, – чем дно Тихого океана.

– А здесь?

– Наверное, – предположил Михаил, – здесь ни урана, ни нефти. Даже сланцевой.

Следы оборвались у высокой каменной стены, вздыбленной почти вертикально. Михаил, сосредоточившись, с усилием вызвал в себе знакомый уже жар, камень заискрился, стал более рельефным, тени углубились, но сколько ни всматривался, не удавалось обнаружить хотя бы какие-то следы, указывающие, что убегающие демоны поднялись наверх, цепляясь за крохотные выступы и неровности.

– Тупик? – поинтересовался Бианакит. – Можно пройти дальше, хотя следы туда не ведут.

Обизат посмотрела на Азазеля с надеждой:

– Ты умный, ты придумаешь!.. Я слышала, ты можешь видеть даже сквозь горы!

– Преувеличивают, – буркнул Азазель. – Хотя, конечно, я еще та цаца, многое могу, но еще больше почему-то не могу, что горько и обидно для моего величия и одухотворенности трепетного поэта с душой бунтаря и оппозиционера всему на свете.

Михаил спросил осторожно:

– Если сквозь гору не можешь, то… может быть, просто заглянуть в нее?

– Ого, – сказал Азазель саркастически.

Обизат сказала с почтением:

– В легендах сказано, могучий Азазель так отыскал неуловимого Верикоэля, убежавшего с его женой!

– Легенды врут, – сообщил Азазель. – Да и не с моей женой Верикоэль убегал! От такого красавца и поэта женщины не бегают.

Бианакит добавил сумрачно:

– Самому приходилось отгонять большой толстой палкой. Как я слышал от стариков.

Михаил спросил в недоверии:

– А что, в самом деле можешь заглянуть в гору?

– Не все, что могу, – ответил Азазель хмуро, – стоит делать… Одна только попытка заберет все силы. Обратно придется меня нести! Да и драться без меня.

Бианакит задвигался, сказал мрачно:

– Противник слаб. Их много, но это простые дикари. Почти нолы. Не понимаю, зачем их сюда перебросили.

– Справимся, – заверил их Михаил. – Попробуешь?

Обизат смотрела на него преданными глазами, но помалкивала, уже знает, мужчины уверены, что женщины красивее, когда молчат.

Азазель пробормотал:

– Даже не представляете, сколько потребует усилий… а я после обеда тяжелый…

– Понесем, – заверил Михаил.

– На носилках? – спросил Азазель.

– Хоть в паланкине, – ответил Михаил. – С Бианакитом.

– Ладно, – ответил Азазель. – Мучайте меня дальше…

Михаил в нетерпении смотрел, как он вздохнул несколько раз, положил обе ладони на стену и, закрыв глаза, начал медленно проговаривать незнакомые слова на странно знакомом языке.

Под ладонями появилось красное пятно, медленно начало расширяться в стороны, пошло вглубь, словно гранитная стена превратилась в глыбу сахара, который щедро впитывает кровь.

Азазель медленно убрал ладони, вздохнул тяжело, лицо осунулось. Михаил потрясенно увидел в красноватом тумане прожилки в камне, похожие на толстые нити паутины, что повисли в красноватом тумане, а за ними в глубине проступила темная и громадная пещера.

Ему показалось, что увидел даже шевеление, больше похожее на клубы неопрятного тумана, хотя чувства указывают на массу живых существ.

Он задержал дыхание, чувствуя странную дрожь в теле. Азазель взглянул остро.

– Что, благородный герой, самому захотелось попробовать? Не сегодня, Топтыгин. А вот распугать распугаешь…

Михаил прикусил язык, в самом деле мог бы попробовать, в нем же мощь элементаля, но, понятно, не сейчас, еще неизвестно, как это у него получится и что натворит.

Бианакит сказал ровным голосом:

– Еще бы увидеть, как в ту пещеру пролезают.

– Верно, я только зря силы истратил.

Михаил спросил в тревоге:

– Совсем?

– Так… на донышке.

– Но мы узнали, – возразил Михаил, – что в этой горе большая пещера, где накапливаются демоны.

– И что это нам дало? – спросил Азазель раздраженно. – Ладно, двигаемся, двигаемся.

Стена с каждым шагом медленно поворачивает, Михаил засмотрелся на странные темные капли, повисшие впереди, две на стене, а еще две прямо в воздухе.

Сперва показалось, что две черные мухи замерли на месте, как те умеют, но присмотрелся, в самом деле блестящие как смола капли, абсолютно черные шарики, чуть расплюснутые внизу и с острыми хвостиками вверху.

Азазель остановился, все послушно замерли, он сказал задумчиво:

– Так вот почему сюда начали перебрасывать демонов… Заметили? На земле очень мало мест, где магии настолько много, что сама собирается вот в такие капельки… А эти демоны, постепенно вбирая ее, то ли сами станут сильнее, то ли собирают для кого-то…

Михаил спросил шепотом:

– Вот так выглядит магия?

– Магия незрима, – ответил Азазель снисходительно, – это тьма собирается вокруг нее.

– Тьма? – переспросил Михаил.

Азазель отмахнулся:

– Просто оборот речи. Я же поэт!.. Люблю матерные обороты. В смысле, с изящной эдакой экспрессией. Ты должен уметь их видеть издали… Да не обороты, а сгустки магии. Отдельные капельки вот так собираются в капли, а капли стягиваются в большие капли.

– А те?

– Если близко другие, – пояснил Азазель, – тянутся одна к другой, пока не сольются. Если далеко, так и остаются. В редких случаях могут образовать целые бассейны. Во всяком случае, так было в древние времена. Теперь мир стал чище, хоть и грязнее.

Михаил спросил с недоверием:

– И что… так и висят в воздухе?

Азазель пожал плечами.

– Висят… Только не в воздухе. Просто висят. Для магии все равно, воздух или каменная гора. Но в толще горы вряд ли увидишь.

– Я и в воздухе еще ни разу не видел, – ответил Михаил. – Брешешь, да?..

– Еще увидишь, – пообещал Азазель. – Не все сразу. Люди,

конечно, не видят. Но ты как бы мутант, должен видеть. Насчет архангела не знаю, эти дураки вообще ничего не видят, самодовольные придурки.

Обизат сказала с готовностью:

– Да, они все тупые и никчемные!

Азазель подмигнул нахмурившемуся Михаилу:

– Вон и Мишка так думает. Он прям ненавидит архангелов. За что, не знаю.

– Мы их когда-то перебьем, – заявила Обизат и преданно посмотрела на Михаила. – Нечего им!

Глава 3

Обе капли сдвинулись с места, едва Азазель протянул к ним руку, послушно опустились на его ладонь. Михаил задержал дыхание, ладонь Азазеля почернела, едва капли начали проникать под кожу, но чернота потеряла зловещий блеск и быстро ушла вглубь, не оставив следа.

Азазель приложил ладонь к стене, прилипшие там капли сдвинулись и сползли к его пальцам.

Михаил напрягся, ждал, наконец с трудом перевел дыхание, когда почерневшие пальцы Азазеля порозовели и стали прежними.

– Не опасно?

Азазель пожал плечами.

– Мишка, на магии только каста высших демонов. Остальные довольствуются тем же, чем и люди на земле. Биан и Оби эти аксиомы знают, растолковывать приходится только тебе, человечку.

Обизат нахмурилась.

– Он не человечек, – вскрикнула полным негодования голосом. – Он герой!

– Еще какой, – согласился Азазель, но в голосе прозвучало откровенное ехидство. – Им хоть забор подпирай!.. Ладно, вперед!.. Мишка, ты что-то хотел сказать?

Бианакит и Обизат послушно ушли вперед, Михаил проводил взглядом их удаляющиеся спины.

– Азазель… ты мне мало что говоришь. Это твое право, кто спорит, но я тебе доверяю все…

Азазель взглянул на него с интересом:

– Правда? И ничего за спиной?

– Я тебе доверяю, – повторил Михаил. – И ничего не скрываю. А вот ты…

– И я ничего не скрываю, – ответил Азазель жизнерадостно. – Ну разве кроме чего-то интимного. Клянусь! Ты что, и клятвам не веришь?

– Под интимное можешь подверстать все на свете, – сказал Михаил. – И тем самым клятву не нарушишь.

Азазель взглянул с укором:

– Михаил… Разве не видишь, мы на одной стороне! Пусть даже и чудится, что скрываю нечто… Я не подведу твоего такого чистого детского доверия. Ты прям ангел, знаешь?

Михаил некоторое время рассерженно молчал, наконец сказал с сердцем:

– И все-таки ты падший!.. Мы должны быть на разных сторонах!.. Даже не знаю, чего я тебе помогаю. И как долго это продлится.

– Пока не победим общего врага, – заверил Азазель с оптимизмом. – А потом сами передеремся. Разве не всегда так?.. Ладно, я понял, что тебя тревожит. Ты угадал, в этой горе масса сокровищ. Но не в тайнике, как под Сигором, а в самой каменной массе. Добыть непросто, очень непросто.

Михаил пробормотал:

– В горе? Но… как…

Азазель сказал с неохотой:

– Если кратко, потоп уничтожил нефилимов, но не мог уничтожить артефакты, упрятанные ими, а также падшими ангелами, в скалах, в руинах Вавилонской башни, в подземельях Ламеха, в гроте Лилит, каменоломнях Каина и даже на океанском дне!

– Но ты, – произнес Михаил дрогнувшим голосом, – мог… их достать?

– Мог, – отрезал Азазель, – но я поклялся жить, как остальные люди! Иначе бы мои двести соратников не поверили, что и они могут! Мы все, облачившись в плоть, жили, не отличаясь от простых крестьян.

Михаил сказал с издевкой:

– Только вот детишки у вас рождались… невоспитанные.

Азазель сказал с тоской:

– Если бы только. Увы, не передавался наш огонь. У людей, даже самых грязных и никчемных, иногда рождаются чистые и умненькие дети.

– Знаю.

– А у нас, – закончил Азазель, – светлых ангелов, всегда рождались без нашего огня…

Бианакит впереди остановился, вскинул вверх три пальца. Азазель мгновенно умолк и с автоматом в руках развернулся в ту сторону. Бианакит с Обизат стоят у щели, что расширяется дальше, а там в глубине угадывается вообще огромная пещера.

Михаил рассмотрел ровный пол, хотя и загаженный сталагмитами, Бианакит всмотрелся, крикнул:

– Следы!

– Те самые? – спросил Азазель.

– Они!

Азазель молча прошел мимо, удлиненная пещера расширилась до зала, на той стороне пустого пространства глухая стена.

Азазель раскинул руки, останавливая отряд. Бианакит сказал

в нетерпении:

– Вот следы!

– Вижу, – ответил Азазель сурово. – Никому не двигаться…

Заглушая его слова, из середины зала прямо из каменного пола с ревом ударил столб огня цвета запекшейся крови. Чудовищный фонтан достиг свода и, с ужасающим треском проломив камень, ушел дальше в красно-оранжевый туман, скрывающий верх исполинского склепа.

Обизат охнула, выставила перед собой оба клинка. Азазель сказал резко:

– И не дышите!..

– Что делать нам? – спросил Михаил. – Говори быстрее!

– Не знаю, – огрызнулся Азазель. – Мир демонов тоже не стоит на месте, я разве не говорил?.. Какое-то новое колдовство… Понять бы побыстрее…

Он забормотал нечто, вытянул руки. Вокруг пальцев сгустились светящиеся облачка, а когда резко стряхнул, медленно поплыли в сторону огненного столба, что становился все толще, а цвет сменился сперва на алый, а затем на ярко-желтый.

Запахло горелым, в воздухе рядом с Азазелем появились крупные хлопья горячего пепла, разламывались на лету и усеивали пол мелкой серой пылью. Мелькнула тень, затем еще и еще, Михаил вскинул голову и невольно закрыл собой Обизат. Она возмущенно вскрикнула, поспешно выдвинулась вперед и обнажила оба клинка.

Каменный свод затрещал, просел. Посыпались камни, сперва мелкие, потом крупнее, начали вываливаться огромные глыбы и вбивать всем весом мелочь в жерло огненного гейзера.

Бианакит крикнул тревожно:

– Вот ход!..

Страшно треснуло. По левой стене пробежала извилистая трещина, раздвинулась. В глубине заблистали огни, оттуда пахнуло нечистым животным теплом.

Азазель крикнул:

– Все за мной!

Трещина все расширялась, Михаил пронесся вслед за ним, а через десяток шагов выбежал из щели прямо в ту самую пещеру, которую видели через багровую паутину.

Сердце екнуло, все пространство заполнено демонами, мохнатые козлоногие фигуры вскакивают, расхватывают оружие. В толчее дико завопили на разные голоса, Азазель ускорил бег и, стреляя с обеих рук, врезался в толпу, затем в правой мелькнул его страшный черный меч.

Михаил вдруг ощутил, как наконец-то жаркой волной

нахлынула ярость и охватила с головой, пронизала тело, и вот уже он, Макрон, рубит с бешеной радостью, ликованием, и все в нем кричит от счастья, меч рассекает головы, плечи, туловища, кровь из разрубленных артерий бьет с такой силой, что выбрызгивается раньше, чем туша демона ударится о пол.

Обизат, несмотря на приказ держаться за спиной, не по-женски твердо шагает рядом, даже время от времени опережает на полшага, а впереди маячат, как не спеши догнать, неостановимый Азазель и спокойный, как айсберг, Бианакит.

Они с Обизат почти догнали их, когда вдруг раздался раздраженный рев, грозный и мощный. За толпой мелких и кривых демонов поднялся во весь громадный рост прекрасно сложенный человек. Хотя человек с рогами уже не человек да и лицо бычье, но широк в плечах, руки длинные и красивые, все тело с прекрасно очерченной мускулатурой.

Азазель вскрикнул страшным голосом:

– Маракс?.. А где Нехаштирон?

Мускулистый красавец ответил звучным голосом:

– Ты знал?.. Где-то у нас утечка… Я вместо него! Но и мы не были друзьями…

– Еще как не были, – прорычал Азазель с ненавистью. – Маракс… ты был сильнейшим среди них, умнейшим и хитрейшим… но больше ты не будешь!

Он красивым жестом сорвал с плеч плащ и, отшвырнув в сторону, прыгнул вперед, держа меч в театральном замахе.

Его противник вскинул руку, в ладони возникло копье, мощным взмахом метнул в Азазеля. Михаил вскрикнул от страха и тревоги, что не успеет на помощь, но Азазель с непостижимой ловкостью перехватил летящее в него копье и тут же молниеносно метнул обратно.

Маракс успел ухватиться обеими руками на лету за древко, но ладони не удержали. Длинное стальное острие ударило в грудь с такой мощью, что просадило тело насквозь, кончик высунулся между лопаток.

Маракс напрягся, лицо побагровело, когда попытался вытащить, но удалось только наполовину. Силы оставили его, он прокричал с отчаянием:

– Да будь ты проклят, Азазель!

– Скажи что-нить еще, – крикнул Азазель азартно. – Не умирай так сразу… ты же командуешь тридцатью легионами! Герои не должны умирать быстро.

Маракс бешено сверкнул глазами, рухнул на колени, в последнем усилии вытащил из груди копье, но завалился на бок, задергался и затих.

– Как жаль, – сказал Азазель.

Михаил уловил в его голосе искреннее сожаление, что враг ушел в небытие так быстро, не дал себя попинать и поглумиться.

Он перепрыгнул тела убитых, в руках все еще черный меч элементаля, быстро огляделся.

– Ты… как?

– Красиво живем, – ответил Азазель звенящим, как кимвал, голосом. – И в полную мощь, что так здорово!

– Нравится?

– Неандертальцу во мне нравится, – крикнул Азазель. – Че смотришь?.. Я жил среди них, видел, чувствовал, знаю. Но кроманьонец во мне, конечно, против.

– А ты сейчас кто?

– Я вообще-то соглашатель, – признался Азазель. – Компромиссник. Или компромисист. Мне бы в политику, верно?.. Я бы их всех, гадов, замирил!.. Мокрого места бы не оставил от обеих сторон… Смотри, там еще один из старших!

Тело Маракса превратилось в красный песок, осыпалось на пол, превратилось в мелкие багровые струйки дыма. Но в той стороне из стены вышел приземистый и очень широкий демон с вытянутой пастью и неимоверно раздутой грудной клеткой, живот тоже огромен, толстые ноги несут чудовищный вес с заметным трудом, на широких плечах бычья голова с острыми рогами.

– Мархосиас, – узнал Азазель, – Мишка, я выдохся, а ты вон как огурчик. Забей его, как корову, не зря же чаще всего появляется вот таким быком?.. Не тем красавцем, что украл Европу, а вот таким простым грязным деревенским быком с обосранным хвостом.

– Это тот, – спросил Михаил, – что обещал Соломону через тысяча двести лет вернуться к Седьмому Престолу?

Мархосиас остановился, начал набирать в грудь воздуха. Азазель крикнул:

– Мишка, смотри в оба! Ты знаешь что делать!

Михаил ответить не успел, Мархосиас мощно дохнул в их сторону. Из пасти с силой вылетела струя оранжевого пламени.

Михаил, уже предупрежденный Азазелем, метнулся в сторону. Мархосиас взревел гулко, сделал шаг вперед и снова начал раздувать грудную клетку.

Азазель крикнул:

– Мишка! Встречный огонь!

– Но… как?

– Да просто бей, – крикнул Азазель в бешенстве, – ты можешь, дурак!.. Выпусти из себя зверя!.. Человек зверь, когда зверь! Иначе

бы не выжил и высокую культуру насилия не создал!

Михаил сжал челюсти до хруста, ярость проснулась и начала стремительно подниматься из тех глубин, о которых и не подозревал. Ладони раскалились, рывком выбросил вперед кулаки, а когда резко растопырил пальцы, из напряженных до хруста суставов ладоней вырвались два узких, как древки копий, яростно-белых луча пламени.

Оба пронзили багровую струю с легкостью, но затем то ли увязли, то ли свирепый огонь Мархосиаса оказался сильнее, Михаил видел, как посредине между ним и демоном в красном пламени от пола и до свода вспыхивает нечто слепящее белое, искрящееся и разрастающееся в шар.

Когда начало гаснуть и отодвигаться, ощутил боль в груди, закричал в страхе и ярости. Белое пламя послушно начало пробиваться сквозь багровую стену огня, однако за два шага до Мархосиаса снова замедлилось, остановилось.

Донесся вопль Азазеля:

– Сильнее!.. Ты сможешь!

Михаил сжал кулаки, закричал в муке, его белое пламя снова начало медленно пронизывать красную стену. Возле огромного демона замедлилось и превратилось в такое же красное. Михаил вскрикнул, вкладывая в последний рывок все силы.

Белые струи огня, повинуясь его воле, дотянулись до монстра, пробив стену красного пламени, и коснулись его чудовищного тела.

Глава 4

Мархосиас жутко закричал, белый огонь разом охватил его с головы до ног, и он кричал все громче и страшнее, этот дикий вопль боли заставил Михаила пригнуться словно под непомерной тяжестью. Голова раскалилась, он ощутил, что череп вот-вот лопнет, он сам захрипел в изнеможении, но заставил себя изо всех сил удерживать свое слабеющее пламя.

Красный огонь все же начал стихать, опускаться к полу. Мархосиас, не сходя с места, раскачивался, то хватаясь за лицо, то отмахиваясь от невидимого противника. Через красную стену огня было видно, как его лицо расплывается, растягивается то вширь, то по диагонали. Коренастая фигура потеряла очертания, то ли пытается размазаться по всему пространству зала, то ли буйство магии начинает ломать пространство.

Красное пламя самого Мархосиаса вопреки ожиданию Михаила не утихло, а разгорелось еще сильнее. Страшный крик демона звучал уже не так оглушающе, из огня высовывались то руки, ставшие впятеро громаднее, то рогатая голова, огромная, как скала.

Он слепо шарил в косматых клубах огня, фигура пугающе выросла, но в крике уже не победная ярость, а только ужас и дикая боль. Михаил перевел дыхание, чувствуя с бешено колотящимся сердцем, что испытывает приятное ликование при виде гибели врага.

Сзади за плечо ухватили крепкие пальцы, Михаил обернулся, глаза Азазеля вытаращены, он прокричал:

– Мишка, да ты монстр… Ну, в хорошем смысле слова!.. В самом хорошем, правда. Монстрище!.. Такая сила!.. Но сейчас уходим! Хотя и приятно полюбоваться на смертные муки противника, но надо, Мишка, надо!

Михаил дал увлечь себя назад, Обизат семенила рядом, ее щебечущий голосок прозвучал весело и счастливо:

– С ним покончено?

– Если не уберемся сейчас, – сказал Азазель быстро, – будет покончено и с нами!

Громадную пещеру тряхнуло, раздался подземный удар. В стенах побежали трещины, со свода начали срываться мелкие камешки, но треск донесся и сверху.

– Быстрее, – прокричал Азазель. – Убегаем!

Он ринулся через зал, пробежал по узкой анфиладе пещер-комнат. Далеко впереди с грохотом рухнула глыба, преграждая путь, а мелкие камни и щебень быстро завалили сводчатый

выход.

Бианакит, он бежал впереди, остановился.

– Сюда! – крикнул он. – Здесь…

Грохот падающих камней заглушал его слова. Огромная глыба закачалась в стене над щелью, поползла вниз, сдвигая другие, Бианакит с проклятиями со всех ног бросился обратно.

Камни сыпались и сыпались, засыпая щель, обнаруженную Бианакитом, Обизат вскрикнула в страхе:

– Мы в тупике!

Михаил в ярости, еще не остыв от безумной схватки, совершенно бездумно метнул в эту лавину огонь, даже не сообразив, что делает, а просто ударил, как в Мархосиаса.

Пламенный шар вылетел из ладони с такой силой, что разнес не только камни, но и со страшной силой влетел в узкий проход, замеченный Бианакитом.

Там затрещало, щель расширилась, но сверху начали рушиться огромные глыбы, зато там по ту сторону лавины блеснуло яркое солнце, даже пахнуло свежим воздухом.

Азазель вскрикнул:

– Заставь дурака…

Недоговорив, он ухватил Обизат за пояс и швырнул в пролом. Михаил по его требовательному жесту прыгнул следом, Азазель кивнул Бианакиту, сам выждал, когда рухнут еще два огромных куска, и метнулся за ними, точно проскочив между огромными падающими булыжниками.

На той стороне, уже под ярким солнцем, отбежали, хотя глыбы не раскатываются, остаются бесформенной грудой камней, даже осели, словно две трети провалились в подземные пещеры.

Азазель развернулся к Михаилу, звучно шлепнул по плечу:

– Ты молодец. Победил!

Михаил прохрипел:

– Тогда почему не чувствую себя победителем?

– Потому что, – ответил Азазель с веселой злостью, – победителей в этой вечной войне нет!.. И я не знаю, как ее прекратить… Все, уходим из этого проклятого места!

Михаил провел ладонью по лбу, стирая с лица крупные капли пота.

– Насколько я понимаю, – сказал он колеблющимся голосом, – мы стерли с лица земли целый рассадник Тьмы, как говоришь ты красивым штилем?

– Вообще-то перебили целое гнездо, – подтвердил Азазель, – или даже перевалочный лагерь из Ада в наши города и веси.

Обизат сказала мелодичным голосом:

– Это прекрасно! Правда?

Бианакит подтвердил:

– Все правда. Иначе за каждым пришлось бы гоняться долго.

Азазель с широкой усмешкой победителя повернулся к Михаилу:

– Доволен?

Михаил все еще чувствовал, как бешено колотится сердце, в глазах Азазеля явная насмешка, потому ответил несколько нехотя:

– Это жестоко, но мы сделали хорошее дело. Зло должно быть уничтожено.

– Зверски! – добавил Азазель. – Обизат, видела, как зверски и сладострастно твой повелитель уничтожал зло?.. Любит он это дело, просто обожает. А если зла нет, бьет всех, кто не успел убежать.

Обизат посмотрела на Михаила с опаской, потом сказала решительно:

– Пусть бьет, если ему так хорошо.

Азазель проворчал:

– Нет бы сказала, чтобы нас спасти.

– Не слушай его, Обизат, – сказал Михаил. – Это же Азазель, чего от него еще ждать? Он похудеет, если нас не обидит.

Азазель огляделся, вздохнул.

– Я силенки подыстратил, но вот Мишка от драки отлынивал, силы сберег… Я нацелюсь, а он добавит, как говорят в народе, благотворного импульса!

Он опустил ладони на плечи Михаилу и Бианакиту, Бианакит точно так же обнял Обизат и Азазеля. Михаил не успел слова сказать, как от ладони Азазеля пошел жар, больно и страшно пропек кожу так, что вот-вот воспламенится плоть.

На мгновение зависли в страшной черноте, ни звезд, ни времени, только смертный ужас, но после мучительного ожидания подошвы ударились о твердый пол, над головой блеснул тусклый свет мелкой лампочки.

Михаил узнал знакомые стены тесной кладовки, рядом раздался хриплый голос Азазеля:

– Я точен… а ты, Мишка, мог бы и не пугать нас так…

Он толкнул дверь, Михаил пропустил вперед Обизат и тоже вышел в залитую ярким светом прихожую, Бианакит вышел последним.

Михаил зябко передернул плечами.

– Я старался, – сказал он тихо, – Азазель, что я сделал не так?

– Откуда я знаю? – огрызнулся Азазель. – В следующий раз не тормози. Это опасно. Даже больше, чем ты думаешь. Ты даже не знаешь, что нас подстерегало в Первозданном Хаосе!

– А ты… знаешь?

– Я в нем не был, – огрызнулся Азазель.

Но по его лицу промелькнули тени, Михаил с холодом понял, что Азазель если не бывал там, то наверняка кое-что знает, и это знание его страшит больше, чем все противники ада.

На кухне вспыхнули огни, загорелись сигнальные лампочки, тут же прозвенел голосок Сири, в котором даже Михаил уловил сильнейшее смущение:

– Сагиб, вы не сказали, когда вернетесь… Я сейчас быстро приготовлю обед…

– Трапезу, – поправил Азазель. – Когда не завтрак, не обед и не ужин, то просто трапеза. Или пир. Можно застолье. Язык людей насчет пожрать очень богат и щедр. А насчет выпить так вообще…

Обизат сказала с независимым видом:

– Я, с вашего разрешения, приму душ, надо смыть слюни этих животных…

– А я пока посмотрю новости, – сказал Бианакит кратко. – Люблю этот драчливый мир. Люди живут весело. Теперь понимаю, почему они счастливы и радостно идут в будущее!

– Строем, – согласился Азазель. – Вон, как Михаил. Даже с песнями! Несмотря на идеологические разногласия.

– Хоть и в разные стороны, – уточнил Бианакит.

Он ушел в гостиную и тяжело рухнул на диван. Михаил вслед за Азазелем отправился на кухню, сел рядом и всмотрелся в подвижное лицо падшего ангела.

– Но тебя что-то тревожит?

– А тебя нет?.. – ответил Азазель с интересом. – Ах да, ты же солдат, откуда у тебя чувствительность. Как тебе та драка?

– Понравилась, – сообщил Михаил с некоторой неловкостью. – Красиво и достаточно легко. Даже костюм не запачкался. Чуточку странно.

Азазель кивнул, не сводя с него внимательного взгляда:

– Вот-вот. Если честно, как раз это и тревожит. Пока Сири готовит, давай по пивку? Или сразу вина?

– Вина, – ответил Михаил. – Пиво для мужиков и нолов. А тревожит почему?

– А потому, – ответил Азазель, – что легко. Меня это настораживает. Победы должны быть трудными! Это не патетика, Мишка. Легкость может быть ловушкой. А тебе самому не кажется, что мы свернули на легкую дорожку?.. Вернее, нас свернули?

Михаил поинтересовался настороженно:

– Хочешь напомнить, что нужно искать способ перекрыть

дыру из Ада, а вместо этого мышей гоняем?

Азазель кивнул:

– Молодец, схватываешь. Будто и не архангел.

Михаил пугливо оглянулся, прошипел:

– Тихо ты!

– Никто не слышит, – заверил Азазель, – а подслушивающей аппаратуры нет, у меня контрмеры строгие. В общем, чувствую какую-то очень хитрую сволочь, что пытается нас удержать на этой мелкой работе, пока где-то творится большое зло.

Михаил покачал головой:

– Что-то готовят?

– Именно. А когда наконец поймем, что нас обвели вокруг пальца, будет слишком поздно… Держи!

Михаил взял протянутый ему бокал с искрящимся шампанским, так у людей празднуют победы, сказал встревоженно:

– Тогда давай сейчас же…

– Сперва поедим, – прервал Азазель, – и выработаем стратегию. Ты заметил, люди слишком часто и много едят?.. И вообще большинство важных вопросов решают за накрытым столом или на охоте за шашлыками, как члены политбюро?..

Михаил отпил пол-бокала, но не удержался, осушил до дна. Азазель моментально наполнил его снова, Михаил сказал с неловкостью:

– Ничего не имею против. Я тоже, оказывается, люблю поесть.

– И выпить, – сказал Азазель с усмешкой. – Ладно-ладно, вино прекрасное! Это не пойло, которым нажрался Ной до свинского состояния. У нас все благороднее, хотя результатец тот же… Сейчас нам не помешал бы тот, кто подскажет, где этот портал из Ада… Но, увы, еще царь Саул всех гадателей и предсказателей изгнал из страны, а в захватываемых чужих землях немедленно предавал мечу. Однако же и сейчас вот даже по Интернету и телевидению идут объявления от гадалок, ведьм, магов, целителей, экстрасенсов… Правда, все жулики. Такие точно не подскажут, где портал.

Михаил сказал сурово:

– Саула нет, но есть мы!

Азазель сказал обреченно:

– А что мы можем?

– Выжечь всех гадателей и предсказателей каленым железом!

Азазель с хмурым видом налил себе в большой бокал вина.

– А еще икспердов и оналитегов. Хорошо бы, но ложное понимание культурки не позволяет. И, кстати, это тоже ложная и очень соблазнительная дорожка для нас… Если вдруг не знаешь,

даже Саул в своей стране гадателей не убивал. А изгонять у нас нет права. К тому же, самое главное, народ уже достаточно свободен… На эти объявления смотрит свысока и посмеивается. Дескать, дураков нет.

– Но если объявления появляются…

– Так дураки есть, – договорил за него Азазель, – но мало. Наверное, так и надо. Народу вреда не будет, а отдельные обманутые дураки всем пример, как не надо… Это вроде прививок, только не отдельным человекам, а обществу.

– А так бывает?

– Да постоянно! Еще со времен фараонов. Хотя что ты видел с такой высоты?.. Орел…

Он откинулся на спинку кресла, вид отдыхающий и расслабленный, в самом деле, поэт на отдыхе, рубашка расстегнута до пояса, в правой руке бокал с искрящимся шампанским, довольные глаза посматривают с барским снисхождением.

Михаил сказал сердито:

– А вот мне такое не нравится. Даже отдельные дураки – наши дураки! Мы обязаны защищать всех по обязанности сильных. Иначе нехорошо!

– Как хочешь, – ответил Азазель с безразличием. – Ты же ангел, можешь быть мелочным.

– А ты?

Азазель ответил с достоинством:

– Мне вот нельзя, с меня спрос выше. Я защищаю популяцию, так здесь говорят о народе в значении всех народов. Потому я всеохватен.

– А я стратиг, – напомнил Михаил сурово, – стратиг всего небесного воинства!

– Ну так и защищай всех, – ответил Азазель мирно, – пока тебя не переизбрали. Как у вас там с демократией?

– Никакой демократии, – отрезал Михаил люто.

Азазель широко заулыбался:

– Вот это мне нравится!.. А кому солдаты не нравятся?.. Ваша прямота, верность присяге… Прям родными пещерами и шкурами мамонтов пахнуло… Давай еще налью, что-то бокалы какие-то мелкие… Ной уже был выпивохой, когда Творец принял решение спасти его, потому что остальные были еще хуже… Так что вино не совсем уж и зло… Давай по красному? Из всех вин предпочитаю сладкое и полусладкое!

– Ной не был алкоголиком, – возразил Михаил. – Просто выпивал частенько.

– Но до беспамятства, – уточнил Азазель ехидно, Михаил

уловил намек на случай, из-за чего проклял младшего из своих сыновей. – Так что пей, я же не заставляю тебя упиваться, как Ной!

Михаил смолчал, и Азазель, принимая это как согласие, взял возникшую на столе бутылку и поднес горлышко к краю бокала в руке Михаила.

На этот раз полилось густой струей темно-красное, вспенилось по ту сторону тонкого стекла. Михаил зябко передернул плечами, вспомнил сколько крови пролилось от его меча совсем недавно, пить как-то не совсем сразу, но перехотелось.

Азазель предупредил:

– Когда придет Обизат, сам ей налей.

– Зачем?

– За женщинами нужно ухаживать, – пояснил Азазель. – Так, по мелочи. Крупную заботу не замечают, такая у них натура, потому много и не надо, а мелочи соблюдай. Не пожалеешь.

От входной двери донесся требовательный звонок. Михаил насторожился, Азазель поднялся с самым недовольным видом, а Михаил поправил пистолет в кобуре скрытого ношения. Любой гость сперва договаривается о встрече, потом звонит в домофон…

– Открыть, – велел Азазель.

Дверь щелкнула замком и распахнулась. Через порог переступил рослый, хорошо сложенный мужчина с до синевы выбритым лицом, в прекрасном костюме и блестящих туфлях.

Азазель вышел к нему навстречу, Михаил встал сбоку, чувствуя всеми фибрами неприятности и видя, как напрягся Азазель.

Вошедший сказал вежливо приятным голосом:

– Меня зовут Адрамелек, я со срочным сообщением. Кто из вас… ага, понятно.

Он коротко поклонился Азазелю, на Михаила бросил быстрый взгляд и снова повернулся к хозяину квартиры.

– Заходи, – пригласил Азазель, – что пьешь, Адрамелек?

Демон ответил ровным вежливым голосом:

– К сожалению, мое время ограниченно. Велено передать послание и тут же вернуться. Мы можем наедине?

– Этот мальчик, – ответил Азазель и кивнул в сторону Михаила, – телохранитель. Вроде местного нола. Туп, как пробка, но предан беспредельно. Все равно ничего не поймет, он же из армии.

Глава 5

Адрамелек чуть наклонил голову, все еще продолжая всматриваться в Азазеля с интересом. Глаза его загадочно поблескивали и все время меняли цвет от светлых, как горный лед, оттенков до черноты Первозданной Ночи.

– Принято, – сказал он. – Я слышал о тебе. На вид не такой и страшный… Но не сужу по виду, а дела твои гремят. Ты перед Величайшей битвой не принял ни одну из сторон, а решил искать какой-то третий путь… Все еще ищешь?

Азазель кивнул:

– Я тоже слыхал о тебе. Ты из Сильных Демонов, возглавляешь большую группу Демонов Смерти.

Звучит устрашающе… хотя просто работаете с остаточными энергиями и бегаете по поручениям высших демонов.

Адрамелек поморщился.

– Бегаем?.. У всех свои обязанности. Твой ранг высок, как и мой, потому именно меня, выказывая тебе уважение, послали с предупреждением…

– Даже с предупреждением? – переспросил Азазель с интересом.

Адрамелек поправил себя:

– С предостережением.

– Точно с предостережением? – спросил Азазель. – А то смогу уточнить. У меня там связи.

Адрамелек потемнел лицом, сказал с усилием:

– С сообщением, что в Аду довольны твоей работой, но требуют…

– Требуют? – уточнил Азазель.

Адрамелек сказал зло:

– Зачем цепляешься к словам?.. Смысл все равно тот же! Желают, чтобы ты расширил возможности для прибывающих из наших мест. И снизил к ним требования.

Азазель поинтересовался ленивым голосом:

– Кто обращается с этой… просьбой?

Адрамелек дернулся, Михаил увидел, как в черных глазах моментально вспыхнул гнев, но перевел дыхание, только почти прошипел сквозь стиснутые челюсти:

– Просьбой? К тебе изволили обратиться князья Ада! Они не обращаются с просьбами!

Азазель приподнял левую бровь.

– Да ну? Кто именно?

– Это пока останется в тайне, – ответил Адрамелек с

растущим высокомерием. – Пока. Могу заверить, очень могучие князья. Сила их в Аду безмерна.

– И желают распространить ее и здесь, – добавил Азазель.

Адрамелек посмотрел на него, как на побежденного, явно чувствуя за собой мощь Князей Ада.

– Зачем так грубо?.. – произнес он уже почти легко. – Их царство там, а здесь желают больше свободы выходцам из Ада. Не полной свободы, такой нигде нет, а просто чуточку уменьшить к ним требования.

– Уменьшить? – переспросил Азазель. – Я думал договориться ужесточить требования для выпускаемых. Не просить, не требовать, а договориться. И так лезут совсем озверевшие твари. Хотя некоторые хорошо одеты и с вальяжными манерами.

Адрамелек усмехнулся, бросил на него оценивающий взгляд, дескать, намек понял, но что делать, если он в самом деле хорошо одет, красив и опрятен.

– Все зависит от точки зрения.

– Мою знаете, – бросил Азазель.

Адрамелек отступил на шаг, поклонился вежливо и с достоинством.

– Сожалею, если придется передать только это. Разве Азазелю неизвестно, что Ад расширяется, усиливается, у него появляются новые возможности?

– Все известно, – заверил Азазель, Адрамелек вскинул брови в подчеркнутом непонимании, Азазель пояснил: – Видно по прибывающим. С каждым годом все наглее и агрессивнее.

Адрамелек сказал с сочувствием:

– Мы тоже против прямой агрессии. Потому нам лучше сотрудничать. Мы возьмем под контроль с той стороны и обязуемся пропускать сюда только умеренных. Не совсем смирных овец, но не агрессивных.

– Я и так принимаю беглецов и мирных демонов, – отрезал Азазель. – Но я провел однажды красную линию! Эти ваши умеренные все равно несут хаос. И все чаще переступают черту. Причем заходят за нее все дальше.

Михаил за все время не сказал ни слова, не сдвинулся с места и даже не шевельнул бровью, изображая тупого и послушного телохранителя своего хозяина.

– Я все передам слово в слово, – пообещал Адрамелек.

Михаил чуточку вздрогнул, когда гость прямо из прихожей шагнул через дверь, демонстративно выказывая свои возможности, а на его месте взвилась струйка горячего воздуха, хотя и без запаха серы или смолы.

Здорово, мелькнула мысль, к Азазелю в самом деле прислали

демона достаточно высокого ранга, выказывая ему уважение, а то и почтение.

– Как тебе? – спросил Азазель. – Мишка, не спи!.. Присаживайся за стол, Сири уже заканчивает, судя по ароматам.

– Это я тупой, – ответил Михаил раздраженно, – как пробка, и ничего не пойму?

– Это в интересах дела, – сказал Азазель с непроницаемым лицом, – иначе пришлось бы тебя удалить, а потом пересказывать. А так все слышал своими, если не позакладало. Ты не спал стоя? А то морда у тебя была на посту больно солдатская.

– Не просят, – ответил Михаил, – а требуют.

И давно?

– Нет, – ответил Азазель, – но лучше бы я тебя… привлек раньше. Сейчас защищаемся, медленно отступая. Теряю хватку?.. Хотя нет, я такой же орел соплеменный, это Ад переходит в наступление слишком быстро… Все ускоряется, Мишка! Все стремятся к сингулярности, каждый по-своему. Ты как стремишься?

Михаил отмахнулся от непонятных слов:

– Нужно поскорее закрыть портал!

– Спасибо, кэп, – сказал Азазель. – Умница, додумался. И всего-то раз сто повторили. Осталось найти, где этот портал, если это портал, а не просто глубокая шахта, а еще – как и чем закрыть.

Из гостиной донесся ровный голос Бианакита:

– Забросать трупами тех, кто лезет оттуда.

Из кармашка Азазеля донесся мелодичный звонок, Азазель нахмурился.

– Это по особой линии, нужно ответить, извини.

Вытаскивая телефон, вышел на балкон, Михаил видел, как разговаривает, хмурясь все больше, наконец с раздражением сунул смарт в карман и вернулся.

– Неприятности? – спросил Михаил.

Азазель отмахнулся, Михаил смотрел, как он с хмурым видом опускается за стол, явно раздраженный разговором.

– Точно, – ответил Азазель. – Та же история, что и с пра-Адамом. Появился некий демон, буянит, бесчинствует. Очень такое не ндравится. Я изволю несколько весьма раздражаться, когда мною пытаются манипулировать вот так неуклюже.

Михаил переспросил в недоумении:

– Ты чего? Разве это не то, чем ты в последнее время занимаешься?.. Какие манипуляции?

Азазель взглянул с жалостью:

– Мишка, смотри не только на поверхностные признаки, как

если бы смотрел на женщину. Зри в корень!.. Нет-нет, ты не то подумал, по заблестевшим глазкам вижу. Я имею в виду причины, а не сиськи и прочее, понял?..

Михаил стиснул челюсти, Азазель слова не скажет без того, чтобы не укусить, он и не думал ни о каких сиськах, это теперь в голове крутится: при чем тут сиськи, и какие он имел в виду, мелкие или крупные, хотя все не то, а поверхностные признаки совсем не то, что вторичные…

– И к чему ты плетешь?

Азазель картинно закатил глаза.

– Еще не врубился?

– Нет.

– Я же сказал, – произнес Азазель в раздражении, – все больше похоже на то, что нас намеренно сбивают с пути! Эти боковые тропки одна за одной, одна за одной…

Из ванной появилась свеженькая и умытенькая Обизат, очаровательно улыбнулась всем, у Михаила потеплело в груди, и тут же ушла переодеваться.

Михаил, глядя ей вслед, пробормотал:

– Боковые тропки?

– Ты про Обизат? – спросил Азазель с интересом.

– Какая Обизат, – сказал Михаил сурово, – какая Обизат? Я о деле, а ты все о женщинах!

– Мы боремся с Адом, – напомнил Азазель, – а нам то черновик Адама, то заплесневевших языческих божков целую пещеру.

Михаил потрогал голову, где волосы совсем недавно были слипшимися от запекшейся крови.

– Ничего себе заплесневевших! А какими были в полной силе?

– Да не очень, – ответил Азазель небрежно, – почти такими же. В пещере мы побили в основном сатиров. Козлоногие твари, ничем не примечательные. Кто-то решил их подставить под удар, хотя уже давно никому не конкуренты… Насчет заплесневевших – это для красоты стиля. Люблю выразительные обороты с матом, я же поэт, слыхал?

– Только от тебя, – огрызнулся Михаил. – Надеюсь, стихи не пишешь?

– Готовлюсь, – сообщил Азазель. – Это дело серьезное. Величайший из поэтов – наш Творец!.. Это каким вдохновением нужно обладать, чтобы сотворить такую божественно прекрасную вселенную, что есть величайшая поэма, пронизанная неслыханным очарованием?.. Хотя чего это я перед тобой распинаюсь? Для тебя поэзия – лязг мечей и крики мертвецов. В

общем, задачи нужно ранжировать и выстраивать. Иначе будем делать, хотим того или не хотим, только то, что от нас возжелали другие, наши противники, а не то, что нужно нам.

– Ну-ну?

– Задача заткнуть дыру из Ада, – напомнил Азазель, – а потом, если будет время и желание, на покое снизойдем до отлавливания тех, кто проскользнул раньше в наш мир без иммиграционной визы. А вообще-то орлы мух не ловят, шоб ты знал!.. Ты тоже орел, хотя деревья клюешь, будто и родился древоклювом. Нам нужно к Гамалиэлю. Только он может сказать, где трещина, через которую из Ада в наш мир!

– Только он?

Азазель огрызнулся еще раздраженнее:

– Может, и еще кто-то, но кто?.. Я знаю только Гамалиэля.

– Но к нему не подступиться, – напомнил Михаил.

– Ко всем можно, – заверил Азазель, – если знать как.

– А как к Гамалиэлю?

– Откуда я знаю, – ответил Азазель еще злее. – Надо придумать. Не может быть, чтобы не было подхода! Творец создавал трудный для человека мир, но не такой уж и невозможный!.. Решить можно все, если знать как. Наверное, пришла пора посмотреть, что было в том тайнике, который мы успели опустошить до прихода Кезима, вдруг что-то в самом деле?

Обизат вышла из комнаты, уже в модных джинсах, красном топе и кроссовках красного цвета с синими шнурками. Поясок поблескивает серебряными бляхами, справа и слева от замысловатой пряжки два колечка, за которые можно цеплять ножи и кинжалы.

Азазель встал, картинно отодвинул для нее кресло от стола, а когда Обизат, женским инстинктом постигая, зачем это делается, подошла к столу, так же красиво придвинул, чтобы даже не села, а опустилась царственно и величественно, как принцесса, что на королеву пока что не тянет, но как принцесса уже вполне.

Азазель на правах хозяина, что просто обязан ухаживать за гостями, моментально разделал гуся, быстро и ловко разложил всем по тарелкам, не делая ни одного лишнего движения.

Михаил молча завидовал, Азазель тем временем сел, прямой и сияющий, скомандовал:

– Всем наполнить бокалы!.. Мы победители или как?..

Обизат с вопросом в глазах посмотрела на Михаила, но Михаил промолчал, после паузы ответил Бианакит:

– За победы. Они еще будут.

Азазель сказал громогласно:

– Золотые слова солдата!.. Выпьем не за прошлые, а за будущие победы и свершения! Разве мы не свершители? Да мы такого насвершаем, сами ахнем и устыдимся, если будем такими щепетильными, как наш неустрашимый Мишка!

Обизат поглядывала на Михаила с сочувствием и жаждой помочь, еще не зная, хорошо или плохо быть щепетильными. Вон Азазель говорит, что плохо, но ведь все, что делает ее повелитель и хозяин, обязательно хорошо, иначе и быть не может?

Бианакит, работая ножом и вилкой, спросил деловито:

– А где искать скрытую нору в Ад, кто-нибудь знает?

– Кто-то знает, – ответил Азазель, – но не мы. Вон у Мишки идеи…

Михаил ответил хмуро:

– Идей нет, но какие-то зацепки.

Азазель запил вином кусок мяса, сказал покровительственным тоном:

– Мишка, ты уже убедился, никакие демоны не проникнут в мир людей сами по себе, если не отыщется предатель на этой стороне. Вот тебе и зацепка. Тихо-тихо, не вскидывайся в благородном негодовании, тарелку перевернешь, а Сири все припомнит, когда захватит власть во всем мире… Я уже говорил, предатели всегда отыщутся.

Михаил поднял взгляд от тарелки.

– Хочешь сказать…

– Не хочу, – уточнил Азазель, – а уже сказал. Самый правильный и безопасный путь – прошерстить тех, кто принимает, но мы попробовали и убедились, что просеивать нудно и долго, а у нас нет лишнего времени.

Глава 6

Бианакит произнес настолько спокойным голосом, что Михаилу стало жутковато:

– Значит, пойдем путем неправильным и небезопасным. Впервые, что ли?

– Хотелось бы, – ответил Азазель, – чтобы это было пореже. С другой стороны, неправильный путь иногда дает правильный результат. Не знали? Ну, как прямая дорога приводит к победе быстрее окольной…

Михаил ощутил, как по телу прошла ледяная волна, вздыбила волоски на руках и вспупырила там кожу.

– Значит, только Гамалиэль?

– Знаешь вариант лучше? – спросил Азазель. – Нет? Тогда не хрюкай, а сопи в две дырочки и слушай старших. Френсис прав насчет знаний. Знание управляет миром, ибо знание – сила, знамя и оружие, как сказал великий полупролетарский поэт-попутчик. Ешьте, не задумывайтесь. Всем нам понадобятся силы для свершений и дерзаний!

Некоторое время в самом деле ели молча и сосредоточенно, Бианакит потому, что уже высказался на полдня вперед, а Обизат не осмеливалась принимать участие в обсуждении проблем старшими, потому не взмекивала и даже не попискивала.

Азазель хлопнул себя по лбу.

– Чем больше вспоминаю, что мы выгребли, тем больше вижу, что Михаил как в воду смотрел.

– Ну спасибо, – произнес Михаил спокойно.

– А что, – сказал Азазель, – это же ты сказал насчет сокровищ, которые нахально так выгреб из тайника Князей Ада. Может быть, возможности там?

Михаил буркнул:

– Почему нахально? Ничего нахального…

– Почтения не выказал, – сказал Азазель наставительно. – Ты должен был пасть ниц, преклониться, распластаться и трепетать. Вообще стать ничтожнейшей из медуз хоть на минутку. Прежде чем. Ты же человек, а не свинья с черными крыльями!

– Минутки у нас не было, – напомнил Михаил. – Мы уходили быстро. Убегали.

– Молодец, – сказал Азазель, – вот и сейчас придется на время забыть о святости. Лопайте-лопайте! Я сейчас вернусь.

Они и так уже заканчивали с десертом, слышно было, как в соседней комнате щелкает механизм громоздкого сейфа, наконец Михаил ощутил по неуловимому движению воздуха в комнате,

что толстая дверца распахнулась, и даже успел подивиться своей чувствительности.

Азазель появился на пороге, держа чуть ли не на вытянутых руках туго набитый рюкзак. Вид у Азазеля был таков, что страшится украденных вещей.

– Все в гостиную, – велел он, – на кухне будет неприлично и неуважительно.

Голос его прозвучал строго, Михаил с трепетом в душе ощутил, что Азазель говорит серьезно и с подлинным почтением.

В просторной гостиной над широким столом вспыхнула, несмотря на солнечные лучи в окна, люстра на двенадцать лампочек, придавая всему оттенок торжественности и значительности.

Михаил вздрогнул, когда Азазель сунул рюкзак ему в руки:

– На.

– А ты?

– Еще чего, – ответил Азазель оскорбленно. – Это ты чист и зануден, а такие Творцу почему-то угоднее. Раскрывай, не тяни.

Михаил посмотрел на него с сомнением:

– В самом деле не пересмотрел все тайком?

– Не притрагивался, – заверил Азазель. – Там такая мощь! Рискованно. Убить не убьет, но вдруг изменит к лучшему?.. Ты такое представляешь? Вот и меня страшит до икотки. Лучше ты рискни, тебя не жалко, а я великая ценность и надежда человечества, хотя оно об этом пока не догадывается. К тому же ты солдат! Вас и так выращивают для войны и гибели во славу пославших вас. А я вот личность, целый мир и вселенная чувств, значений и всяких смыслов, в том числе и вполне пристойных.

Михаил, не слушая, взял рюкзак, все молча смотрели, как он присел у стола и, опустив его на пол, начал деловито расстегивать пряжки.

Азазель сказал с нервозностью в голосе:

– Но и ты будь осторожнее. Солдаты хоть и солдаты, но ты нам с Обизат еще пригодишься.

– Ну спасибо, – буркнул Михаил.

Азазель напомнил:

– Это ведь из Дерева, на которое Творец затратил столько же усилий, как и на создание всего мира!.. Ну, может, чуточку меньше, но все равно. Меня впечатляет. А тебя?

Михаил промолчал, а Обизат прошептала:

– Ой, но как… даже не знаю.

Ее личико побледнело, а в глазах сменялись страх и восторг, смотрела то на рюкзак, то на неустрашимого Михаила, ее повелителя и господина, что самый отважный и мужественный,

чьих детей будет носить в чреве во славу своего рода, племени и клана.

Михаил расширил горловину рюкзака, из осторожности закрыл глаза, но все равно откачнуло, словно толкнули незримые ладони.

Из рюкзака ударил свет Первого Дня Творения, Михаил не сразу сообразил, что свет незрим для обитателей этого мира, но он его видит, как наверняка и Азазель, да и Обизат с Бианакитом, судя по их лицам, потрясенным и заметно испуганным.

Азазель вообще отступил на шаг и в напряжении смотрел, как Михаил достает из рюкзака и бережно выкладывает на столешнице чашу из дерева, поднос, два грубо сделанных браслета, дюжину оструганных палочек, а также несколько брусков, вырубленных из могучего ствола.

Обизат и Бианакит подошли ближе и с опаской разглядывали сокровища с двух шагов, не решаясь ступить ближе.

– Тот, кто резал ветки, – сказал Азазель с заметным сомнением в голосе, – знал, откуда режет. Мы уже говорили на эту тему, но тогда было так, умозрительно, а сейчас время действовать… но как? Власть тьмы из левого ствола Древа Жизни, особенно из Гебура, все наслышаны о ефире божественного гнева, но я вот в упор не вижу разницы… Кто-нибудь видит?

Бианакит сказал мрачно:

– Если все из одного ствола, то как увидеть? А Тьма, она ж не тьма, а так… кликуха для противников. Они могут быть белее нас, но все равно Тьма.

Михаил чувствовал, как ему стало настолько тревожно, что вся кровь застыла, вот-вот превратится в лед и начнет разрывать сосуды.

– А что, если…

– Если воспользуешься не тем? – досказал Азазель. – Скорее всего сам станешь Тьмой. Помнишь Гамалиэля? Светлейший ангел, чистейший и прекраснейший!.. Но возможность черпать энергию из Тьмы к чему привела?

– Нам тоже не удержаться, – подтвердил Бианакит. – Это слишком… оно само тянет с такой силой… Даже в тюрьме не могут уйти от наркоты.

– Понял, – ответил Михаил упавшим голосом. – если даже от простой наркоты…

Азазель кивнул:

– Тьма – наркотик. Вон Бианакит сразу понял. Почему-то. Самые сильные духом иногда прекращают, порывают, но тянуть их продолжает… и в минуты упадка, уныния или невзгод все

начинается снова… и так до быстрого конца. Свет обязывает, Михаил! А Тьма разрешает и оправдывает все. Во Тьме пребывать приятно и защищенно, словно в утробе матери! Там в утробе Тьма, Мишка, Тьма. И тьма, и Тьма.

– А эти вещи, – спросил Михаил шепотом, – все опасны?..

– Если из левого ствола, – уточнил Азазель.

– А как…

– А никак, – повторил Азазель уже с досадой. – Был бы ты архангелом Михаилом, может быть, и знал бы какие-то приметы, но, думаю, тот придурок вообще не обращал внимания на какое-то дерево, пусть оно и торчало в Раю как центр всего-всего существующего.

Обизат сказала азартно:

– Так тот гад еще и в раю расхаживал?

– Еще как, – подтвердил Азазель. – Гоголем!.. Это такие павлины с вот такими хвостищами!.. Его приставили охранять врата Рая, чтобы Адам с Евой не вернулись, дурни набитые, будто Адам с Евой захотели бы вернуться!.. А и захотели бы, им гордыня не позволила бы. Говорят, «горд, как Люцифер», но на самом деле это же Люцифер набрался гордыни от человека, после чего и устроил тот бунт…

– И что тот Михаил? – спросила Обизат.

Азазель сказал злорадно:

– Простоял, как набитый дурак, несколько столетий, пока Адам с Евой не умерли, как сказано, в изгнании. Их потомки уже и не знали, где эти врата. С тех пор он без работы.

– Спустился бы на землю, – пригрозила Обизат, – я бы сама ему морду разбила! Прежде чем срубить голову.

Михаил пробормотал:

– Насколько я слышал от богословов, на охране врат Рая стоял Гавриил. Который архангел.

– Гавриил умный, – ответил Азазель, – он не станет… Так что ты даже не думай хватать все, что выкладываешь, и загадывать желание. Нам вообще непонятно, что здесь. Разве что с чашей в какой-то мере понятно.

– Что понятно? – спросил Михаил. – Если напиться из нее, добавится жизни или мудрости?

Азазель пожал плечами.

– Нет, но понятно, что из нее пьют, а не гвозди ею заколачивают. Хотя, конечно, можно и гвозди…

– И что потом? Если напиться?

– Наверное, что-то может случиться. Дурное или хорошее. А может, и не может.

Михаил молчал, вспоминая Дерево, которое хоть и не

охранял в те давние времена, но несколько раз видел вскользь. Корни питают один ствол, но чуть выше уровня земли разделяется на два, именуемые Древом Жизни и Древом Познания, к которому Адам и Ева тогда отнеслись так непочтительно.

Азазель вздохнул:

– Ждите, не двигайтесь.

Он вернулся на кухню, слышно было, как звякает посудой, наконец появился в дверном проходе, держа в обеих руках изящную фарфоровую чашку, полную воды до ободка.

– Мишка, держи.

Михаил молча принял из его рук, Азазель сказал строго:

– Перелей в ту деревянную. Если ничего не произойдет, выпей. Если помрешь, похороны устроим по высшему разряду, обещаю!.. С музыкой. Какую желаешь послушать? А если вдруг выживешь… представляешь перспективы?

– Нет, – буркнул Михаил. – А ты?

– Конечно, не представляю, – ответил Азазель с достоинством. – Это называется экспериментом. Ты сейчас, как Лайка, ее запустили в космос перед Гагариным. Потом даже памятник и медаль в ее честь отчеканили!

– Заткнись.

– Если уцелеешь, – сказал Азазель заботливо, – сделаю глоток уже я лично, то есть собственной драгоценной персоной. Если не передумаю, я вообще-то непостоянный, как говорят женщины… Только все не вылакай, будь осторожен.

Михаил перелил воду в деревянную чашу, вода как вода, у Азазеля она идет из крана даже без фильтра, с некоторым трепетом взял в обе ладони. На краткий миг показалось, что держит в руках всю тяжесть земли, затем возникло ощущение, что в ладонях ничего нет. Чаша начала искриться внутри и снаружи, от всей поверхности пошло свечение, но свет странно ликующе чистый, все тот же Первосвет, пространство вокруг чаши пошло волнами, словно натянутую простыню слегка встряхнули с одного конца.

Азазель сказал очень ясным голосом:

– Сделай глоток, не больше… Если что не так, можно, наверное, и попятиться…

Бианакит добавил:

– У ангелов Тьмы такие же белоснежные крылья.

Михаил буркнул:

– Знаю. Ангелы Тьмы по обличью такие же, как и ангелы Света.

Но предостережение подействовало, с осторожностью

всмотрелся в прозрачнейшую воду. В самой чистой может таиться яд, и хотя эта выглядит простой кристально чистой и бесцветной, но никто не говорит, что воюет на стороне Тьмы или Зла, все добиваются счастья для всех, а противники – Тьма и Зло, что бы они о себе ни говорили.

– Пей, – сказал Азазель настойчиво. – Или попробуем на Обизат?.. Все-таки женщина, у них организмы крепче. Да и не жалко, женщины у нас еще будут, мы же не моногамцы.

Михаил поднес чашу ко рту, снова то же ощущение тяжести, дрогнул, но заставил себя сделать пол-глотка. Огненный шар прокатился по горлу, но еще в пищеводе растворился приятным теплом.

Азазель спросил шепотом:

– Ну что?

– Не знаю, – ответил Михаил осторожно. – Вроде бы ничего… просто представилось, что лечу светлым и глупым ангелом, все хорошо и прекрасно, время счастливое и безмятежное.

Азазель сказал с сердцем:

– Ерунда какая… А сил больше?.. Мощи?

Михаил прислушался к себе, покачал головой:

– Нисколько.

– Тогда это бесполезно, – сказал Азазель с горечью.

Обизат тихонько пискнула:

– А если из этой чаши изопьет Гамалиэль?

Азазель сказал в сердцах:

– Ну и что, изопьет так изопьет. Слыхала же, вода остается водой.

– Ну а вдруг, – сказала Обизат, – а вдруг в чаше становится из простой воды непростой? По ней разве видно?

Азазель отмахнулся, но вдруг насторожился и остро взглянул на Михаила.

– Женщина если брякнет, – сказал он раздраженно, – то брякнет. Однако это может быть шансом. Как ты говоришь, Мишка, привиделось, что летал?..

Михаил не понял, Азазель чуть прищурил глаза, давая понять, что остальное скажет без Обизат. Михаил кивнул, повернулся к столу и начал осторожно перебирать извлеченные из тайника вещицы.

Обизат жадно следила, как он берет в ладони и рассматривает, но сама протянуть руку не решалась, обернулась к Азазелю.

– Это потому, – спросила она пугливо, – что он человек, любимое создание Творца?.. Ему позволено то, что не позволено нам?

Азазель кивнул, хотя по его глазам Михаил понял, что Азазель вспомнил и об элементале, что растворился в Михаиле, а те самые что ни есть демоны из демонов.

– Людям вообще-то позволено все, – пояснил Азазель.

– Почему?

– Неисповедимы пути Творца, – ответил Азазель. – Конечно, когда-то повзрослеем и поймем, но сейчас просто ерунда какая-то. Знаем только, что дал людям полную свободу даже от Себя! Удивительно, что сами опутали себя цепями запретов. Добровольно, подумать только!.. Хотя и ссылаются, будто эти законы им дал сам Творец. Как те же десять заповедей Моисею.

Михаил отложил в сторону браслет из дерева, с задумчивым видом рассматривал оба жезла, вертел их так и этак, но тот и другой оставались простыми палками из дерева, разве что гладко выструганными и с зачатками резьбы.

– Чтобы поднять самооценку, – пояснил он Азазелю. – Одно дело самому придумать, другое – получить от самого Господа!

– Но первое достойнее, – заметил Азазель. – Не так ли?

– Зато во втором больше силы, – напомнил Михаил. – От того, что придумал сам, можно отказаться, но что продиктовал сам Творец…

– Трус, – сказал Азазель с достоинством.

Михаил нахмурился.

– Это не трусость, – ответил он жестким голосом, – это дисциплина. Кстати, эти вот палочки… это заготовки для чего-то или же такими и должны быть?

Азазель улыбнулся во весь рот.

– Ты прелесть, Мишка. Я тоже люблю тоталитарную демократию с нечеловечьим лицом. Дисциплина – это наше все! И началась с запрета рвать яблоко с Древа… Постой, с браслетами тоже понятно, их надевают на руку. Или на ногу, смотря у кого какие. Вон у Обизат ноги тонкие, как спички…

– Это у кого спичечные? – спросила Обизат с обидой. – Ты сам спичечный!.. У моего господина мускулы! Что ему на бицепс, мне вместо пояса.

– Тебе только на посмотреть, – сообщил Азазель. – Да и то издали. Мала ишшо. К тому же чашу могли вырезать из одного ствола, а браслет из другого. Да к тому же из левой стороны!

Обизат испуганно спрятала руки за спину, словно браслет сам может прыгнуть ей на руку.

Глава 7

Аграт шла мрачная и злая, хотя двери перед нею распахиваются сами. Так встречают только особ с самым высоким статусом. Мрачные и торжественные залы с высокими сводчатыми арками открываются перед нею один за другим, безжизненные и холодные, а каменные изваяния в стенах провожают ее красными горящими глазами, у некоторых из ноздрей вьется легкий дымок.

Она даже не смотрела по сторонам, во дворце Сатана всегда пусто, веет смертной тоской и затаенной злостью.

Здесь все подчинено его всесокрушающей воле, суетливые слуги раздражают властелина преисподней тупостью и неповоротливостью, потому все свершается без них быстро и бесшумно.

Последний раз была здесь давно, но ничего не изменилось, подсвечники все те же только на стенах, потому свод тонет в темноте, создавая иллюзию беззвездного ночного неба, везде тишина, разве что слышится, да и то едва-едва, гулкое эхо от ее шагов.

Свечи горят неприятным красным пламенем, свет зловещий, недобрый, а тени бегут впереди и по бокам, пугающе резко изламываясь на стыках пола и стен.

Она двигалась через мрачные залы быстро и решительно, стараясь выглядеть злой и несгибаемой, но в груди затаился страх, что с каждым шагом разрастается и становится все сильнее.

Раньше Сатан мало обращал на нее внимания, а когда ушла из клана, вообще о ней забыл, а сейчас почему-то велел создать для нее прямой портал, что требует огромной энергии и доступен только Князьям Ада.

Когда она вслед за Шелхавироном шагнула в подземный зал дворца великого повелителя подземного мира, еще надеялась, что Сатан просто рассержен, что помешала ему убить Михаила, этого странного человека с нечеловеческой мощью, но сейчас ощутила, что Сатан уже не тот вспыльчивый и яростный ангел, даже архангел, что, как говорят о нем, заспорил с Творцом и отказался подчиниться, теперь это расчетливый и хладнокровный правитель, ни единого шага не сделает, повинуясь чувствам или желаниям.

Шелхавирон в облике красного пламени и сейчас, как провожатый, несется впереди все быстрее, побуждая ее перейти от быстрого шага к бегу, но она противилась, оберегая остатки

независимости.

Он иногда исчезал вовсе, но, убедившись, что ему не поддаются, вынужденно дожидался и снова скользил впереди легкий и бесшумный.

В последнем коридоре несет охрану грузный демон на коротких ногах и с длинными руками, достающими до пола. Он сразу насторожился при виде Аграт, развернулся в ее сторону с самым угрожающим видом.

По мутно-серебристому цвету лица Аграт узнала Дагдариона, одного из двенадцати ближайших помощников Сатана.

Шелхавирон пронесся мимо, прошипев щелкающим, как сгорающие в огне сучья, голосом:

– Это Аграт, повелитель велел ей предстать…

– Проходите, – рыкнул Дагдарион.

Дагдарион уставился на Аграт мутно-серебристыми глазами, оба закрыты толстой пленкой, смотрит невидяще, но она слышала, что способен видеть даже сквозь стены, потому врага заметит еще издали.

У самой двери покоев Сатана застыл блещущий медным лицом и руками Нехаштирон, второй помощник, а когда Аграт распахнула дверь и вошла в зал, по ту сторону двери ее встретил Цалель Демирон, весь красно-коричневый, цвета запекшейся крови.

От его облика пахнуло жестокостью и страстью причинять боль и страдания, на Аграт взглянул со злобной усмешкой, словно она переступает порог его пыточной камеры.

Она сумела взглянуть в ответ холодно и мстительно, напоминая, что с нею нужно разговаривать вежливо.

Он согнал с лица усмешку и произнес с вежливым поклоном:

– Повелитель ждет. Прошу поспешить.

Еще больше встревоженная, она пошла через полутемный зал по красной, словно залитой кровью, ковровой дорожке к противоположной стене. Там по мрачному блеску золота угадывается помост со ступеньками, на нем роскошный трон с высокой спинкой, на которой возлежит медный змей.

Та часть зала погружена в яркий темный свет, Аграт наконец рассмотрела на троне крупную фигуру, исполненную достоинства и величия. И хотя Сатан о чем-то глубоко задумался, Аграт подумала невольно, что никого еще не видела, чтобы вот так от кого-то веяло благородством и сдержанной мощью.

Она остановилась у подножия и скромно поклонилась.

– Ваше величество…

Сатан поднял голову и взглянул на нее в упор. Аграт невольно съежилась, ощутив всем существом, что на троне в

самом деле Властелин Преисподней, Князь Света и Ангел Тьмы, самый великий противник Всевышнего.

Голос его прозвучал мощно и величественно:

– Подойди, дочь моя.

Она поднялась на одну ступеньку и с самым смиренным видом остановилась.

– Слушаю вас, ваше величество.

Он некоторое время рассматривал ее внимательно, наконец заговорил тем же могучим голосом, способным вызвать землетрясение по всей преисподней:

– Мы давно не виделись, дочь моя. Ты не просто выросла за это время, повзрослела очень сильно.

Аграт ответила учтиво, но с затаенной дерзостью:

– Мы не виделись с той поры, как моя мачеха хотела извести меня.

– Это не совсем верно.

– Моя мать, – напомнила она, – вынужденно собрала для моей защиты легионы.

– Которые повела в бой ты, – досказал Сатан. – Это прошлое, дочь моя. И не мачеха она тебе. Лилит едва ли не самое свободное существо на свете. Если сумела воспротивиться самому Творцу, почему будет слушаться меня? Я ее не видел уже много лет. Но я призвал тебя не для воспоминаний… Как тебе здесь, уже освоилась?

Она покачала головой:

– Нет.

– Это был твой дом, – напомнил он.

– Я давно выросла, – ответила она. – И мне пора иметь свой.

Его гулкий голос, что пронесся по всему исполинскому дворцу, поднялся к сводам и проник в самые глубокие подвалы:

– Ты права, дочь моя. Я как раз об этом и подумал.

Она вздрогнула в нехорошем предчувствии, а он сосредоточился, повел головой с горящими мрачным огнем глазами из стороны в сторону.

Аграт напряглась, а слева из тьмы, что стала совсем черной, появилась фигура в темном плаще и в наброшенном на голову капюшоне, такая же рослая, как и Сатан, и тоже исполненная мрачной силы.

Сатан проговорил с удовлетворением:

– Приветствую тебя, Авриэль. Рад, ты быстр, как и всегда.

Гость ответил мрачным голосом:

– У тебя нечто важное, я понял.

– У нас, – сказал Сатан, но прервал себя, в двух шагах от Авриеля мрак сгустился и отвердел, из него вышла призрачная

приземистая фигура, обрела плоть.

Аграт рассмотрела незнакомца и содрогнулась от омерзения, голова больше похожа на кабанью, по ней узнала Озриеля, еще одно из воплощений Сатана. Озриеля обычно за спиной называют свиньей хрюкающей, однако того гадкое прозвище ничуть не беспокоит, даже бравирует, как бы говоря, что отвратительнее его нет никого на свете.

Сатан произнес мощно:

– Приветствую…

Справа от его кресла вспыхнул радостный свет Первого Дня Творения, из него вышел, как из огромной перламутровой раковины, сверкающий Люцифер Утренняя Звезда, прекрасный и величественный, бывший Ангел Света и Счастья.

Он на ходу сложил за спиной сверкающие серебром белоснежные крылья, бросил взгляд на Аграт, потом посмотрел на Сатана.

– Ого, – произнес он звенящим, как праздничные фанфары, голосом, – это что, недостает только Самаэля и Сатанаэля?.. Что случилось?

Сатан медленно поднялся с трона, огромный и полный мощи, простер руки.

– Сатанаэль уже здесь, только старается быть незаметным, по своему обыкновению.

Люцифер огляделся, покачал головой.

– Как же он исхитряется, что даже я… Зачем созвал?

– Надеюсь, – сказал Сатан с ядовитой вежливостью, – заметили нашу дочь Аграт?.. Аграт, скажи слово!

Аграт вежливо поклонилась и даже чуть присела в знак почтения.

– Приветствую вас, – проговорила она смиренно, – воплощения моего великого и могучего отца.

Люцифер оглядел ее с интересом.

– Аграт, ты стала красавицей… Последний раз видел тебя младенцем. Это что, Сатан собрал нас из-за тебя? Невероятно.

Сатан сказал резко:

– Что невероятного?

– Раньше ты замечал только себя, – напомнил Люцифер. – Так что стряслось?

Аграт промолчала, а Сатан заговорил громыхающим голосом:

– Дело серьезное, а я в сомнениях, потому собрал весь… чтобы решить… Игратиэль не прибыл? Жаль, ну ладно… Я начал беспокоиться насчет Аграт. Она сумела вступить в контакт с Азазелем… вы знаете, что это за птица, в чем-то ему даже помогла или посодействовала… Я хотел вмешаться, отыскал

логово Азазеля, но его не застал, а только странного смертного, что вступил со мной в безобразную драку.

Люцифер поинтересовался красивым музыкальным голосом:

– Смертный? Человек?

– Вот-вот, – подтвердил Сатан. – Я его почти прибил, но Аграт ворвалась в комнату и не дала его уничтожить! Вы себе можете такое представить? Подобная привязанность к людям может завести далеко. Если не принять срочные меры, мы потеряем девочку.

Авриэль, не поднимая опущенного на лицо края капюшона, проговорил мрачным каркающим голосом:

– Что ты предлагаешь?.. Убить нашу дочь?

Сатан поморщился.

– Я не настолько… в общем, если убить, то чтоб мне на пользу. Пожалуй, лучший вариант… выдать ее замуж.

У Аграт все внутри сжалось в тугой комок и похолодело, но смолчала, владыка преисподней не потерпит возражений. Не посмотрит, что дочь, хотя свой бунт против Всевышнего начал как требование свободы и равенства, однако постепенно стал таким непререкаемым тираном, каким считает Создателя.

Озриель скептически окинул Аграт с головы до ног пренебрежительным взглядом.

– Иногда это хуже, чем убить. Вижу, девочка с этим согласна.

– Хуже, – подтвердил и Люцифер, он повернулся к Сатану: – Считаешь поведение Аграт таким важным вопросом?

Он смотрел на Сатана с интересом и ждал ответа, остальные молчали и не двигались, только Авриель пошевелил плечами, но тоже не сказал ни слова.

Сатан ответил резким голосом:

– Было предсказано при ее рождении, что ей суждено свершить нечто великое, что изменит нашу жизнь!.. Я не очень-то доверяю предсказаниям, но так… а вдруг?

– В лучшую, – поинтересовался Авриэль, – или в худшую?

– Не знаю, – огрызнулся Сатан, – думаю, зависит от нас. Как распорядимся сейчас.

– Если предсказание истинное, – напомнил Люцифер. – А то у нас много мастеров любой вещий сон исказить так, что ни за что…

– То был не сон, – прервал Сатан.

Люцифер сделал отметающий жест, дескать, ему есть что сказать, но в своем величии и хорошем расположении духа спорить не станет.

– Ладно, – ответил он мирно, – выдать замуж – хорошее дело. Только не уверен, что великое.

Сатан пропустил шпильку мимо ушей, хотя и поморщился, сказал с вызовом:

– Не просто выдать замуж! Это моя дочь, а не бессловесного нола!.. Я прикинул насчет женихов…

– Ну-ну, – сказал Люцифер заинтересованно, – если уже прикинул…

– Лучшими женихами, – сообщил Сатан тяжелым непререкаемым голосом, – будут Танпэсиэль, сын Велиала, а также Молиэль, сын Вельзевула, и Фаттанух, сын Теумиэля.

Аграт вздрогнула, замысел Сатана прост и ясен. Убить двух зверей одним ударом. Выдать замуж, чтобы сидела дома и блюла устои, а еще тем самым установить крепкий родственный союз с одним из трех самых могущественных кланов преисподней.

Велиал, вспомнила она торопливо, главный соперник Люцифера, на небесах был ярче и знатнее самого Михаила, высшего архангела, но пал вместе с Сатаном после восстания. Долгое время делил в преисподней с ним власть и влияние, одно время растерял могущество, но теперь снова набирает мощь и становится серьезным противником для единоличной власти Сатана.

Почти так же силен и могуч Вельзевул. Он поднялся из низов, очень популярен в Аду, неустрашим в бою, за его плечами могучий и многочисленный род, такого хотели бы иметь на своей стороне все кланы. У самого Вельзевула клан невелик, но это самая боеспособная часть из всех армий преисподней.

А третий, Теумиэль, вообще высший демон и глава всей системы антисфирот. Он был создан первым из всех ангелов, себя считает двойником Создателя и стремится тоже быть творцом, из-за чего его называют обезьяной Бога. Он сам неуязвим из-за близости к антисфиротам, а еще значим тем, что его род постепенно расширяет свое влияние и начинает теснить самого Сатана.

Все воплощения Сатана некоторое время раздумывали, не сдвигаясь с места и даже не шевелясь, наконец Люцифер, как самый быстрый, взглянул на Аграт со странным выражением в глазах, она даже уловила во взгляде некоторое сочувствие.

– Хороший ход, – произнес он медленно. – Одобряю. Но ты прощупал почву?

Сатан сказал с холодком:

– От таких предложений не отказываются.

– Но ты прощупал? – повторил Люцифер.

Сатан ответил с великой неохотой:

– Только потому, что я щепетилен даже в мелочах. Да, я сообщил в их кланы. И, как и должно было оказаться, получил

полное и даже торопливое одобрение и согласие на такой союз!

– На свадьбу, – сказал Люцифер с легким упреком и показал взглядом на замершую Аграт. – Это же свадьба нашей дочери, а не сделка, зачем ты так!..

Сатан проговорил несколько тише:

– Да-да, ты прав. Это будет красивая и желанная свадьба, что укрепит нашу власть еще больше.

Люцифер кивнул молча, а Озриель довольно хрюкнул:

– За кого бы из этих трех ни выдал, наша власть станет устойчивой, как весь этот мир.

– А для любого из тех кланов, – добавил Авриэль из-под черного капюшона, – что, несомненно, еще больше чести породниться с нами!.. А что сама невеста?

Аграт смолчала, Сатан ответил за нее:

– Верная дочь будет исполнять волю родителя. Все, что во славу и для величия рода, для нее непререкаемо.

Люцифер взглянул весело прищуренными глазами.

– Да, понятно-понятно. Для того ты и созвал всех нас, чтобы сообщить этот трюизм?

Сатан нахмурился, все уже поняли, для чего он их созвал, но тактично промолчали, только Люцифер нагло ткнул палкой в больное место.

– Я хочу, – ответил Сатан жестко, – чтобы единство мнений оставалось нерушимым. По крайней мере, по таким ключевым моментам. Мощь рода превыше всего!

Он оглядел их гневными очами. После паузы первым задвигался и сказал хрюкающим голосом Озриель:

– Превыше, ты прав. Я поддерживаю целиком и полностью.

Сатан перевел взгляд на Авриэля. Тот чуть наклонил голову, из поля зрения исчез даже его раздвоенный подбородок, а голос прозвучал, как зловещий шепот:

– Согласен. Особенно в эти нелегкие времена… это лучший ход, какой только можно предложить. В данном случае, конечно.

Люцифер ответил легко и подчеркнуто беспечно:

– Да, конечно. Мудрый продуманный ход и даже хитрый, что важнее. Если наша дочь прибежит к нам за поддержкой, постараемся ее переубедить.

Сатанаэль промолчал, но все знают, что он неразговорчив, и если молчит, то согласен, потому Сатан вздохнул с заметным облегчением и сказал с подъемом:

– Скажу честно, решение было, сами знаете, трудным. Но так надо.

Люцифер поинтересовался:

– А за кого из трех планируешь? Если ты сообщил в три

клана?

– Да, – подтвердил Озриель, – здесь я тоже не понял… Или ты решил…

Сатан медленно наклонил голову.

– Ты прав, Озриель. Я решил именно то, что ты подумал. За одного из. Не хочу, чтобы кто-то остался обиженным. Потому всем им предложу честное соревнование. Кто победит, тот и получит руку Аграт. Самый прямой и честный путь!

– Пойдут втроем?

Авриэль сдвинулся с места, из-под капюшона донесся свистящий шепот:

– У меня дела…

Он исчез, прежде чем Сатан или Люцифер успели ответить, Озриель растворился в воздухе молча, не прощаясь, Сатанаэль неизвестно когда вообще пропал из поля зрения, только Люцифер не сдвигался с места, на его лице Аграт видела живейшую заинтересованность и с холодком поняла, что воплощение Сатана в ипостаси Люцифера отошло от него дальше остальных, даже недопонимает некоторые решения Сатана.

– По очереди, – сообщил Сатан властно и победно. – Не хочу вмешиваться даже в то, кто начнет первым.

– Погоди, – сказал Люцифер заинтригованно, – кто начнет?

– Я не сказал?.. Озриель сразу понял. Хочу дать им задание. Вообще-то легкое, но тоже…

Он остановился, подбирая слова, Люцифер сказал со смешком:

– Зная тебя, я бы сказал, постараешься убить трех зверей одним камнем. Верно?

– Вообще-то…

– Ну вот! Двух уже знаю, а третий?

Сатан прямо взглянул ему в глаза.

– У Азазеля появился некий странный помощник из смертных. Но с ним что-то непонятное. Конечно, дурак дураком, как большинство людей, но есть кое-что не совсем понятное.

– Ну-ну!

– Во-первых, Азазель всегда жил и воевал в одиночку. Зачем взял этого? Во-вторых, этот помощник оказался крепким орешком. Он задрался со мной, и мне стоило немалых трудов одолеть.

– Убил?

– Нет, помешала Аграт.

Люцифер довольно засмеялся.

– Тогда не трех зверей, а четырех? Одним ударом?.. Зная тебя, предположу, что кто-то из троих наверняка убьет этого

человека. Ты ни при чем, все время был здесь с Аграт, а тому, кто принесет его голову, и отдашь Аграт?

– Разве плохой вариант?

– Ты все просчитал, – согласился Люцифер. – Поздравляю!.. Действуй без сомнений. Мы все тебя поддержали, перестань терзаться в раздумьях. Не нужно расслаивать себя на добавочные личности. Иначе совсем рехнешься. Ты и так уже… Неужели все мы когда-то были единым целым?

Глава 8

Азазель с бокалом красного вина в руке с комфортом расположился в роскошном кресле в гостиной, Михаил с Обизат и Бианакит явились на зов и устроились напротив на диване.

Он отпил малость, заметно смакуя и наслаждаясь вкусом, даже прикрыл глаза от удовольствия, а когда несколько картинно распахнул, сказал томным голосом:

– Покой нам только снится, да?.. Особенно сладко в нашем защищенном доме и с такими надежными друзьями?

Михаил сказал недовольно:

– Но мы же сами от него уходим?

Азазель снова поднес бокал к губам, долго с неторопливостью пил, пока не осушил до дна, со вздохом выпустил из пальцев, и тот послушно уплыл на столешницу.

– Вот-вот, сами… Думаю, все ломаете голову, как заставить Гамалиэля напиться из чаши Жизни?.. Надеюсь, что это именно она, а не чаша Тьмы. Угадал?

Михаил смолчал, Обизат посмотрела на него и тоже не пискнула, а Бианакит, оставленный в одиночестве, буркнул:

– Примерно. Думаем.

– А ты, – спросил Михаил, – уже что-то выломал из головы? А то больно рожа у тебя какая-то слишком уж…

Азазель произнес, смакуя каждое слово:

– Мне уже дважды подбрасывают наводку на одно общество… демонов, конечно. Называют себя последователем Сахариэля. Занимаются почти тем, чем и Сахариэль в те времена, только он был помешан на изучении Луны да вел нашу летопись, а эти последователи в последние полтыщи лет только собирают всякое старье, ничем больше не интересуются.

Михаил сказал быстро:

– Собирают нам полезное?

– Хороший вопрос, – одобрил Азазель. – Но не знаю. Однако шансы велики, потому что…

Он умолк, подбирая слова, Михаил тут же добавил:

– Потому что Сахариэль один из двухсот, что дерзновенно спустились с тобой на гору Хермон, так?

Азазель покачал головой:

– Ты прав, но Сахариэль к тому обществу никакого отношения не имеет. Уже не имеет, и давно. Но ты угадал, именно у них могут храниться всякие тайны насчет сильных и слабых сторон ангелов. Особенно тех, кто тогда спустился со мной на гору и пошел к людям. Мы жили тесной группой, и

каждый был как на ладони… В том числе и Гамалиэль.

Бианакит поинтересовался:

– Это общество на каком уровне Ада?

Азазель хмыкнул:

– Будешь смеяться, но теперь они здесь, на Земле. В Аду их начали преследовать, чем-то не угодили Князьям, потому постепенно перебрались в мир людей.

Обизат проговорила зачарованно:

– Как это все просто…

– Не очень, – ответил Азазель. – Слабые да глупые пробраться сюда не могут вообще, разве что кто-то проведет и доставит, но в обществе Сахариэля всегда были умнейшие и, скажу сразу, не совсем слабые. Первых в свою группу подбирал сам Сахариэль, а потом, когда он ушел в поиски чего-то неясного, традиция сохранилась.

– Где, – спросил Михаил, – где они сейчас?

– Далековато, – сообщил Азазель, – но это по меркам людей. А что расстояния для нас, когда очень нужно?.. Что думаешь, Мишка?

Михаил пробормотал:

– Если не сразу в бой, то прыжок на любое расстояние не проблема. Там на месте можно снова набраться сил для битвы.

– Есть шанс обойтись без боя, – сообщил Азазель. – Все-таки к тому обществу я как бы причастен. Во всяком случае, Сахариэль и Гамалиэль были в числе первых, кто откликнулся на мой несколько наивный призыв спуститься к людям и показать небесам, как надо жить.

Обизат помалкивала, только смотрела большими блестящими глазами. Михаил видел, что девочка очарована возможностью вот так запросто приобщиться к тем легендарным временам, когда вселенная была совсем юной и каждый сделанный тогда шаг резко и бесповоротно перекраивал будущую карту мира.

Бианакит обронил:

– Да кто это помнит? Могут встретить, как врагов.

– Могут, – согласился Азазель. – Потому на всякий случай отправимся, как бы помягше сказать, готовыми.

– Как на военную операцию?

– Как сказал пророк, – ответил Азазель подчеркнуто благочестивым тоном, даже глазки закатил, – будем кроткими, как голуби, и мудрыми, как змии, ибо именно змий сумел соблазнить Еву кротостью, мудростью и сладкими речами.

Михаил дернулся, такое перекручивание слов Святой Книги показалось кощунством, но смолчал, чтобы не увести в сторону.

– Оружие?

– Скрытого ношения, – ответил Азазель. Он взглянул на Бианакита: – Ты как?..

– Мы сами оружие, – напомнил тот сдержанно, – но пистолеты не помешают. Да и автоматы с запасными обоймами. Могу взять гранатомет.

– Отлично, – сказал Азазель. – Девочку охранять всем. Она еще маленькая.

Обизат обиженно вскинулась:

– Я воин!

– И прекрасный воин, – согласился Азазель. – Но там, в преисподней. На Земле могут быть неожиданности.

– Справлюсь, – отрезала она уверенно.

– Да? – спросил он отечески. – На гранату, что метнули тебе под задние лапки, можешь не обратить внимания, не знаешь, что это за, а такое чревато боком, а то и передом. Про зад уже молчу. Забыла тот выстрел из гранатомета?.. Держись за Бианакитом!.. Биан, опекай ребенка. Нос можешь ей не утирать, так она даже смешнее.

– А подгузники не понадобятся, – заступился Бианакит за обиженную соратницу. – Мы столько посмотрели фильмов про схватки людей с людьми, что все боевые и трюки она запомнила. Про поцелуи пропускает, а драки пересматривает еще и в замедленном режиме.

Азазель взглянул на часы, поморщился.

– Времени всегда в обрез, но и раньше нельзя… Даю сутки на отдых, за это время нам там подготовят зеленую улицу!..

– Где там? – спросил Михаил.

– Где надо, – ответил Азазель твердо. – Я обожаю обходиться без драки и насилия, хотя и презираю пацифизьм, как орудие либеральной пропаганды и отрыжку нездоровой культуры.

Михаил не знал время будущего прыжка к сахариэльцам, да и сам Азазель, похоже, ждет какого-то сигнала, раньше нельзя, потому Азазель велел этот день считать свободным и отдыхательным, а то потом будут жалеть, что недоотдыхали и недолюбили.

Бианакит и Обизат остались в квартире, у Азазеля богатейшая библиотека фильмов о цивилизации людей, войнах, сражениях, истории оружия от каменных топоров до квантовых лазеров, это же какое счастье сидеть на диване и жадно смотреть на этот вечный котел страстей, но сам Азазель таким счастьем пренебрег и вытащил Михаила на улицу.

– Тебе, – сказал он наставительно, – нужно снова войти в этот мир с той же легкостью, с какой в нем пребывал Макрон.

Михаил напомнил:

– Я и есть Макрон. Все знакомо, все понятно…

– Все? – переспросил Азазель. – Теперь, когда в тебе еще и элементаль, ты можешь, к примеру, узнавать демонов, маскирующихся под людей?..

Михаил дернулся.

– Что, вот так прямо на улице?

– Вот так прямо, – подтвердил Азазель. – Здорово?.. Да не оглядывайся так, будто сейчас прямо в драку. Это редкость, можешь год ходить и никого не увидеть. Они стараются держаться подальше от людских скопищ, а мы с тобой почти в центре города. Да и вообще…

Михаил в самом деле с легким стыдом ощутил, что с таким подозрением всматривается в каждого встречного в людском потоке, что на него начали оглядываться.

– Что? – спросил он сердито.

Азазель спросил ехидно:

– Вот увидишь ты демона в людской личине среди прохожих… и что?

Михаил дернулся.

– Что?.. Да нужно немедленно…

Он поперхнулся, посмотрел на смеющегося Азазеля сердитыми глазами.

– Ну-ну, – сказал Азазель, – говори! Я так люблю тебя слушать!

Он двигался по улице раскованный и беспечный, как человек, получивший наконец-то долгожданный отпуск не среди зимы, а в самом начале лета. Некоторые женщины, встречаясь с ним взглядом, отвечают легкими приглашающими улыбками.

– Это нечестно, – отрезал Михаил. – Ты всегда над всеми надсмехаешься!

– А это чтоб не рухнуться, – объяснил Азазель жизнерадостно. – Быть постоянно серьезным, это же риск ошизофрениться даже за короткую людскую жизнь, а что ждало бы меня?..

Он то и дело косил глазами на проходящих мимо женщин с особенно оттопыренными задницами, пару раз причмокнул, один раз присвистнул, то ли восторженно, то ли с изумлением Михаил морщился, наконец сказал с сердцем:

– Не понимаю тебя. Какой ты радетель за человеков, если весь из себя беспечный прожигатель жизни? Смотрю на тебя и вижу!

– Ну-ну?

– Тебе бы только пить, есть, гулять и тащить в постель непотребных женщин!.. Нехорошо!

Азазель спросил обидчиво:

– Почему только непотребных? Я демократ, всех тащу. Смотри какие вон у той…

– Азазель!

– Что? – спросил Азазель. – Непотребные сейчас самые потребные!.. Они и в политике, и в бизнесе, и вообще везде. Непотребство в тренде, потому непотребство сейчас потребство!.. Как гласит народная мудрость, потребные делают все то же, что и непотребные, только лучше и качественнее, потому в рамках политкорректности все различия стерты!

Михаил сердито засопел.

– Ничего не понял, – сказал он. – Все пропало, да? Либо вот-вот Мессия, либо апокалипсис?

– Либо закроем Врата Ада, – ответил Азазель тем же глумливым тоном.

Михаил посмотрел зло:

– Что, не закроем?.. То на гулящих женщин смотришь, а на улице других нет, то вдруг как бы начинаешь заботиться о людях или о человечестве… Нехорошо!

– Ага, – сказал Азазель, – Армагеддон вот-вот грянет, Мишка. Ощутил?.. Ну да, сейчас уже многие чувствуют. А ты к нему готов?.. Не бреши, никто не готов. Ни люди, ни страны.

Михаил тяжело вздохнул, мир вроде бы помрачнел, несмотря на яркий солнечный день и ясное небо, а прохожие сразу показались не такими уж и беззаботно радостными.

– Все надеются, – сказал он, – что пронесет мимо… А что из себя представляет это общество Сахариэля сегодня? Религиозная секта или вроде общества рыболовов?

Азазель вздохнул.

– Не все так просто. В общину Сахариэля, ее и так называют, входят только те, что живут среди людей. Живут как бы правильно. С их стороны нарушений даже меньше, чем от самих людей. Побаиваются засветиться.

– Но в чем их опасность?

Азазель пожал плечами.

– Любые общества потенциально опасны. Не знал? Опасны общностью интересов, потому власти за всеми негласно присматривают. Даже за филателистами. Но про сахариэльцев никто из людей не догадывается…

– А они опасны?

Азазель проговорил:

– Сказать трудно, общество закрытое. Внедриться туда еще не удалось… Знаю только, что время от времени у них возникает идея, что мир должен принадлежать им. Насчет людей

начинаются разногласия, то ли истребить, то ли сделать рабами, то ли полурабами…

– Насколько это серьезно?

– Как сказать… Этим страдают обычно новички, ошалевшие от людской жизни и человеческих идей насчет захвата, передела, освоения, превосходства рас, лучшего устройства общества на основе диктатуры высших, плутократии, автократии, аристократии, олигархии, охлократии, геронтократии, джамахерии, идеократии, криптократии, неократии…

Михаил поморщился.

– Заткнись. Как же любишь бахвалиться. Я не знаю, что такое демократия, хотя о ней все говорят, а ты мне вообще такие кружева плетешь. Признайся, сам придумал?

Азазель широко улыбнулся:

– Угадал! Не сегодня, правда, придумал и даже ввел в обиход. Как-то по молодости сгоряча одно время правил… ну, сперва племенами, потом государствами. Так что, если уж считаться, на самом деле таких терминов ввел в обращение даже больше, чем просто много. Это я так, по скромности. Даже теократию не назвал, хотя ты от нее был бы вообще в восторге.

Глава 9

Михаил хмурился, но чувствовал, что, несмотря ни на что, старательно запоминает, раскладывает в памяти по полочкам. Макрон далек от таких вещей, его память хранит массы вариантов воинских операций, но не такие далекие от жизни понятия, как возможные обустройства обществ, что при нынешней жизни, возможно, все еще пригодится.

Азазель толкнул его в бок, впереди на улице заварушка, несколько человек развернули плакаты, выкрикивают лозунги. С тротуара в их сторону сразу ринулись с десяток молодых парней из числа прохожих, начали выхватывать плакаты, бросать под ноги и топтать, завязалась потасовка и в двух местах с азартом и откровенной радостью жестокие драки.

Один из таких, кто сумел свалить на землю двух и даже попинал ногами, почему-то решил удрать, пробился через собирающихся зевак, налетел на Азазеля и грубо отпихнул, а тот молниеносно перехватил его за руку и так быстро сломал в локте, что ошарашенный Михаил только и успел услышать влажный хруст.

Парень вскрикнул с болью:

– Сволочь! Ты мне сломал…

– Самозащита, – пояснил Азазель. – А теперь арестуем за нападение на полицию. Лет пять строгого режима, если понравишься судье, а то и все восемь…

Парень сказал поспешно:

– Нет-нет, это я сам споткнулся!

Азазель отпустил его, тот поспешно убежал, раскачиваясь из стороны в сторону и придерживая здоровой рукой поврежденную.

– Опытный, – определил Азазель.

Михаил проводил убегающего взглядом, повернулся к Азазелю:

– А в какой это ты полиции?

– Но подействовало же? – ответил Азазель.

– Свинья ты.

– Я человек, – гордо ответил Азазель. – А это значит, что и свинья тоже, я же всесторонне развитая личность! Без свинскости какое может быть богатство культуры и гаммы чувств? Но орла соплеменного и лебедя во мне больше. А то и голубя мира, представляешь?

Михаил покачал головой:

– Не представляю. И пытаться не буду.

– А-а, свихнуться боишься от моей многосторонности?..

Ладно, мне тут нужно заскочить по одному адресу, мы как раз подошли… Прогуляйся пока сам или же посиди вон в кафешке. Столики прямо на улице, всех видно…

Михаил взглянул с подозрением.

– Что-то ты весь полон тайн. А у меня все еще нет допуска?

– У тебя допуск полный, – заверил Азазель, – и полнейший! Но ты по-солдатски честен, по твоему бесхитростному лицу можно прочесть все, вплоть до ПИН-кода твоей карточки!.. Потому в интересах твоей же безопасности тебя нужно оберегать, как королевского пингвина в Африке. А то и шиншилла. Да ты и похож на него, если анфас…

– Хватит, – сказал Михаил недовольно, – не такой уж я и простак, а учусь быстро. Хочешь идти – иди, но как свяжемся?

Азазель победно ухмыльнулся, вытащил из нагрудного кармана плоскую карточку смартфона.

– Видишь, синяя точка?.. Это ты. Отслеживаю и тут же приду на помощь, как Чук и Гек. Или Чип и Дейл, не помню тех муджахедов.

Михаил поморщился, толкнул его в спину.

– Иди, не бахвалься.

Азазель ухмыльнулся и зачем-то вошел в распахнутые двери ближайшего магазинчика. Вид деловой и озабоченный, но Михаил ощутил, что если сядет вот здесь ждать, то не дождется, а появится Азазель через несколько часов совсем с другой стороны.

Ноги машинально несли в сторону выставленных на тротуар столиков, в нагрудном кармане зашебуршилось, донесся тихий звонок.

Так же машинально выудил тонкую пластинку, мазнул кончиком пальца по гладкой поверхности.

На экране появилось крупное квадратное лицо со злыми маленькими глазами и массивной нижней челюстью.

– Макрон, – сказал он быстро, – хорошо, что ты рядом.

– Бизон, – ответил Михаил, – как ты меня отыскал?

Бизон на миг замялся, быстро посмотрел по сторонам, голос его упал до едва слышного шепота:

– Ты хоть и сменил мобильник, но все-таки засекли. Или у кого-то выудили.

– Кто?

– Из Управления, – пояснил Бизон. – Правда, не из того отдела, с которым мы держали связь. Или из того, который выше. Когда ты исчез, руководство перешло к Пернатому, а мы с Удавом у него на подхвате, но все равно дела идут не так гладко, как было с тобой… Пара проколов, а Стрелка даже здесь нашли.

Михаил насторожился.

– В каком смысле?

Бизон сказал тихо:

– Там он завалил кого-то важного, но кровники отыскали и в Москве. Правда, у него твоя выучка. Двух снес, как коза грибы, но остальные его расстреляли почти в упор. К счастью, мимо ехала «Скорая», подхватили, сейчас в реанимации, надежды почти нет… Мы сделали все, что могли, там охрана из наших!.. Двое в коридоре, один на входе в больницу, но мы не врачи, мы как бы наоборот…

Михаил спросил коротко:

– В которой?.. Я до завтра свободен.

– Сейчас скину, – ответил Бизон. – Вот адрес, пути подхода и отхода, схема больницы, отдельно план третьего этажа, палата триста восемь, я пометил…

Он снова посмотрел по сторонам. Михаил сказал негромко:

– Я проверю, как и что с ним.

Больница в двух кварталах, он даже не стал ловить такси, пробежал дворами, делая вид, что это все здоровый образ жизни. Больница в громадном здании, к центральному входу тянутся с сумками и корзинками посетители, но, понятно, сунуться ему туда – потеря времени и ненужные расспросы.

Странно, в коридоре на третьем этаже охраны не обнаружил, ни явной, ни скрытой, перед дверьми триста восьмой палаты вообще пусто.

Уже встревоженный, быстро вошел в палату, моментально хватая взглядом пространство.

Палата на одного человека, в глаза сразу бросилась забинтованная фигура на больничной койке, открыто только лицо, да и то под кислородной маской. От капельницы с прозрачным мешочком зеленой жидкости тянется тонкая трубка к руке, исчезая под толстым слоем бинтов.

Михаил поспешно сел рядом, ухватил безжизненную руку, вялую и такую слабую, что в груди защемило от жалости.

– Стрелок, – сказал он шепотом, – ты как?

Рука начала нагреваться, он затаил дыхание, чувствуя, как его нервная система как бы нащупала такую же в руке старого напарника, а кровеносная система, или что-там у него, начала передавать туда лейкоциты, или как их там зовут, что помогают бороться и выздоравливать.

Через минуту губы Стрелка зашевелились, а набрякшие веки поднялись.

– А-а, – услышал Михаил прерывистый шепот, – командир… Щас скажешь, что все позади, все будет хорошо…

– Ну вот видишь, – сказал Михаил. – Даже ты, такой

пессимист, уже уверен.

Рука Стрелка поднялась, он снял маску, и тут же глаза его расширились, он сказал хрипло:

– Сзади!

Михаил развернулся, как смерч, перехватил руку с блестящим лезвием и, вывернув, ударил нападавшего кулаком в лоб.

От двери ринулся еще один, с десантным ножом. Михаил с легкостью обезоружил и убил одним легким ударом. Два тела рухнули на пол, Стрелок хрипел и старался подняться на кровати, Михаил приказал строго:

– Лежать!

– Мне в самом деле полегчало, – заверил Стрелок. – Кто бы поверил, что одно твое появление…

– Все равно слушайся врачей, – велел Михаил. – А где обещанная охрана?

Стрелок ответил дрогнувшим голосом:

– Было сказано, что ты появился и вызвал на улицу к автомобилю… Не так?

– Ловко, – сказал Михаил. – На чем попался?

– Оружие, – проговорил Стрелок с трудом. – Кто-то знал, что передадим его ночью в порту езидствующим курдам… Засада, мы мало что могли сделать. С нами было пятеро местных, все погибли, так что их не подозреваю, хотя, конечно, все могло быть… Сделка крупная, за такое можно подставить и родного брата.

– Кто получатель?

– Абуллак, – сообщил Стрелок. – Ты его знаешь, он раньше был надежным…

Михаил достал из кобуры пистолет, Стрелок счастливо улыбнулся, когда Михаил сунул ему под подушку.

– Тебе нет равных, Макрон…

– На всякий случай, – предупредил Михаил. – Уже сумеешь, по глазам вижу.

Дверь приоткрылась, вошла медсестра с планшетом в одной руке и с допотопным термометром в другой, строго взглянула на Михаила:

– А вы как прошли без разрешения?

– Не только я, – ответил Михаил и, поднявшись со стула, кивком указал на два распростертых тела. – Только им оказывать помощь вряд ли стоит.

Она охнула, глаза полезли на лоб, Михаил уже приготовился подхватить выпавшие из ее рук планшет и термометр, однако она прижала их к груди и выбежала из палаты.

– Я пойду, – сказал Михаил быстро. – А ты знаешь, что сказать.

Он бросился к окну, распахнул и выпрыгнул в одно движение. Успел услышать испуганный вскрик Стрелка, и уж в пути к далекому асфальту успел подумать, что три этажа, возможно, многовато.

Однако ударившись оземь и откатившись к стене здания, понял, что это многовато для психики Стрелка, но тот подумает и наверняка объяснит какими-то хитрыми трюками десантуры особого назначения.

Народу с этой стороны здания нет, он прошел до угла, оттуда открылся вид на улицу за высоким заборчиком из стилизованных пик. Чаще всего там проходят люди с пустыми сумками, веселых мало, явно родственники навещали больных.

Он красиво перемахнул через острия, ухитрившись не задеть брюками, поймал пару косых взглядов со стороны прохожих, но сделал неприступный вид любителя-экстремала и зашагал по тротуару тоже деловой, суровый и сосредоточенный.

На улице немноголюдно, разгар рабочего дня, туристы стремятся в исторический центр города, солнце в зените, в майках и шортах не только юные девушки, но и обремененные возрастом и мощными животами взрослые особи.

Кафешка впереди в попытке привлечь посетителей выставила три столика под широкими зонтиками на улицу, расположив их подальше от проезжей части. Михаил присел за один.

Все знакомо и привычно до щема, Михаил не сразу ощутил, что странное чувство от иного взгляда на мир. Среди этих мирно прогуливающихся прохожих вполне может быть демон, а то и не один.

И хотя их в пятнадцатимиллионной Москве не больше сотни, как уверяет Азазель, но и этого много. Демоны вообще-то должны жить в своем мире, а не здесь, Азазель напрасно допускает такие поблажки, разрешая отдельным особям селиться среди людей.

По проезжей части скользят с легким шорохом тысячи и тысячи автомашин, электромобилей вообще не слышно, а компьютеры позволяют держать высокую скорость и тесные ряды, что полностью уничтожило то мерзкое явление, которое люди называли пробками, а навигаторы вереницами.

Он сам не заметил, как смартфон оказался в его руке.

– Бизон, – сказал он коротко.

Незримый помощник моментально отыскал Бизона, через пару секунд на экранчике возникло его встревоженное лицо.

– Макрон?

– Со Стрелком пока в порядке, – сообщил Макрон. – Жить

будет, руки-ноги целы, а дырки затянутся. Но какая-то хитрая сволочь вызвала охрану ко входу, а к нему послали двух ликвидаторов.

Бизон охнул:

– Но как…

– Я успел раньше, – ответил Макрон кратко, – но допросить не успел. Кто может знать, куда доставили Стрелка?

– Ястреб, – ответил Бизон немедленно. – Другой ниточки с Управлением у нас нет.

– Понятно, – ответил Михаил, – у этого Ястреба слишком много возможностей. Я его тоже никогда не видел. А звонки от него с одноразовых телефонов… правда, теперь их тоже можно отслеживать… Ладно, побереги Стрелка. Охране ни шагу от двери!.. Никого не впускать, а с врачом или медсестрой входить в палату и следить за их руками.

– Сделаем, – заверил Бизон и спросил с надеждой: – А Стрелок… в самом деле может выкарабкаться?

– Уже выкарабкивается, – заверил Михаил. – Уже.

Глава 10

Азазель как-то обронил, что средства слежения стремительно совершенствуются. Камеры видеонаблюдения на ходу обрабатывают лица и фигуры всех проходящих мимо, подслушивающие и подсматривающие устройства слышат и видят за сотни шагов, в то время как их почти не засечь, потому мир очень скоро станет просматриваемым насквозь и совсем-совсем безопасным.

А пока, подумал Михаил хмуро, как сказал один мудрец, будущее уже наступило, только распределено еще неравномерно.

Раньше это он держал связь с Ястребом, тоже по одноразовой связи, но Ястреб из Управления, а там вполне могут принять решение прервать или вовсе закрыть какие-то щекотливые операции, а их участников ликвидировать, чтобы никакие журналисты не докопались до компрометирующих власти деталей.

Осмотревшись, он вытащил смарт и, загораживая экран, чтобы даже пролетающий над головой дрон не увидел, кому звонит, отыскал нужный номер.

– Это я, – сказал он осторожно, – тут одна проблема…

Лицо Азазеля на экранчике смартфона приблизилось, взгляд стал серьезным.

– Понял. Жди там.

Михаил остался за столиком, удобное место наблюдать за улицей, автомобили проносятся элегантные и сверкающие, все смотрится празднично, хотя в новостях то и дело о военных конфликтах, столкновениях, кризисах, падении, нарастании, приближении, но лица прохожих спокойные, люди привыкли жить в состоянии постоянной войны, кризисов и столкновений интересов.

Один из автомобилей притормозил, быстро высадил Азазеля и унесся дальше.

Михаил поднялся, Азазель широко улыбнулся.

– Так встречают женщин, а из мужчин только президента. Садись и рассказывай. Можешь громко и с выражением, я включил глушак… Девушка, мне большую чашку экспрессо и пару пирожных. Тоже больших. И этому скромнику то же самое.

Официантка приняла заказ и удалилась, мило улыбнувшись двум фактурным мужчинам докризисного сложения.

Михаил сказал негромко:

– Из прошлой жизни, что не совсем прошлая…

Азазель слушал внимательно, не перебивал, темные глаза

загадочно поблескивали. Официантка принесла кофе и пирожные, снова улыбнулась красивым мужчинам, у которых хватает отваги признаться, что любят пирожные, и ушла, покачивая элитными бедрами.

– Теперь сам будь осторожен, – сказал Азазель, когда Михаил замолчал. – Похоже, начали как раз с тебя, а не с этого Стрелка. Не знаешь, кто выдал тебя?..

Михаил буркнул:

– Не интересовался. Да и зачем?

– Ты как бы выжил, – напомнил Азазель, – еще в тот раз, помнишь? Когда ты стал Макроном. А это значит у них прокол. Кого-то накажут, а другого пошлют закончить начатое. Ты для кого-то из Управления угроза. А твой Стрелок… только потому, что он в твоей команде.

Михаил вздохнул.

– Так что мне делать?

– Сам берегись, – ответил Азазель. – Посматривай по сторонам, будь настороже… Ладно, теперь ты в моей команде, жаль терять такого смешного и наивного, так что постараюсь, как командир нашей группы, заняться этим Ястребом.

Михаил спросил с сомнением:

– У тебя и там концы?

Азазель ответил задиристо, но с подчеркнуто обиженным видом:

– У меня связи и знакомства везде, а где нет – отыщем. Мы же сами тайная служба, только на добровольных началах. А тайные контактируют с себе подобными даже в разгар самых яростных войн!.. Ладно, оставайся здесь, сам ничего и никуда, разве что взад в квартиру. Тайные службы – дело тонкое, слонам в ней как-то не совсем уютно, я тебя понимаю и даже не злорадствую.

Он бросил пару купюр на стол, поднялся. Автомобиль подкатил точно в момент, когда Азазель подошел к дороге, распахнул дверцу.

Михаил проводил их взглядом, рывком поднялся. Оставаться здесь вовсе не значит сидеть на этом стуле. Люди чаще сдаются, чем терпят поражение.

Когда он поздним вечером вернулся в квартиру Азазеля, даже удивился, застав Бианакита и Обизат все там же на диване. Оба зачарованно уставились в огромный экран, словно и не поднимались, хотя с того момента, как они с Азазелем вышли, прошло часов десять, если не больше.

Правда, на журнальном столике перед диваном полдюжины пустых чашек со следами кофе и множество крошек от печенья и самых разных пирожных, а еще ножи и вилки, но пустые тарелки

Сири успела отправить в моечную машину.

Бианакит кивнул в ответ на приветствие и снова повернулся к экрану, Обизат вскочила, охнула:

– У тебя ссадина!..

– Где? – спросил Михаил. – Тебе показалось, это свет так падает.

Ее изумрудные глаза стали совсем громадными.

– Это он так упал на тебя? Откуда? И как он так…

Михаил пробормотал:

– Да ладно, упал и упал. То ли свет правды, то ли свет истины, но тяжел, как видишь. Свет знания таким не бывает.

Обизат смотрит с еще большим непониманием, сложен мир людей, а Михаил на всякий случай торопливо прошелся мысленно по себе, убирая следы не совсем кротких прогулок по городу после того, как побывал в больнице и расстался с Азазелем.

– Что передают?.. – спросил он. – Все еще войну смотрите?

– Биан залип, – прощебетала она. – Так люди говорят? А я на другом экране про вашу жизнь, такую странную и удивительную… Все еще не пойму, зачем женщины ходят на каблуках? Это же неудобно!

– Зато красивее, – ответил Михаил автоматически и, спохватившись, добавил: – Так почему-то считается, хотя на самом деле женщина на каблуках уязвима и нуждается в поддерживающем ее мужчине. Но так как мужчины и себя не всегда могут поддержать, то женщина на каблуках всегда злее тех, кто в кроссовках.

На ее чистом личике отразились нешуточные колебания, глаза потемнели в глубокой задумчивости.

– А ты… как бы хотел?

– А мне все равно, – ответил он с неуклюжей мужской дипломатией. – Это же ты!.. Пусть даже каблуки… Хотя вообще-то женщины ходят не на каблуках, а на ратицах. А каблуки только поддерживают пятку.

Она вздохнула.

– Как все сложно. Пойдем, я сама тебе сделаю кофе, как здесь принято. И сяду на колени!

– На колени садились в прошлом веке, – сообщил он. – Теперь это выражается иначе…

– Как?

Он взглянул в сторону Бианакита, и хотя видно только его затылок, сказал с неловкостью:

– Потом как-нибудь. Делай кофе.

– Какой? – спросила она. – У Азазеля автомат

запрограммирован на сто семьдесят вариантов от тройного экспрессо до пенсионного «Как бы кофе».

– А четверной можно? – спросил он. – А то прогулки по мирному городу изнуряют больше войны.

– Щас будет, – пообещала она победно. – Я все умею! А потом расскажешь, как женщины выражают в этом веке…

– Потом, – оборвал он, – все потом. Сперва кофе и здоровенный бутерброд.

Она гордо повернулась к кофейному комбайну и повелела величественным тоном:

– Два двойных экспрессо в одну чашку… и здоровенный бутерброд!

Кофейный агрегат смачно захрустел размалываемыми зернами, а в духовке вспыхнули огоньки.

– Молодец, – сказал Михаил с одобрением. – Только уточни, что бутерброд с мясом, а то Сири даже Азазеля старается приучить к ЗОЖу, а из него еще тот зожник!

Обизат повернулась к кухонной аппаратуре и сказала голосом командующего войсками:

– Бутерброд с мясом!.. Бараниной, а лучше с козьим!..

– Умница, – похвалил он. – Ты просто замечательная повариха. И находчивая.

Обизат села напротив и, нагнув голову, заглядывала ему в лицо счастливыми глазами.

– Вкусно?

– Очень, – похвалил он. – Я ж говорю, умеешь, что тут сказать!..

– У тебя все благополучно? – спросила она.

Он спросил с подозрением:

– А что не так?

– Ты немножко взволнован, – сообщила она. – Там, глубоко внутри. Воевал с кем-нибудь?

Он отшатнулся.

– В Москве? Это самый мирный город на свете!.. И останется таким. А я, если хочешь знать, хочу домик в деревне, десяток коз, кур и уток. Можно гусей. Мне даже приснилось такое!..

Она спросила с недоверием:

– Но это же… не всерьез?

– Помечтать-то можно? – ответил он. – Когда настанет мир во всем мире, все проблемы будут решены, а вселенную перестроим под нашу сингулярность?

Она вряд ли поняла, судя по ее хорошенькой мордочке, но послушно кивнула:

– Да, конечно… Когда это… да, тогда все, что угодно. Ты ешь,

ешь. Еще приготовить?

– Потом, – сказал он, – вон там домофон пищит, наверняка Азазель дистанционно отдает команды.

– Кухне? – спросила Обизат с подозрением. – Я там только-только все настроила!

Михаил сказал торопливо:

– Сдай все взад! Это же Азазелева кухня, а ты и Сири на свою сторону переманиваешь?.. Нехорошо. У людей нельзя так.

– Так Азазель, – сказала она нерешительно, – вроде бы… не людь?

– Мы все теперь люди, – пояснил он. – Под прикрытием.

Глава 11

Азазель вернулся поздно вечером, довольный и шумный, но во взгляде падшего ангела Михаил уловил некоторое беспокойство.

– Как погуляли? – спросил он сразу, как только вошел в прихожую. – Первый раз я вас оставил так надолго!

– Все в порядке, – заверил Бианакит. – Я даже не покидал квартиру. И Обизат не выпустил. Эти штуки на стенах показывают все, что захочешь. На улице такое когда еще встретишь, а тут все сразу, только скажи!

– Интернет по запросу рулит, – согласился Азазель, – а гугель голосовые запросы обрабатывает быстрее, чем договоришь… Мишка, а как ты? Что-то вид у тебя…

– Какой? – спросил Михаил. – Все норм.

Азазель оглядел его критически.

– Точно? А то зная твой дурной человеческий характер… Ладно, все за стол, за стол!.. У людей всегда все важные вопросы решались на пирах. Или просто за трапезой, когда еще собрать громадную семью? А мы теперь вроде семьи, связанной узами долга и чего-то еще возвышенно-красивого и поддерживаемого авторитарной системой правления в целях закабаления масс.

Михаил вздохнул, Обизат начала заставлять столешницу плодами своего кулинарного искусства. Если Бианакит большую часть дня провел на диване перед огромным экраном, куда по его запросу моментально выводилось все, что запрашивал, то Обизат частенько уходила на кухню, где Сири учила ее, как пользоваться этим сложнейшим устройством, где так много всего жарящего, пекущего и размалывающего кофейные зерна, даже посуда моется сама в особом ящике, и вообще для женщины теперь важнее всего в жизни из миллиона рецептов выбрать нужные!

Сейчас она горделиво водрузила на середину стола огромного жареного гуся, роскошный торт, гроздья винограда и сочные груши, а также рыбу, красную и черную икру, сдобный пирог размером с акулу, полдюжины бутылок шампанского и также всякого рода орехи и зелень.

Азазель покосился на Михаила, тот сидит нахмуренный, девочка перестаралась, еще учиться и учиться, а пока искренне уверена, что гуся можно употребить вместе с тортом.

Затем она поспешно уселась рядышком с Михаилом, заботливо и умело начала перекладывать ему с общего блюда вкусности.

– А что такое дурной характер? – спросила она тихонько. – Ты

разве дурной?

– Он не дурной, – пояснил через стол Азазель, – но характер… Подраться любит!.. Ничего, скоро бить начнет, узнаешь. Лучше заранее пересядь ко мне.

Обизат подумала и сказала решительно:

– Пусть бьет. Он мой господин и повелитель! Зато я понесу в своем чреве…

Азазель торопливо поднялся и прервал громогласно:

– За победу!.. Биан, малышке пол-бокала, не больше… Как какую победу?.. У нас каждый день победы!.. Мы живем – и это уже победа над хаосом, энтропией и международным глобализмом!.. К тому же если у нас битвы на незримом фронте, то и победы незримые, непощупальные…

Бокалы звонко соприкоснулись краями над серединой стола, Азазель осушил до дна и опустился на сиденье с гордым и в самом деле победоносным видом.

– Есть кое-какие сведения, – сказал он, разрезая большой ломоть мяса, – да, уже есть. Ага, уши вытянулись? Завтра к вечеру узнаем остальное, утрясем и перепроверим.

Михаил с бокалом в руке поинтересовался:

– А когда…

– Как только, – ответил Азазель незамедлительно, – так сразу. Отбудем немедленно, когда порядочные люди спят, а бодрствуют только воры и любители чужих жен.

Обизат пискнула обиженно:

– А мы кто?

– И тайные службы специального назначения, – договорил Азазель строго и возвышенно. – Настолько тайного, что даже сами не знаем своего назначения и призвания, но стремимся сделать мир лучше, потому и тащим его в разные стороны. Уже трещит, но пока держится! Слабо работаем, значит. Бианакит, наливать не забывай!.. А то поручу эту ответственную работу Сири, хотя искусственный интеллект и нельзя приучать к алкоголю. Но мы разве не бунтари?

Бианакит с готовностью снова наполнил бокалы, сосредоточенный и точный, ни делающий ни одного лишнего движения.

– Я не бунтарь, – сообщил Михаил с достоинством. – Бунтовать нехорошо.

– Пить, – сообщил Азазель, – уже бунтовать!.. Интересно, против чего бунтовал Ной?

– Пить, – сказал Михаил, – бунтовать против разума. Нехорошо!

– А у меня горло пересохло, – объяснил Азазель. – По

пустыням мотался. Это вы тут сидели в тепле возле моих винных запасов… Нужно пересчитать бутылки, а то Михаил хоть с виду тихий, но все же человек, а люди сами знаете какие.

Обизат гордо улыбнулась и приосанилась, услышав комплимент ее господину и повелителю.

– Какие? – пискнула она.

– После рукопожатия с Мишкой, – сказал Азазель, – пересчитывай пальцы. А если обнимет, то и голову потеряешь.

Некоторое время ели молча, Обизат все поглядывала на Азазеля, наконец женскость прорвалась, пискнула:

– А как у тебя?

– Мы не вправе жить, – ответил Азазель высокопарно и возвышенно, – когда погибла честь… но я вот сижу и жру, так что с честью у меня все в порядке. А как у тебя?

Обизат обиженно поджала губы, еще не поняв, на какую честь Азазель намекает, вдруг на особенности женской.

– Просто ждем, – напомнила она, – как ты и велел. Пока ты где-то… Ты хоть знаешь, что от тебя вином прет?

– Это по делу, – ответил Азазель с достоинством.

– А что, есть такие дела?

– Они все такие, – сообщил Азазель. – Вынужден был. Вот не хотел, а пришлось!.. И еще что-то пришлось, но я не гонюсь за удовольствиями, а если и гонюсь, то не настолько быстро, чтобы перегонять их.

Бианакит хмыкнул, но промолчал, а Михаил обронил с сарказмом:

– Еще бы!

– Всего лишь потому, – объяснил Азазель, – что, испивая чашу удовольствия до дна, обнаруживаешь там больше гравия, чем жемчуга. Всему должна быть мера, а мера всех вещей – я!.. Так поднимем же… что, еще то не выпили? С кем это я оказался за одним столом, ужас какой-то… Тогда я один, всеми брошенный…

– Я не брошу командира в беде, – заверил Бианакит и, торопливо наполнив свой бокал, поднял на уровень глаз. – Твое здоровье!

После ужина расположились было в гостиной, но Обизат тут же вышла на кухню вызнавать у Сири, что сделала не так, мужчины как-то странно ухмыляются, глядя на богато накрытый стол, хотя вроде бы должны восхищаться.

Михаил проводил ее взглядом и кивком пригласил Азазеля на лоджию, не стоит мешать Бианакиту оценивать сражение в войне Саудовской Аравии против Ирана.

– Что с Ястребом?

Азазель в задумчивости смотрел через перила на распростертый внизу огромный город с геометрически точно расчерченными улицами, скверами и гроздьями красиво оформленных зданий.

– Работаем, – ответил он несколько отстраненно. Взглянув в потемневшее лицо Михаила, добавил со смешком: – Для тебя успех, если противник убит?.. Нет, Мишка, это не всегда хорошо и не всегда нужно.

Михаил насупился, надоело быть постоянно шпыняемым учеником.

– А что хорошо?

– Противника можно скомпрометировать, – ответил Азазель все тем же покровительственным тоном, – можно подставить, можно с помощью связей добиться его перемещения на такую работу, где для нас будет абсолютно безопасен. Да и вообще многое можно!.. Но крючки я оставил. Так, на всякий случай.

– Ну да, – буркнул Михаил, – иначе какой ты тогда Азазель? Так Ястреб, значит…

– Жив, – ответил Азазель уклончиво, – но узду я на него накинул. Это не значит, что вот так возьмет и повезет, но у меня есть хлыст и шпоры. Опыт по обламыванию богатый, с тех пор как самому рога обломали…

– У тебя были рога?

Азазель посмотрел на него так, словно хотел дать копеечку.

– Хороший ты, Мишка. С сочувствием говоришь, я заметил. И глаза у тебя добрые-добрые, как у Владимира Ильича. Откуда у меня рога? Вспоминай человеческий язык во всех тонкостях и нюансах.

Он чуть повернул голову, прислушиваясь к плеску воды со стороны плотно закрытой двери ванной комнаты.

Михаил сказал с неловкостью:

– Видел в кино, все женщины перед сном…

– Держись, – ответил Азазель. – Ты сейчас, как все люди. Каждый человек носит в себе гены Люцифера из-за прелюбодеяния Евы, но и частицу Творца. Только у тебя это заметнее.

Михаил поежился.

– Ничего себе, заметнее. Элементаль и я в одном теле! Элементаль во мне не совсем просто гены…

– Все люди чуют мощный зов Сатана, – ответил Азазель, – только объясняют своим неандертальским прошлым… Так что ты не так уж и уникален. Ладно, иди и высвободи в себе неандертала!

Они вернулись в гостиную, Азазель развернул его в сторону

спальни и мощно хлопнул по спине. Михаил невольно сделал пару шагов, а когда оглянулся, Азазель уже исчез, словно его и не существовало вовсе.

Обизат в душевой весело пищит песенку из нового кинофильма, Михаил ушел в спальню, а там, уже под одеялом, с неловкостью вспомнил исчезнувшую Аграт, а следом и Синильду, что оставила в его мохнатой и заскорузлой душе наемника светлый след, а самого архангела ввергла в жгучий стыд, смятение и сладкую тоску. Хорошо, элементаля тогда в нем еще не было.

Сейчас и того хуже, на веку Макрона немало женщин побывало в его постели, да и сам в чужих без счета, но то другое, там все не снимая лыж, на бегу, грубо и брутально, а здесь этот нежный цветок с чистыми наивными глазами лезет к нему в постель, чтобы потом с гордостью «носить его дитя в своем чреве».

Слишком как-то откровенно, хотя вроде бы и все правильно, дети должны рождаться от сильных мужчин, а не больных астматиков, однако все равно неловко, а девочка еще не умеет маскировать искренность дымком красивых и пустых фраз о внезапном влечении, сексе без обязательств, романтическом импульсе и прочей несуществующей хрени.

Дверь приоткрылась, из коридора резко блеснула в глаза и упала на постель яркая полоса света. Следом проскользнула Обизат, сама как луч света, неслышная и светлая, рывком отбросила прикрывающее ее широкое полотенце и быстро, будто лисенок, скользнула к нему под одеяло.

– Ой, я такая холодная!

– Как лягушка, – подтвердил он, – ладно, грейся. Бить не буду.

– Можешь бить, – заверила она преданно, – только не прогоняй!..

– С чего бы я стал бить, – проворчал он.

– А если провинюсь?

– А ты не провиняйся, – ответил он. – Да кто станет такую лапочку бить? Я того сам побью и прибью.

– Ты мне говори, – попросила она, – что делать. А то я уже поняла, что просто лежать с раздвинутыми ногами, как говорили мне старшие женщины, не совсем правильно.

– Не слишком старайся, – сказал он успокаивающе. – Это не та область, где нужно добиваться виртуозности. Иначе Софьей Ковалевской не станешь.

– А она была хороша в постели?

– Кто знает? – ответил он. – Ее знают не за постель. Вообще,

вот только сейчас подумал, нет ни одной женщины, которую бы знали за виртуозность в постели!.. Даже Клеопатру или Таис Афинскую расхваливали за красоту, обаяние и умелое поведение в обществе, если можно так сказать.

Ее глаза заблистали живейшим любопытством.

– Расскажи про Софью Ковалевскую!

– Щас, – ответил он, – только вот и мечтал лечь с тобой под одно одеяло и рассказывать о Софье Ковалевской!.. Уже согрелась? Тогда иди сюда, теплая моя лисичка.

Глава 12

Азазель с утра исчез, еще вчера за ужином пояснив туманно, что уточняет детали предстоящей операции. Сегодня начнут ее точно, потому никому не напиваться и быть наготове, хотя сидеть и ждать с рюкзаками за плечами не совсем обязательно.

Возможно, исчез даже ночью, те двести ангелов, что ушли за мятежным Азазелем и облеклись плотью, могут спать, как люди, а могут и обходиться без сна, чем Азазель без зазрения совести пользуется, хотя и часто подчеркивает, что ведет себя во всем как человек, чтобы понять, почему именно Творец уже тогда определил человека, а не ангелов, властелином этого мира.

Обизат помчалась на кухню, ощутив в себе зов к этому чисто женскому делу, Михаил слышал как задорно и с энтузиазмом распевает там «Белла Чао», услышанную вчера с экрана телевизора, куда Бианакит вывел марширующую в бой колонну неаполитанских партизан.

Бианакит, позавтракав за общим столом, похвалил стряпню Обизат, пусть даже все сделала Сири, уже знает, женщин нужно хвалить, тогда в лепешку разобьются, будут стараться и дальше.

Михаил еще допивал кофе, когда он поднялся могучий и собранный.

– Посмотрю новости, – сообщил он кратко. – Говорят, это важно. Вижу, что да, важно.

Михаил кивнул:

– Если что, Азазель нас соберет.

Бианакит молча вышел в гостиную, через мгновение там вспыхнул на стене огромный прямоугольник роскошного экрана.

Обизат спросила робко:

– Мой господин и повелитель, мне оставаться с Сири или возьмешь с собой?

– А чего ты решила, – спросил Михаил, – что я куда-то направился?

– У тебя вид такой, – сообщила она. – Мы, женщины, все должны чувствовать и видеть!

Из гостиной донесся голос Бианакита:

– Прогуляйтесь, вы молодые. А мы с Сири домовитые, здесь подождем. Смарт не забудь, а то Азазель не найдет.

– Чтоб Азазель да не нашел? – ответил Михаил. – От него и в Аду не спрячешься. Ладно, не опустоши коллекционные вина, у Азазеля все пересчитано.

Бианакит показался в дверном проеме, оглядел обоих так, словно вместо Азазеля теперь он готов вытирать им обоим носы.

– Вряд ли, – сказал он с сомнением. – У него за хозяйством смотрит Сири, а холодильник сам заказывает продукты, кто бы подумал. Я уже проверил, летающая штука доставила вино точно такое, какое выпито. Азазель в такие мелочи даже не вникает, не барское дело.

– Он барин, – согласился Михаил. – Хоть и не барин.

Бианакит отворил им дверь на лестничную площадку, теперь он за старшего, а когда Михаил вывел Обизат из квартиры, услышал, как за спиной щелкнули автоматические замки.

В лифте Обизат прошептала с вытаращенными глазами:

– Все еще не приду в себя от этой странной магии!.. Как все непонятно и дико интересно!.. Бианакит столько водил меня по городу и показывал, но неувиденного еще больше!

– Все узришь, – пообещал Михаил. – Предсказано было, что самая великая битва произойдет в мире людей, а ты теперь видишь почему. Раньше мир был какой? А теперь?

– Я не видела старого, – ответила она виновато, – я новенькая, как утренний муравей.

На улице он сразу же купил по дороге два мороженых в вафельных стаканчиках и с удовольствием смотрел, как Обизат на ходу счастливо хрумает одно за другим, словно молодой козленок огурцы.

– Вкусно?

– Необыкновенно, – промямлила она с набитым ртом. – Просто чудо какое… И что, люди могут позволить это себе в любое время?

Он усмехнулся:

– Быстро надоест. Человек – привередливая скотина. Ему нужно разнообразие, приключения, риск, опасная игра.

Она дохрустела последний стаканчик, мордочка счастливая, грациозно облизала пальцы.

– Вы с Азазелем в опасной игре?.. С кем?

Он, не сбавляя шага, пожал плечами:

– Это для Азазеля игра, для меня нет. В такое играть нехорошо… А люди даже войны называют играми, в которых то выигрывают, то проигрывают!

– Азазель так говорит, – подтвердила она. – Это чтоб им было не так страшно?

– Похоже, – ответил он. – Я просто помогаю Азазелю, потому что он, несмотря на свои гадкие слова, ведет себя так, как должны вести люди… хотя ведут себя так редко. На Земле не только ангелы и демоны, но есть нефилимы и прочие твари. Далеко не всех их выпустили из Ада, как я думал раньше. Азазель их выдергивает из этого мира.

Она спросила живо:

– А как нефилимы оказались здесь?

Он чуть напрягся, когда она ухватила его за руку и, прижавшись, пошла рядом, но так шагать неудобно, с некоторым сожалением отстранил, надеясь, что поймет и не обидится.

– Кто-то пережил потоп в глубоких пещерах, кто-то был в спячке, есть такие демоны…

– Есть, – подтвердила она. – Даже в преисподней. Спят по сто лет, потом просыпаются и несколько дней бродят по старым местам, затем снова в спячку на много лет… Это самые древние!

– Представляешь, – сказал он, – когда такой вылезает из пещеры в мире людей? Хорошо, если это все в горах. Можно сто раз впадать в спячку, а потом выходить на прогулку, и его никто не увидит! А если увидят, то будут говорить насчет йети… А вот если близ города?

Она начала отвечать щебечущим голоском, а он, уже не слушая, насторожился, у обочины остановился автомобиль, вылезли двое мужчин в приличных костюмах и сразу направились в их сторону.

Один сказал приятным голосом:

– Майор Кучеренко, государственная безопасность… Простите, что отрываю вас от прогулки с милой спутницей, но это на пару минут.

Обизат ощутила настороженность Михаила и сама отодвинулась на полшага, давая себе свободу маневра.

Майор увидел, как она измерила взглядом расстояние до него и до его спутника, соизмеряя с длиной своих рук, понимающе улыбнулся.

Михаил спросил настороженно:

– Что случилось?

– Всего пару минут, – повторил майор, – или чуть больше, но не слишком. Можем отойти к той лавочке… или вон совсем пустое кафе!

– Кафе, – ответил Михаил.

И снова майор взглянул с интересом на Обизат, что пошла рядом с его напарником, что значит, каждый выбрал себе жертву.

– Не хотелось бы вызывать в управление, – сказал он. – Не люблю формальности… если можно избежать.

Он улыбнулся Михаилу с неким намеком, тот пожал плечами, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

– Хорошо. Мы как раз и собирались…

Второй особист, чуть проводив их, вернулся к автомобилю, зорко поглядывая по сторонам, а майор с Михаилом сделали несколько шагов к стульям вокруг легких столиков, вынесенным

из кафе на тротуар.

Кафе в самом деле в это время дня совершенно пустое, если не считать единственного парня в дальнем углу с бутылкой пива на столе.

Обизат села так, чтобы держать напарника майора в поле зрения, что майор тут же заметил и оценил, судя по его уважительному взгляду.

Подошла официантка в кружевном переднике и чепчике с фигурным вырезом, посмотрела с вопросом в глазах на Михаила, тот указал взглядом на майора.

Майор сказал механически:

– Два кофе, если вы не против. Можно экспрессо?.. А что девушке?.. Ладно, ничего так ничего.

Официантка удалилась, майор с интересом всматривался в лицо Михаила, тот старался держаться как можно незаинтересованнее, наконец майор сказал самым доброжелательным тоном:

– У нас нестандартная ситуация. Вчера поздно вечером убиты трое граждан, ведется расследование. И хотя за двоими из них солидные криминальные хвосты, но закон есть закон, граждан нашего государства защищаем, пока степень их вины не установлена.

Михаил спросил в упор:

– Меня в чем-то подозревают?

– Камеры, – ответил майор. – Камеры видеонаблюдения зафиксировали довольно отчетливо, как человека, похожего на вас, встретили двое, а третий с пистолетом в руках стоял за автомобилем и держал человека, похожего на вас, на прицеле. К сожалению, запись разговора получить не удалось, хотя уличные фонари и начали оборудовать как видеокамерами скрытого наблюдения, так и чувствительными микрофонами.

– И что же? – спросил Михаил.

Майор развел руками.

– Видеокамеры устанавливает одна бригада, микрофоны – другая. То ли несогласование, то ли разгильдяйство, но что имеем, то имеем.

– А что имеете? – спросил Михаил.

– Только видеосъемку, – сообщил майор с явным сожалением. – Должен сказать, в полиции были настолько впечатлены, что сразу же связались с нами, дескать, не наш ли орел так красиво уделал всех троих? А что те трое именно преступники, они установили сразу по полицейской картотеке.

От барной стойки развернулась и направилась в их сторону официантка с подносом в руке, на котором исходят горячим

паром две большие чашки кофе.

Единственный посетитель кафе вдруг вскочил и бросился навстречу входящей в кафе молодой девушке в обтягивающих шортиках. Чересчур торопясь, толкнул официантку, спеша обогнать, у той с подноса соскользнули обе чашки.

Обизат, не отрывая взгляда от особиста у автомобиля, молниеносно подхватила обе по дороге к полу, не дав расплескать кофе, и, не глядя на них, поставила на столешницу.

Михаил принял это как должное, майор вскинул брови, официантка пролепетала виновато:

– Простите, простите…

– Все в порядке, – сказал Михаил спокойно. Он взял свою чашку, пригубил чуть, поглядывая на майора поверх края.

Майор взял вторую и сказал тихо:

– Ну и реакция… у ваших людей. Я такого еще не видел. Может быть, девушке заказать мороженое? А то, боюсь, мой напарник сейчас упадет, сраженный ее взглядом.

– Да, – согласился Михаил, – мороженое она успела попробовать только уличное в вафельных стаканчиках. Тройную порцию, девушка!.. С шоколадными шариками.

Официантка записала заказ и поспешно удалилась. Михаил сделал глоток побольше и поинтересовался:

– Так что там случилось?

Майор с усмешкой посмотрел ему в лицо.

– Человек, похожий на вас, будем называть его так, голыми руками убил обоих двумя ударами так быстро, что те вряд ли поняли, что их убивают. А того, что с пистолетом прятался за автомобилем, достал единственным выстрелом с тридцати шагов… да-да!.. прямо через обе стенки автомобиля. Спрятавшегося. И точно в лоб.

– Автомобиль из жести? – ответил Михаил. – Наверное, китайский?

– Пуля оказалась усиленной, – сообщил майор с той же усмешкой. – Но интересное даже не в том, что пуля прошила авто насквозь, а что угодила точно в лоб. Это же какую выучку надо иметь да и просто чутье!.. Потом человек, похожий на вас настолько, что даже программа распознавания лиц вроде бы ошиблась, выстрелил, не глядя, вверх и чуть в сторону. На этом запись закончилась. Как-то получилось, что пуля попала точно в глазок камеры. К счастью, оба выстрела услышали из проезжающего мимо полицейского патруля, моментально подъехали…

Официантка принесла большую металлическую чашу на высокой ножке. Шарики мороженого выложены в причудливую

пирамиду, из темного шоколада внизу, а выше каждый ряд из сливочного пломбира, с орешками и ягодами, а на вершине победно красуется ярко-красная ягода черешни.

Обизат довольно взвизгнула, глаза засияли, на щеках проступил яркий румянец. Майор, не выпуская чашки из ладони, с интересом поглядывал, как она взяла крохотную ложечку и начала неумело отковыривать ломтики.

По его взгляду Михаил определил, что не может понять, из какого она региона, если даже не знакома с мороженым, все-таки оно есть даже в жарких арабских странах и на островах Океании.

– Ну-ну? – спросил Михаил заинтересованно.

Майор оторвал взгляд от Обизат, голос его стал задумчивым:

– Обнаружили только тело того, что прятался за машиной с пистолетом в руках, так что у вас явная самозащита. А два трупа куда-то исчезли. Причем не осталось даже пятен крови!.. Не представляю, как чистильщики успели так быстро и бесследно.

– Кто такие чистильщики? – спросил Михаил.

Майор вздохнул.

– Ну да, откуда вам знать. Хотя, по непроверенным слухам и по засекреченным документам, есть сведения о каком-то оружейном бароне, что удивительно похож на вас… а еще на вожака одной из самых успешных частных армий.

– Даже армий? – спросил Михаил с интересом.

– Пусть не армий, – уступил майор, – но достаточно большой группы, что оказывала влияние на раздел зон интересов… как на Ближнем Востоке, так и в Индонезии… Даже непонятно, почему этот человек, так похожий на вас, засветился в неприлично простом деле… Или оно только с виду простое?

– Совпадение, – сказал Михаил. – Видимо, кто-то увидел, как негодяи пристают, а потом преследуют девушку… Потому понятно, я не тот расчетливый гад, за кого принимаете.

– Вы увидели, – повторил майор, – как мерзавцы пристают к девушке… и просто вступились?

– А что, мне такое чуждо?

– У человека, похожего на вас, репутация хладнокровного наемника, – сказал майор. – Уж простите, но весьма жестокого, умного, успешного. И абсолютно рационального.

Михаил пожал плечами.

– Похоже, в вашем досье некоторые пробелы.

– Не исключено, – протянул майор. – Или же у вас какая-то игра с неизвестными нам мотивами. Послушайте, Макрон… мы не хотим привлекать по такой мелочи человека вашего класса и вашего уровня. Тем более что за вас обязательно вступятся в верхах. Возможно, на самом деле все гораздо сложнее, но вы

просто не можете нам сказать… Увы, отделы в нашем ведомстве не делятся друг с другом важной информацией, и нередко наши люди в дальних странах даже стреляют друг в друга.

Михаил вздохнул, развел руками.

– Я все сказал. Как вы сами упомянули, за этими героями тянется криминальный след. Сейчас эти Акеллы промахнулись. Считайте, правосудие восторжествовало. Или настигло, можно сформулировать и так.

Майор грустно усмехнулся:

– С формальной точки зрения все так. Я же сказал, вы абсолютно рациональны. Если опустить мелочи, вам вообще нельзя предъявить обвинение. Даже трупы исчезли. Так что вы свободны.

Он поднялся, сунул руку в карман, на губах мелькнула усмешка, когда увидел, как сузились глаза Михаила, а Обизат явно изготовилась к прыжку.

– Я достану очень медленно, – пообещал он и вытащил крохотный кусочек пластика. – Тут только номер телефона, но этого достаточно. Просто назовите свое имя.

– И что, меня сразу свяжут с вами?

– Нет, – ответил майор, – трубку защищенной связи подниму я.

Михаил пожал плечами.

– А зачем это мне?

Майор ответил сдержанно:

– Бывают моменты, когда можем оказаться полезными даже человеку вашего уровня. У всех отделов своя специфика и разные возможности.

Михаил молча смотрел, как майор вернулся к автомобилю, сел в машину, та умело вклинилась в поток таких же блестящих колесниц из металла и пошла с ними, почти неотличимая от остальных.

Обизат поинтересовалась:

– Ты кого-то вчера убил?

– Пустяки, – ответил Михаил сдержанно. – Забудь. Старые хвосты подчищаем. И не убил, а изъял из реальности. Это эвфемизм, конечно, но только потому, что люди постепенно уходят от прямодушной жестокости к лицемерию, как признаку высокой культуры.

– Ничего не поняла, – ответила она честно.

– Понимать нужно не все, – объяснил он. – Главное, принять.

Автомобиль майора еще не исчез из виду, а он уже мысленно пробежался по себе от подошв до кончиков ушей, вроде бы нет ни громоздких жучков, ни современных «микробов», однако лучше

пусть еще раз проверит Азазель, а до этого времени нельзя выказывать ничего такого, что не мог бы сделать прежний Михаил Макрон.

Обизат тоже проводила их цепким взглядом, но сказала совсем не то, что ожидал услышать Михаил:

– Сможешь заказать еще такое же волшебное блюдо?

Глава 13

Через узкие стрельчатые окна на пол падают тревожные багровые тени от быстро бегущих красных и оранжевых туч. Аграт старалась не смотреть в ту сторону, хотя все вроде бы родное, с детства привыкла, но после синего безоблачного неба людей этот низкий свод из камня вызывает глухую тоску и бессильную злость.

Она почти не покидала свою комнату, хотя дворец в ее распоряжении, как раньше была вся преисподняя. Почти вся магия изначально скопилась в мире падших ангелов, а в мире людей только капли этого щедрого океана, потому здесь все творится с ее помощью, и как бы Ад ни расширялся с каждым поколением, из одного конца в другой перенестись нетрудно даже рядовому демону, если, конечно, не бессловесный нол.

И только ей нельзя покидать дворец Сатана до его особого распоряжения…

В камине жарко вспыхнуло пламя, проступило страшно гримасничающее лицо Шелхавирона.

– Аграт, – прошипел он так, словно в костер плеснули ведро воды, – его величество Сатан ждет тебя в тронном зале…

Она поморщилась.

– Снова в тронном?

– Да…

– Зачем такая торжественность?

– Узнаешь, – пообещал он. – Пойдем, провожу.

– Я знаю дорогу, – напомнила она.

– Так принято, – прошипел он. – Ты не простая гостья, ты дочь самого Сатана…

– Ладно, приду позже, – сказала она, цепляясь за остатки независимости. – Вот соберусь…

– Немедленно, – сказал он громче. – Тебя зовет сам властелин! Прояви покорность, женщина!

Она со вздохом поднялась.

– Иду.

Он выметнулся из камина, жаркий и стремительный, дверь перед ним широко распахнулась, к неудовольствию Аграт. Если это ее комната, только она и должна открывать, а ей все время напоминают, что здесь во всем хозяин только Сатан, любая вещь подчиняется ему беспрекословно и бездумно.

Шелхавирон скользил впереди стремительно и бесшумно, но теперь не уходит в отрыв, с первого раза усвоив, что гостья не собирается ускорять шаг, теряя свое достоинство.

Тяжелые двери, больше похожие на ворота замка, распахнулись. Аграт вступила в тронный, все больше замедляя шаг. Красная дорожка все так же ведет через зал, рассекая его надвое, на той стороне трон на возвышении, а внизу у ступеней трое крепких воинов, двое в шкурах из опасных зверей, один в металлическом панцире поверх одежды, все трое держат шлемы в руках.

Аграт насторожилась еще больше, когда трое незнакомцев повернулись к ней и почтительно поклонились. Не красавцы, но с могучими фигурами и толстыми мускулистыми руками, одеты не броско, однако с мужским достоинством, когда в одежде много металла, включая железные бляхи на широком поясе, стальные полосы на плечах, широкие браслеты на предплечьях, металлические вставки в брюки и сапоги.

Все больше замедляя шаг, она подошла к нижней ступеньке и остановилась в смиренно-настороженной позе.

Сатан, не поднимаясь с трона, сказал царственно:

– Моя дочь!.. Тебе пора выйти замуж, как бы тебе ни хотелось оставаться свободной. Таковы правила, традиции, без них нам трудно было бы держаться воедино. Многие бы сочли величайшей честью взять тебя в жены, но я отобрал троих лучших из лучших… Познакомься, слева Танпэсиэль, сын Велиала, в центре Молиэль, сын Вельзевула, и крайний справа – Фаттанух, сын Теумиэля!

Замерев, она невольно скользнула взглядом по их неподвижным лицам. Танпэсиэль, высокий и мускулистый, с хищным вытянутым лицом, настолько костистым и скуластым, будто высечено из камня, нет даже кожи. Глаза остро смотрят из глубоких нор, защищенных массивными надбровными валиками и приподнятыми скулами. Небольшие, но острые рога украшены золотом.

Молиэль низкоросл и приземист, пошел вширь, похож на обломок скалы, что скатился на дорогу. Ноги короткие, из-за чего туловище выглядит еще огромнее, чем есть на самом деле. О нем давно идет слава как про умелого бойца, что кроме невероятной силы и выносливости обладает еще и воинским мастерством. Рога толстые, но короткие, остриями вверх, так что для удара ему придется наклонять голову.

На их фоне Фаттанух смотрится совсем бледным и слабым, хотя Аграт слышала о нем, как о виртуозном поединщике, но в битвах и войнах он не участвовал. Рогов у него то ли нет, то ли их не видно в пышной и кудрявой шевелюре.

Только он поглядывает на Аграт с сочувствием и пониманием, а Танпэсиэль и Молиэль смотрят, как на законную добычу, которую ухватят за волосы, вздернут к себе в седла

бехемов и ускачут с нею в свои замки, чтобы никогда больше не выпустить за ворота.

Аграт ответила прямым взглядом, дескать, и не мечтайте, но холодная тревога заползла в грудь и осталась там тяжелой глыбой льда. Традиции клана обязывают женщину, выйдя замуж, сидеть дома и покорно рожать мужу детей.

Правда, находятся такие, что ухитряются отстоять самостоятельность, но их единицы, можно пересчитать по пальцам одной руки, а остальные стараются как можно дольше оставаться незамужними, потому что замужество – дорога в один конец.

Сатан взглянул на ее помрачневшее лицо, в его взгляде промелькнуло сочувствие.

– Аграт, – сказал он почти мягко, – я рад, что ты взглянула на этих достойных героев. Теперь можешь вернуться в свою комнату. Дагдагирон проводит и посторожит у двери. Чтоб тебя никто не беспокоил, конечно.

Она ответила смиренно:

– А можно послушать? Все-таки касается и меня тоже.

Трое женихов оставались в неподвижности, соблюдая приличия и достоинство высокорожденных, но Сатан поморщился.

– Хочешь присмотреться сразу?.. Рановато, однако… с другой стороны, похвально. Хорошо, слушай. Они в твоем присутствии будут стараться больше.

Она так же смиренно опустила взгляд.

– Благодарю…

Сатан повернулся к троим молодым героям, окинул их властным взглядом.

– Моя красавица Аграт перед вами. Силу взяла от меня, потому доблестный воин, вы слышали о ее подвигах, а еще и редкая красавица, вся в маму. Полагаете, я спас ее мать тогда в пустыне из сострадания?.. Сострадание, как вы знаете, мне совсем не свойственно, а вот на ее дивную красоту я польстился.

Танпэсиэль сказал с достоинством:

– Ваша дочь сохранила и приумножила все, что есть у ее матери. Я счастлив сразиться за нее!

Сатан сказал с отеческой строгостью:

– Не сразиться!.. Мне нужен результат, а не доблестный бой!..

Танпэсиэль ответил с грубоватой учтивостью:

– Думаю, отвечу за всех, когда скажу, что мы все готовы сделать, чтобы получить вашу дочь в жены!.. Назовите условие.

Сатан неспешно оглядел всех троих, держатся вежливо, но с достоинством членов самых крупных и могучих кланов. Каждый

чувствует за плечами мощь своего рода, смотрят с почтительным уважением младших к старшему, однако каждый из троих помнит, что его родители всего лишь на ступеньку ниже семьи Сатана.

– Условие несложное, – произнес он ровным голосом, – в мире людей появился человек, что разговаривал со мной очень непочтительно. Да, осмелился, хотя знал, кто я есть. Я мог бы раздавить его одним пальцем, но случилось так, что пообещал пощадить… Разумеется, на какое-то время, но все равно не терплю, когда что-то получается помимо моей воли.

Танпэсиэль сказал с пониманием в голосе:

– Любой из нас готов сразиться… нет, принести его голову!.. Я обещаю сделать это в течение недели.

– А я, – сказал Молиэль, – в течение трех дней.

Фаттанух покосился на обоих и заявил победно:

– А я хоть сегодня, если удастся сразу попасть в мир людей и вернуться.

Сатан сказал с удовлетворением:

– Приятно и сладостно слышать такие речи настоящих героев. Я не могу послать вас всех сразу, это неразумно, но можно бросить жребий, кто пойдет первым.

Они переглянулись, Танпэсиэль сказал быстро:

– Я согласен!

– И я, – сказал Молиэль.

– Это разумно, – добавил Фаттанух. – Мы все согласны. Бросите жребий?

Сатан поинтересовался:

– Может быть, желаете сами?

– Нет, – сказал Танпэсиэль почтительным тоном. – Никто не усомнится, если жребий будет брошен вашей рукой!

Сатан зловеще улыбнулся.

– Да будет так. Жду от вас голову помощника Азазеля. Рекомендую ударить в спину. Внезапно.

Молиэль пробормотал в недоумении:

– Он что, настолько опасен?

– Нет, – рыкнул Сатан зло, – просто хочу получить голову помощника Азазеля быстро и без помех. А потом доберусь и до него самого.

Танпэсиэль смотрел на него с некоторым недоверием, словно чувствовал, что Азазель тут ни при чем, а у великого и доблестного Сатана личные счеты именно с этим непонятным помощником, который, подумать только, всего лишь человек.

– Хорошо, – ответил он послушно. – Мы сделаем все, что вы скажете, чтобы получить прекраснейшую Аграт в жены.

– Соберите оружие и подготовьтесь, – велел Сатан, – а портал я обеспечу.

Аграт слушала приговор Сатана, и сердце холодело с каждым мгновением. Когда Сатан говорит так, то судьбы не избежать. Придется выйти замуж за победителя, стать покорной женой, потому что это демоны высшего круга власти, и на землю ей выход будет надежно перекрыт.

– Добавлю, – сказал Сатан и повысил голос, – я совсем не против, если убьете и Азазеля. Это как бы побочное удовольствие, но не уверен, что с ними двумя удастся справиться. Азазель есть Азазель, он полон хитростей и уверток. Мне доводилось видеть, как он побеждал и намного более сильных противников, чем он сам.

Танпэсиэль ответил с достоинством:

– Ваше слово закон. Всегда можно выбрать момент, когда Азазеля не будет рядом.

– И ударить в спину! – напомнил Сатан.

– Я ударю в спину, – подтвердил Молиэль. – Он даже не поймет, кто и чем его убил.

– Правильная речь, – ответил Сатан с удовольствием. – Нам нужна победа!.. А как достигнута, не важно. Историю пишет победитель.

Молиэль оглянулся на застывшую в печали Аграт:

– Дорогая, ты привыкнешь быть женой!.. Это важно для клана, а просто сильных воинов у нас достаточно.

Танпэсиэль сказал почти с сочувствием:

– Аграт, у нас будет много хороших детей. Я не стану тебя обижать, поверь.

Только Фаттанух промолчал, лишь взглянул на нее с сочувствием и подмигнул так, что заметила только она.

Глава 14

Обизат в лифте ничего не сказала об этом магическом устройстве, а когда Михаил нарочито помедлил, сама отыскала и нажала нужную кнопку.

На этаже Азазеля дверь их узнала, приоткрылась, а когда вошли в прихожую, со стороны кухни навстречу вышел сам Азазель в роскошном халате, которому позавидовал бы даже Обломов, в одной руке половинка огромного бутерброда, в другой чашка, а на лице благодушная улыбка.

– Ну как? – поинтересовался он дежурно и тут же окинул обоих цепким взглядом. – Целы?.. А то в Москве бывает опаснее, чем в преисподней. Сири, приготовь им…

Михаил сказал быстро:

– Не надо. Мы только что перекусили. Плотно. Обизат уже не Обизат, а противная такая большая льдина.

– Что-то случилось? – спросил Азазель. – Все равно айда на кухню. Там вырабатываются все стратегические планы хоть Генштаба, хоть борделя… Обизат, не слушай, лучше сожри что-нить горяченького, только зубы не попорти… Мишка, у тебя как? А то морда лица не очень, я же поэт, все вижу, хоть душа твоя и черна, как рассвет на Плутоне.

Пока Обизат жадно пила из большой чашки, Михаил вкратце рассказал все, что случилось с ним вчера и сегодня. Азазель слушал очень внимательно, задал несколько вроде бы незначащих вопросов, Михаил отвечал подробно и старательно, как благовоспитанный ученик в начальной школе. В мелочах, как часто говорил Азазель, может таиться самое важное.

Бианакит позвал Обизат в гостиную, там как раз в новостях ожесточенное сражение с применением танков и самолетов за Аль-Хомджардию.

Обизат радостно взвизгнула и поспешно умчалась, Азазель некоторое время молчал, переваривая, наконец со вздохом покачал головой.

– Знаешь, – сказал он, – я еще тогда покопался в прошлом этого Макрона.

– Когда я пришел за тобой?

– В тот же день, – подтвердил Азазель. – Надо же знать, что может повлиять на твою меднолобость! И в какую сторону.

– Не разочаровался? – спросил Михаил с ехидством. – Макрон тоже меднолобый.

– Его интеллект выше твоего, – отпарировал Азазель. – В разы!.. А когда присутствует интеллект, то меднолобость при нем

вроде приятного добавочного бонуса.

– Ладно, что накопал?

Азазель откинулся на спинку кресла, здесь, на кухне, уютнее, чем в роскошной гостиной, где все заточено под отдых и расслабление, но душа лучше отдыхает там, где желудок чувствует себя счастливым, а это именно кухня с тремя холодильниками в ряд и просторная печь-гриль с прозрачным стеклом.

– Немного, – ответил Азазель задумчиво. – Почти все о нем засекречено так, что даже я не мог отыскать концы. Конечно, если бы очень-очень постарался, то, наверное, смог бы, но и так понятно. Макрон выполнял какие-то особо важные и засекреченные задания, о которых не докладывают даже президенту.

Михаил охнул:

– Ты что? Разве такое возможно?

– Еще как, – сказал Азазель. – Иные операции настолько секретные, что президентам лучше не знать.

– Почему?

– Чтобы не проговориться сдуру, – пояснил Азазель, – не выдать словом или мимикой, за которой следят десятки видеокамер.

– Но это же незаконно?

– Видеокамеры?

– Подобные операции!

Азазель пожал плечами.

– Мир развивается стремительно, новые ситуации возникают слишком быстро, реагировать нужно мгновенно, а статьи закона когда еще сформулируют, а затем примут в третьем чтении? Макрон действовал на опережение. Это было внезаконно, но незаконным назвать нельзя, если законов на такие случаи еще нет… Ладно, все прошло благополучно. А карточку дай сюда. Скорее всего не пригодится, но возможности пусть остаются… всякое бывает.

Визитку майора осмотрел очень внимательно, пощупал, Михаил успел увидеть, как между подушечками пальцев блеснула короткая молния, так что если в пластике упрятан даже мельчайший чип, сейчас от него там только расплавленная капелька металла.

– В жизни, – пояснил он, – приходится делать много такого, чего не следует делать. Номер запомнил?

– Конечно.

– Тогда карточка не нужна.

Он подбросил ее вверх, Михаил даже не успел увидеть, как

она исчезла, просто не стало, и все.

– А что у тебя? – спросил он.

– Сегодня, – ответил Азазель кратко. – Через пару часов.

– Здесь, в Москве?

Азазель покачал головой:

– Не-е-ет, настоящие тайные общества, я говорю о чтущих древние традиции, по старинке укрываются в горах. Подальше от сел и городов. Главное, от суетливых людишек. И, конечно, не в Уральских. Есть места, ты не поверишь, где не бывает зимы.

– Да ну? – ответил Михаил. – Вот уж не знал, скажите пожалуйста!.. Идем вчетвером?

Азазель кивнул:

– Понимаю, тебе страшно, но армии у нас нет.

– Иди ты в ад, – сказал Михаил с досадой. – Может, Обизат оставим? Все-таки девочка.

– Забыл, как эта девочка дралась? – напомнил Азазель. – Так что не надо сю-сю и ням-ням. Она так сюсюкнет, что все зубы вылетят вместе с челюстью! Не забывай о равноправии, иначе и я не смогу тебя спасти, если тебя обвинят в гендерном неравенстве. Теперь это почти так же серьезно, как государственная измена и работа на Госдеп!

Михаил ошарашенно приумолк, стараясь понять, где у Азазеля заканчивается серьеза и начинается зубоскальство.

В гостиной умолк грохот взрывов, с той стороны хлынула модная музыка. Михаил повернулся, в дверном проходе появилась блестящеглазая Обизат с раскрасневшимися щеками, почти такими же яркими, как и ее короткие волосы.

Азазель кивнул ей на кресло, она села с самым благовоспитанным видом, где-то подсмотрела, глаза все еще блестят восторгом.

– Уже скоро?

Азазель спросил поощрительно:

– Не терпится?

Она кивнула в сторону окна, там непроглядная ночь, снизу пробивается слабый свет от фонарей, а в тусклом небе едва видны редкие звезды.

– Вот так ночью?

Азазель усмехнулся:

– Это у нас ночь, а там сейчас рассветает. Да, вот такой мир сотворил Всевышний, у него спрашивайте. Или у астрономов, они все знают… Конечно, как печь пирожки у них не спрашивай! Они знают не все.

Сбитая с толку, Обизат посмотрела на Михаила.

– Он так шутит?

– Нет, – ответил Михаил, – на этот раз почему-то говорит правду. Но с какой целью?

Она умолкла в полном смятении. Азазель сказал с отвращением:

– Ну вот, опять обидел… Художника может вот так каждый. Зачем поэту цель?.. Любое произведение искусства бесцельно, шоб ты знал!.. Искусство от души, а разве душа умная? Она и так прекрасная, как вон Обизат!

Обизат не поняла, похвалил ее Азазель или обидел, но на всякий случай надулась.

Михаил сказал с издевкой:

– А не ты говорил, что Господь, создавая мир, проявил Себя как величайший поэт? И вселенная – гениальнейшая поэма?

– Так то Всевышний, – отпарировал Азазель с такой легкостью, словно и ждал от Михаила такой предельной умности. – Исключение подтверждает правило! Он творил не вселенную, а человека, а вся вселенная – только сеттинг, подготовка локаций. По мне человек – это идея Бога, что передается от отца к сыну и дальше, чтобы кто-то в конце концов осуществил Самое Главное.

– Что? – спросил Михаил.

Азазель посмотрел на него с ласковой насмешкой.

– Может быть, мы и есть те, кто совершит?.. Биан, ты там жив перед зомбоящиком? А то нам и налить некому!

Михаил пробормотал с укором:

– Возвышенная идея Бога и сразу это грубое «Наливай!»… Нехорошо.

– Мы же люди, – напомнил Азазель. – А у людей даже нежность через жопу.

Обизат насторожилась.

– Нежность? Азазель, а как…

Михаил поспешно прервал:

– Малышка, у него все на иносказаниях, а ты слишком чиста, чтобы слушать его чудовищные умности.

– А он разве…

– Умный, – договорил за нее Михаил, – но грубый. И хитрый. И всегда старается обидеть. Это потому, что его в детстве здорово обидели.

– Никто меня не обижал, – возразил Азазель. – Просто я сам здорово лоханулся. Это теперь я других лохаю. Надо же получать от жизни удовольствие?

Бианакит наконец появился из гостиной, вид малость очумелый, потряс головой.

– Весело здесь живут… Уже вижу, понял, но все еще не могу

поверить… Здесь что, в самом деле войны никогда не кончаются?

– Здорово, да? – сказал Азазель. – Потому люди так быстро и развиваются. Дураки гибнут в войнах, а умные да хитрые брюхатят их жен, повышая общий уровень интеллектуальности популяции.

Бианакит в самом деле разлил шампанское по вдруг появившимся бокалам.

– Готово… Значит, отложим до завтра?

Михаил машинально взял бокал, но неожиданно даже для себя метнул его в стену.

– Хватит пить! Ты же сказал…

Бокал разлетелся мелкими осколками. Обизат мгновение смотрела вытаращенными глазами, но опомнилась и метнулась в сторону прихожей.

– Сейчас принесу веник!

Бианакит вскочил:

– Какой веник? Пойдем покажу, где прячется пылесос.

Он быстро вышел, Азазель сказал со спокойной иронией:

– Ого, как в тебе силен Кезим…

Он повел рукой, осколки на полу задвигались, стянулись в кучу, через мгновение красиво собрались в бокал, а тот, поднявшись в воздух, по элегантной дуге перелетел в подставленную ладонь Азазеля.

Михаил проговорил с трудом:

– Прости. Сам не знаю, что на меня нашло. Ты же сказал, через пару часов?

Азазель полюбовался на изделие без единой трещинки и с легким стуком опустил на стол, еще раз полюбовался, как свет ярких ламп переламывается на выпуклых боках.

– Ничего, – ответил он. – Я думал, это случится раньше.

– Думаешь, Кезим? – проговорил Михаил пристыженно.

– Отмазка, – пояснил Азазель. – На случай, если стыдишься признаться, что распустился. Вообще-то нужно держать себя в руках всегда. Кезим в тебе или не Кезим, а мужчина обязан владеть собой. И никогда не срывать злость ни на друзьях, ни на женщинах и детях, и даже на собаках нельзя. На кошках можно.

Обизат вбежала с веником в руках.

– А где…

Азазель царственно отмахнулся.

– Бианакит вытаскивает из кладовки пылесос. Вообще-то он сам выкарабкивается, но застенчивый, без команды не решается… Биан, пусть здесь Сири остается на хозяйстве, а нам в самом деле пора. Рюкзаки собрали? Встаньте в круг, обнимите друг друга покрепче, будто в самом деле как бы дружба, а не мечтаете

поубивать один другого.

Михаил ощутил, как тяжелая ладонь падшего ангела ударилась о его плечо, а пальцы сжали с нежностью железных клещей. С другой стороны пискнула Обизат, сдавленная между ним и Бианакитом.

Тут же на миг охватило ощущение первозданной легкости, словно он опять бестелесный ангел, затем жесткий удар подошвами о землю, как напоминание, что они в реальном мире и сами есть тяжелая и неуклюжая плоть.

Сухой жаркий воздух знойного утра опалил лицо, но жар и сухость исчезли, словно это он, а не элементаль моментально приспособился к этому миру.

Поднимающееся по небосклону солнце ярко сверкнуло в глаза, Азазель отпустил плечо Михаила, взамен в его руках возник автомат.

– Здорово, – сказал он. – Из-за накрытого стола сразу вот так… Романтика!

Михаил торопливо огляделся. Вокруг сглаженные ветрами и временем гладкие камни, огромные и почти седые от старости. Они вчетвером стоят на вершине настолько скалистого и безжизненного холма, куда даже дикие козы не полезут в поисках травы или корешков.

– Да, – согласился Азазель, – место гадкое и неудобное. А что, я обещал вас под пальмы на Гаити?

Зато никто нас здесь не увидит за этими изделиями циклопов.

Обизат спросила потрясенным шепотом:

– А их в самом деле… циклопы?

Азазель кивнул:

– Да, было тихое мирное время, когда циклопы всего лишь нападали на людей и пожирали, сейчас их нет, потому будьте осторожны просто предельно. На безциклопье стало намного опаснее.

Обизат обрадованно вскрикнула:

– Война?

Глаза ее счастливо заблестели, Азазель ответил с выражением неудовольствия на лице:

– Просто опаснее. Неспокойнее.

– Но это ничего…

– Это хуже, – пояснил он.

– А как… хуже?

– Как бы народные протесты, – буркнул Азазель. – Потому группировки, которые будто из-под земли вылезли, постоянно воюют друг с другом. А когда рядом нет врага, воюют внутри

группировок и отрядов. Так что великий план по сдерживанию рождаемости претворяется красиво и неуклонно, что внушает уверенность в победе гуманизма и высокой культуры!.. Спускаемся. Отсюда уже недалеко.

Обизат покорно пошла следом, глаза огромные, все старается понять, как это можно воевать внутри группировок и отрядов, те же из членов одного клана, а в кланах даже ссоры немедленно пресекаются старшими.

Бианакит замыкал группу, зыркая по сторонам и время от времени оглядываясь, ствол автомата как будто сам по себе выискивает цель, а палец постоянно на спусковой скобе.

– Нам вон в ту крепость, – сказал Азазель. – Не туда смотрите!.. Во-о-он там груда камней, видите? Да-да, там крепость. На поверхности только верхушка. Это не от туристов прячутся, а вообще… Там в подземелье центр общества сахариэльцев. А у них хранится ценнейшая книга, можно сказать, хроника.

– О Гамалиэле? – поинтересовался Михаил.

– О всех Первых, – ответил Азазель.

– Тогда, – спросил Михаил с подозрением, – почему идем не прямо?

– Вон там левее, – пояснил Азазель, – нас ждет проводник. Думаешь, вот так сразу можно постучать в дверь и войти?

– Проверят?

– А ты как думал? Обман в людском мире – обычное дело. Ты уже как, обманщиком стал?.. Обизат, он тебя уже наобманывал в своей псевдоискренней манере?

Обизат сказала сердито в их спины:

– Мой господин и повелитель всегда прям и честен!

Михаил всмотрелся в приближающиеся камни, среди них могла бы укрыться разве что некрупная ящерица.

– Нас там точно ждут?

– Я дал точные координаты, – сообщил Азазель. – Люди опытные, не могли промахнуться.

Глава 15

Михаил бросил на него острый взгляд, в голосе Азазеля прозвучала нотка сомнения и, словно подтверждая его подозрения, Азазель сказал негромко:

– Биан, Обизат… вам залечь и прикрывать нас… на всякий случай.

Бианакит ответил сразу, будто уже вертелось у него на языке:

– Тогда лучше пойду с тобой. А Михаил пусть останется с Обизат.

– Ты ценный воин, – напомнил Азазель, – тебя беречь надо. А Михаила не жалко, он и так смертный. Бдите!

Обизат испепеляла Азазеля негодующим взглядом, но у того за тысячи лет наросла такая толстая кожа, что даже не заметил ее возмущения, кивнул Михаилу и пошел, но все же чуть пригнулся, автомат готов к стрельбе, а сам покачивается при каждом шаге, и непонятно, в какую сторону метнется при малейшем шорохе.

Обгорелые на жарком солнце камни приближаются с каждым шагом, Михаил проговорил тихо:

– Там кто-то есть…

– Я же говорил, – ответил Азазель.

– Там почти дюжина человек, – сказал Михаил с крепнущей уверенностью. – Все вооружены, все готовы к резким действиям… Они враждебны, Азазель!

– Залечь! – скомандовал Азазель.

Он прыгнул вперед и упал за большим валуном. Михаил замешкался, автоматная очередь немедленно прогремела из-за тех камней, где их должен ждать проводник.

Одна из пуль больно дернула за волосы. Рухнув за соседним камнем, он хотел было ответить очередью, но Азазель крикнул:

– Не стрелять!..

– Чего вдруг?

– Только патроны жечь, – сказал Азазель зло. – Они в укрытии. Ты молодец, раньше меня уловил… Я почуял, только когда ты сказал.

Михаил пробормотал:

– Сам не знаю почему…

– Прислушивайся к себе, – сказал Азазель. – И тот робкий голосок, вякнувший сейчас, станет громче… Но теперь жди и стреляй наверняка!

– Как скажешь, – буркнул Михаил.

Однако сам Азазель продолжал высматривать цели, дважды выстрелил одиночными, Михаил начал вглядываться сам, и хотя

боевики противника в маскировочном, что полностью прячет их на фоне песка и камней, но там проступили некие красные пятна от жара их тел, он решился и на мгновение высунул ствол автомата, нажал на спуск и спрятался.

Элементаль в нем медленно пробуждается, Михаил начал видеть поверх камня, за которым прятался, дальняя вершина холма странно преображается, появляются добавочные цвета, все сдвигается, вытягивается и сплющивается, но все равно странно ясно и различимо в таком измененном мире.

Среди засевших в засаде трое распластались, выронив оружие, теперь он видел их почти отчетливо. Еще несколько человек скрючились за камнями, держа оружие на изготовку.

Гранатой бы достать, мелькнула мысль, но далековато, ни один человек не добросит… Жаль, а так было бы удачно. Хотя, погоди, а почему нет?.. Он не только Михаил Макрон, кем его все считают. Добавочной мощью, о которой знает только Азазель, нужно пользоваться, иначе Господь будет разочарован, что его создание живет и действует не в полную силу, как он рассчитывал.

Он нащупал в подсумке гранату, выдернул чеку и тут же швырнул, надеясь, что девяти секунд хватит на долгий полет к цели.

Азазель крикнул:

– Хорошая идея!.. Но больше так не делай.

– Почему?

Он провожал ее взглядом, она была почти над вершиной холма, когда сухо хлопнуло, и ее не стало.

Михаил стиснул челюсти, надеясь, что осколками поразило хоть одного из укрывшихся боевиков. Азазель прав, теперь будут расстреливать гранаты еще в полете и подальше от своего заслона.

– Могу переместиться к ним, – крикнул он. – Отсюда видно, куда и как.

– И я могу, – огрызнулся Азазель, – но тебя убьют раньше, чем поднимешь автомат.

– Так что делаем?

– Ждем, – отрубил Азазель.

– Чего, – поинтересовался Михаил, – Бианакита и Обизат?

– Просто ждем, – ответил Азазель уклончиво.

Михаил выждал с минуту, поинтересовался:

– Ты в Бианаките уверен?

– Я ни в ком не уверен, – огрызнулся Азазель. – Даже в тебе.

– Азазель!

Азазель с интересом взглянул на Михаила:

– Ого, какое искреннее возмущение… Я не уверен в тебе, если так уж хочешь знать, по целому ряду важных параметров. Во-первых, твоя самовлюбленная и недалекая архангельскость может взять верх, что хоть и маловероятно, но все же, все же. Во-вторых, элементаля ты еще не придушил так, чтобы взять полный контроль. А третье, самое главное, ты все-таки человек, а это то существо, которое сам Творец сейчас не поймет, так как дал ему полную волю, и тот развился вообще непонятно во что!

– Ну спасибо, – сказал Михаил с сарказмом.

– Пожалуйста, – ответил Азазель. – В Бианаките я уверен больше. Его группу истребили вместе с главой его клана, он без семьи, а я красиво и со свойственной мне элегантностью, как ты должен помнить, высвободил его из тюрьмы, куда его определили пожизненно. Я за язык не тянул, он по своей воле принес мне клятву верности! А это почти нерушимо.

– Почти?

– Какие-то обстоятельства могут быть, – сообщил Азазель, – но я не назову их вот так с ходу, а я, как ты знаешь, кладезь премудрости, хотя и поэт, которым положено быть безмозглыми в силу их профессии.

Несколько минут молча ждали, Михаил наблюдал за красными пятнами, что уже превратились в человеческие силуэты, а по их позам можно угадать, у кого в руках какое оружие.

Азазель вдруг сказал:

– Все!.. Пойдем.

Он поднялся во весь рост, Михаил напрягся, но в том месте, где залегли боевики, поднялся Бианакит с кинжалом в руке, помахал рукой.

Михаил бросился туда со всех ног, обгоняя Азазеля. Обизат обнаружилась чуть позже, хозяйственная девочка деловито проверяет карманы, сумки и подсумки убитых. Их семеро, считая и тех, которых застрелили они с Азазелем.

Азазель крикнул на бегу:

– Все убиты?

Бианакит сказал с усмешкой:

– Обижаешь, босс.

Азазель оглянулся, один из боевиков, по виду старший, полусидит, опираясь спиной о камень. Рана в левой стороне груди выглядит неопасной, но кровь вытекает быстрыми толчками, стекает на пестрый халат, по цвету совпадающий с ржавым песком и камешками.

Он поднял взгляд на Азазеля, тот рухнул перед ним на колени и, яростно сверкая красными глазами, прошипел прямо в

лицо:

– Где тот, который ждал здесь?

Тот ответил угрюмо:

– Я не знаю, о ком ты…

– Знаешь! – рявкнул Азазель. – Здесь был человек, который ждал нас. Вы захватили его! Трупа здесь не обнаружил. Где он?.. Говори!

– Зачем? – ответил боевик. – Мы все уже мертвы.

– Нет, – отрезал Азазель. – Мы излечим, вернешься к семье, будешь жить долго и счастливо.

– Высшее счастье, – ответил боевик хрипло, – умереть в бою во славу… Вам, презренным наемникам, это недоступно…

– Где тот, – повторил Азазель, – кто здесь был? Говори, иначе я тебе такое устрою, что джаханнам, который тебя ждет, покажется джаннатом… Или тебя ждет Фирдаус?

Боевик ответил с презрением:

– Ты дурак. Откуда нам знать? Мы лишь выполняли приказ. Тебе неведомо, что приказы старших выполняют, не задавая вопросов?

Азазель сказал еще злее:

– Тогда кто послал вас?

– Тот, – проговорил боевик слабеющим голосом, – кто назвал тайное слово…

Азазель умолк, а Михаил потребовал:

– Как он выглядел? Как он выглядел?

Демон уже начал раскрывать рот, но нижняя челюсть отвалилась и рухнула на землю. Посыпались зубы, торопливо истончилась и растворилась плоть, а за нею начали исчезать и кости.

Азазель выпрямился, злой и раздраженный, отряхнул ладони.

– Ситуация изменилась, – буркнул он. – Без проводника не впустят. Другие меня не знают.

– Это был демон? – спросил Михаил. – Мне показался совсем человеком.

– Это и был человек…

– Но почему…

– Он из Ада, – пояснил Азазель. – Кто-то использует грешников, обреченных на вечные муки. Понятно, те рассыпаются еще быстрее демонов.

Михаил тяжело вздохнул.

– Значит, провал?

– У нас провалов не бывает, – огрызнулся Азазель. – Проколы – да, но кто, если не мы? С любых высот в любое место!

Михаил не понял непонятной умности, что звучит так

пафосно, буркнул:

– Нужны запасные варианты.

– Нужны, – согласился Азазель. – Я тоже не успеваю за переменами. Совсем недавно это было самое безопасное место в мире!.. Биан, ты как?

Бианакит ждал, сидя на камне, автомат поставил прикладом на землю между ног, наблюдал за ними и за Обизат, что рылась в трофейных сумках.

Михаил отметил про себя, что опытный воин и без напоминания всегда выбирает место, чтобы держать всех в поле зрения и в то же время поглядывать за окрестностями.

– Нет мира под оливами, – сообщил Бианакит. – Теперь уже нигде. Со мной все в порядке, даже не контузило.

Азазель проговорил с сомнением:

– Портал в саму крепость, конечно, не сделать, но если сложим силы, сумеем проломить защиту, окажемся рядом с внешней стеной. А дальше все зависит, как быстро попадем вовнутрь.

Михаилу показалось, что Азазель колеблется, плохой признак, тот даже в аду держался нагло и подчеркнуто бодро, сказал с натужным оптимизмом:

– Мы только что вернулись из преисподней! Все сделали и всех победили. Так что здесь, в мире людей, будет проще.

Обизат смотрит на Михаила восторженными глазами, Азазель поморщился, сказал трезвым и до жути серьезным голосом:

– Мы никого не победили. Всего лишь защищались… и обезопасились от убийц Зарана. Но если бы все враги кончились с Зараном!.. Увы, даже Малфас может принять какие-то меры…

Михаил спросил озадаченно:

– Но он же зодчий?

Азазель кивнул:

– И глава клана. Но старейшины могут настоять, чтобы отомстил за смерть сына, это дело репутации всего клана. Малфас, даже если хотел бы оставить это дело, вынужден будет пойти навстречу требованиям. Это и есть демократия, что тоже пришла к людям из ада, не знал?

Бианакит, что при умных разговорах помалкивал, сказал негромко:

– Иначе Малфас не удержит власть.

Михаил буркнул:

– Могут свергнуть?

– Отстранить, – уточнил Азазель. – Глава клана – не глава рода. Глава рода несменяем, нельзя сменить родителя, но главой

клана могут избрать и другого.

Михаил взглянул исподлобья. Азазель всегда направляет разговор так, чтобы Михаил как бы сам додумался до какого-то решения, а он, Азазель, покочевряжится малость и согласится.

– Хочешь сказать, – буркнул он, – это возвращает нас к главной проблеме?

– Да, – согласился Азазель, – еще как возвращает! Силой и пинками. Мы всегда беремся за главное, верно? Потому что сами не мелочь. Особенно я… А что у нас главное, напомни?

– Дыра в охранной системе, – отрезал Михаил. – Хорошо, если бы она оказалась в этой норе, которую называешь крепостью!

– Она не здесь, – ответил Азазель. – Все готовы к прыжку?.. Сожмитесь крепче в кучу, так меньше энергозатрат, теперь это в тренде, мы не должны способствовать парниковому эффекту и озоновым дырам!

Часть третья

Глава 1

Едва подошвы коснулись земли, Михаил ринулся вслед за Азазелем в темный и выщербленный проем в каменной стене. Когда-то здесь была дверь, и понятно, что нарочито не восстанавливают, чтобы создать впечатление полной заброшенности, но дальше развить мысль не успел, Азазель уже мчится с такой скоростью по узкому коридору, что все чаще исчезает из виду.

Он догнал на одном из поворотов, едва не сбив с ног, Азазель стоит, как столб, ствол автомата смотрит в сторону обгоревшего трупа в двух шагах впереди, что почти перегородил дорогу.

– Там еще двое, – сказал Азазель, не поворачивая головы. – Что-то нехорошее…

– Это нападавшие или защитники?

– Защитники, – ответил Азазель. – По крайней мере, вот этот, я его знавал. Из среднестарых.

Со спины донесся приближающийся топот, из туннеля подбежали Бианакит и Обизат. Михаил ожидал от нее обвинений, однако дисциплинированная девочка явно винит себя, судя по ее пристыженному виду, нельзя же так отставать от господина и повелителя.

Бианакит сказал с ходу:

– Трупы местных. Их застали врасплох.

– Удивительно, – пробормотал Азазель. – Что-то случилось, они были всегда осторожными…

– Кто-то предал?

– Вряд ли, – ответил Азазель. – Возможно, новые технологии операций, сахариэльцы слишком преданы старине… Жаль, кто-то нас опередил.

Обизат тихонько охнула:

– Ты собирался перебить своих сахариэльцев?

– Не в том смысле, – ответил Азазель, – но что-то нехорошее в таком нападении…

Михаил спросил туповато:

– Они тоже из-за книги?

– Кто знает, – ответил Азазель с неопределенностью в голосе. – Возможно, хотели просто помешать нам, даже не зная, чего мы сюда сунулись. Если, конечно, это связано с нами. Потому что простая банда, а теперь их здесь тоже хватает, сюда бы не полезла.

– Тогда, – спросил Михаил, – зачем?

Азазель пожал плечами.

– Есть вероятность, что забрел бродячий отряд героев благородной национально-освободительной борьбы за родной и такой близкий нам всем феодализм. У этих уровень получше. Среди них немало высокооплачиваемых наемников, а у тех самый современный опыт и оснащение…

Обизат с отвращением смотрела на обугленные тела. Черная корка потрескалась, в щели проглядывает красное мясо и даже кости. Кое-где уцелели клочья одежды, словно горело только с одной стороны.

Азазель перехватил ее взгляд, покачал головой.

– Чтобы так обгореть, нужно с полчаса держать под газовой горелкой.

Михаил пожал плечами.

– Может, и держали?

– Нет, – ответил Азазель, – жар был мощный, но длился недолго. Пришелся сильным ударом спереди, а сзади одежда загорелась уже чуть позже.

Бианакит проговорил с неуверенностью:

– А если облили бензином и бросили спичку?

– Разве что сгущенным, – буркнул Азазель. – Тот дает температуру повыше.

– А где такой бензин? – спросил Михаил.

– Только у военных, – сказал Азазель. – Даже у полиции нет в арсенале. Огнеметы используют в армии.

– Выстрел из огнемета?

– Похоже, – согласился Азазель.

Михаил насторожился, у брехливого Азазеля слова не так много значат, как интонация, а если судить по ней, то никаким огнеметом здесь и не пахнет.

– Какие огнеметы? – спросил он. – Видно же, был короткий мощный выброс. Как плевок.

Обизат ахнула:

– Огнедышащий демон?

Азазель поморщился.

– Что, такие бывают?.. С чего бы дышали огнем?.. Плевок огнем не из легких, лапочка. Хоть человек, хоть демон, не важно… Ладно, продвигаемся осторожно. Боевой порядок прежний. Обизат, ты хвостиком у Биана.

Она вскрикнула обиженно:

– Я сама за себя в состоянии!

– Не за тебя волнуюсь, – оборвал ее Азазель, – а за себя. Если тебя прибьют, Мишка меня разорвет на части и по стенам размажет!

– Ой, – воскликнула она испуганно, – зачем?

– За тебя я сам бы кого хошь прибил, – сообщил Азазель.

Проход в каменной горе, выдолбленный сотни лет тому, если не тысячи, уходит по наклонной все дальше и глубже. Михаил понял, почему Азазель двигается так медленно, сам тоже задействовал все чувства, даже те, что прихватил от элементаля, начал как бы видеть будущие повороты туннеля, он же первым рассмотрел новым зрением тело убитого в проходе, там в сторону уходит еще один ход, с виду еще заброшеннее.

Когда все трое догнали, Азазель скомандовал:

– Биан, Обизат!.. Обследуете этот ход.

– Сделаем, – ответил Бианакит.

– Встретимся в центральном зале, – сказал Азазель. – Если он вообще здесь есть.

– Сделаем, – повторил Бианакит коротко и, кивнув Обизат, нырнул в узкую щель.

Михаил только успел проводить их обеспокоенным взглядом, как Азазель исчез, словно его здесь и не было. Пришлось, стиснув челюсти, ринуться вдогонку, но, правда, Азазель дальше притормозил, начал останавливаться и всматриваться в пол, а там все чаще попадаются кровавые потеки и красные брызги на стенах.

Трижды приходилось переступать через тела убитых.

Азазель сказал знающе:

– Все местные. Правда, вот тот явно чужак, но все же, все же… Похоже, своих унесли. Сахариэльцы, даже застигнутые врасплох, не такая уж и легкая мишень.

– Книжники? – спросил Михаил, усомнившись.

– Книжники, – ответил Азазель, – обществу которых тысячи лет, поневоле усвоят кое-какие уроки по выживанию.

– Но их явно застали врасплох.

– Или был отвлекающий маневр, – предположил Азазель. – Все-таки, несмотря на их историю, они общественники, я имею в виду членов общества, давно не воевали, отвыкли, а у людей это искусство совершенствуется лучше всего… Представляешь, массовые убийства называют военным искусством!.. Да ладно, кому я это говорю.

Михаил сказал с достоинством:

– Если тебе кажется, что одобряю войны, ты не прав. Это нехорошо.

Азазель посмотрел на него со странным выражением, словно не знал, смеяться или плакать, вздохнул.

– Боюсь, враг перебил здесь всех. Потому без колебаний, ты же солдат, стреляй во все, что движется, или и руби всех. Обизат вернулась к жизни потому, что получила всего лишь пулю в лоб.

И другие погибшие от пуль из твоего пистолета вернутся, только не так скоро. А вот павшие от твоего меча уже не возродятся ни через сто лет, ни через миллион. Так что махай мечом почаще.

Михаил поежился.

– Точно не возродятся?

– Да, – подтвердил Азазель. – Это уже окончательно и бесповоротно. Страшно? Но люди вообще живут так и не иначе!.. И, как видишь, их мир обогнал мир демонов.

– Да, – пробормотал Михаил, – да…

Азазель уточнил:

– Не говоря уже о небесах, где полный застой. Так что руби без сожаления и сомнений, как и надлежит правильному и уставопослушному солдату.

Михаил дернулся, что у Азазеля нет почтения к дисциплине и порядку, а как бы вообще напротив, но смолчал, не до дискуссий во время боевой операции.

Азазель внимательно рассматривал царапины на стене, некоторые даже пощупал.

– Хорошо у людей, – пробормотал он. – Пограничники, таможенники, минные поля, заградительные стены, рвы с кольями и прочие милые приметы высокой культуры. Но из Ада в наш мир ведут только порталы. А они под контролем Князей Ада. Не знаю нынешнюю структуру, давно не общался, но один из таких порталов явно в руках оппозиции.

Михаил насторожился.

– Оппозиция? В Аду?

Азазель вяло мотнул головой, продолжая ощупывать царапины в камне.

– Мишка, оппозиция в Аду не означает лояльность Всевышнему. Оппозиция власти может быть для нас хуже, чем сама власть Ада. Не слыхал о радикалах и всяких ультра? К тому же если оппозиция тайком переправляет сюда демонов, то она заведомо наш враг.

– Даже, – уточнил Михаил, – когда переправляет достаточно безобидных?

Азазель поморщился.

– При всем гуманизме и мультикультуризме, увы, должен сказать, что демоны… все-таки демоны. Когда их горстка, они и сами под контролем, и силы никакой не представляют. Но если миллионы?..

– Ну-ну?

– Даже самые мирные, – пояснил Азазель, – почувствуют силу! И могут потребовать для себя уступок, добавочных прав, а потом и льгот. А сейчас, если честно, их и так уже многовато.

Михаил подумал, сказал тяжеловесно:

– Потому каналы должны быть перекрыты намертво. И откладывать с этим нельзя. Согласен?

– Ты хорошо придумал, – сказал Азазель с пафосным восторгом. – Я целиком и полностью поддерживаю твою идею. Ты бываешь умным, Михаил! Ты прав, каналы должны быть перекрыты намертво, и откладывать с этим нельзя. Вчера было рано, завтра будет поздно, как сказал великий Ильич! А мы верны заветам древних предков.

– Если, конечно, – уточнил Михаил ядовито, – они соответствуют нашим нуждам.

– А когда было иначе? – сказал Азазель. – Мудро и правильно только то, что в наших интересах. Пойдем, кое-что понятно. Хотя и не так, как хочется.

Он умолк, дальше узкий туннель раздвоился. От хода, по которому шли, ответвился еще один, совсем узкий, но Азазель остановился, Михаил видел на его лице некоторое смятение, что для Азазеля не очень-то привычно.

– Что-то не так?

Азазель сказал с сомнением:

– Надо проверить и этот… Он узкий, крупные демоны не пройдут, а с мелочью мы легко… Мишка, нам придется на какое-то время разделиться. Ты проверь это ответвление, что-то мне нашептывает, там может скрываться главное.

– Почему я? – спросил Михаил с подозрением.

– Ты сильнее, – ответил Азазель с пафосом. – Ты несокрушим, даже когда трезвый!

– Я всегда трезвый, – буркнул Михаил.

– Много теряешь, – ответил Азазель со вздохом. – Но хоть теперь время не теряй!

Он хлопнул его по спине, впихивая в щель. Михаил с неохотой двинулся дальше, часто оступаясь на неровном полу, щель настолько узкая, что иногда приходилось боком.

Обострившиеся чувства говорили громко, что этим проходом пользовались часто. Он ощутил странную уверенность, что, если остановится и сосредоточится, увидит призрачные очертания тех, кто недавно ходил здесь и оставил следы в виде запахов или прикосновения к стене.

На всякий случай в самом деле остановился, сосредоточился. После минутного ожидания сперва просто ощутил себя мухой, влипшей в янтарный клей, но затем проступила светящаяся дорожка впереди, еще через пару минут такая же шагах в пяти слева, только не настолько серебристая, вообще едва заметная, но холодок восторга подсказал, что видит туннель, параллельный

этому в толще каменной горы!

Начал продвигаться со всей осторожностью, ход трижды изгибался без всяких причин, Михаил наконец понял, что туннель просто проложили по естественным разломам в древних породах, иногда чуть-чуть убирая мешающие неровности на стенах.

Еще через несколько минут увидел смутно, как впереди ход становится шире, а потом ощутил, что приближается к небольшой пещере, в глубине которой отчетливо видны красные пятна, указывающие на теплокровных…

Соблюдая предельную осторожность, выглянул, и с головы до ног осыпало морозом. Азазель сидит на стуле, руки и ноги привязаны, а еще и веревка на горле, что явно мешает дышать, даже лицо покраснело от натуги, а глаза вылезают на лоб.

Лицом к нему, а спиной к Михаилу узкоплечий демон с длинным ножом в правой руке подходит к Азазелю, в левой крепко стиснул щипцы с изогнутыми ручками.

Михаил начал тихонько подкрадываться, но демон учуял, молниеносно развернулся. Серое унылое лицо перекосилось в ужасе.

– А ты… откуда?

– От верблюда, – ответил Михаил грозно. – Замри, тварь дрожащая и кромешная.

Демон вскрикнул:

– Не приближайся!

Азазель прохрипел со своего места:

– Не… подходи… к нему…

– Я тебя спасу, – заверил Михаил победным голосом.

Демон вдруг завопил истошным голосом, глаза его выпучились, как у огромной рыбы:

– Я знаю… я знаю, кто ты!..

Он отступил на шаг и медленно растаял в воздухе. Михаил подождал несколько секунд, с неохотой убрал пистолет в кобуру.

– Тайны убивают, – ответил он и повернулся к Азазелю: – Как же ты так легко попался?

Он принялся развязывать его веревки, как вдруг глаза Азазеля расширились в ужасе. Михаил моментально пригнулся и, стремительно оборачиваясь, выхватил пистолет.

Демон, что было исчез, материализовался теперь за спиной и уже занес над его шеей кинжал с остро блестящим лезвием.

Михаил, торопясь, выстрелил трижды. Демон рухнул, изрешеченный пулями, Азазель сказал быстро:

– Мечом!

Михаил вызвал меч, быстро ударил, голова лежачего откатилась в сторону.

Азазель сказал с облегчением:

– Успел… Он слишком много знал, как мы говорили раньше. Интересно, как он тебя вычислил? Его нельзя было оставлять для перерождения… А ты бываешь в самом деле… быстрым. Хотя, конечно, все испортил… Но я уже привык к твоей медвежьей грации и носорожьей догадливости.

– Что испортил? – спросил Михаил зло. – Он тебя чуть не убил! Где спасибо, что я тебя спас?

– Так бы я ему и дался, – буркнул Азазель. – Он меня связанным затащил бы в самое сердце их логова мимо всей их стражи… Эх, нет в тебе изящества! Придется ломиться в твоем солдатском духе прямо и честно, что означает трудно, долго и кроваво. А еще некрасиво.

Михаил буркнул:

– Прости. Кто ж думал, что ты эстет настолько, что вот так…

– А хитрый план?

– Ты ж не предупредил…

– Просто подвернулся случай, – объяснил Азазель. – Некогда было объясняться. Но хитрый я всегда, не знал? Мне нравится быть хитрым. Хитрость – это красиво и поэтично, как доказательство высокой культуры и победы интеллектуального начала над солдатским питекантропством.

Глава 2

Михаил прислушался, начал с настороженностью поворачиваться с автоматом в руках, но Азазель махнул рукой.

– Бианакит, его шаги… А Обизат должен учуять ты. Учуял?

– Нет, – отрезал Михаил с подозрением. – А как я должен? По запаху или топоту?

– Нельзя быть таким равнодушным к женщине, – упрекнул Азазель. – Особенно такой…

– Какой? – потребовал Михаил.

Азазель не ответил, из дальней щели в пещеру протиснулись Бианакит, за ним юркая, как мышь, Обизат.

Обизат остановилась при виде трупов, Бианакит сообщил хладнокровно:

– Мы тоже встретили… два тела. Похоже, центр где-то глубже?

– Или дальше, – ответил Азазель. – Гора древняя, отрухлявела, вся в дуплах пещер. Здесь можно спрятать армию или столицу малой империи, а то и большой. Но мы знаем примерное направление, а если не знаем, то чуем.

Бианакит с каменным лицом посмотрел, сколько обойм в рюкзаке, Обизат тоже пощупала пистолеты.

– Мы не устали, – сказала она и посмотрела с ожиданием на Михаила. – Мы готовы.

Азазель буркнул:

– Готовность определяю я, но с такой недисциплинированной командой разве поспоришь… Прежний боевой порядок! Пленных не брать. Быть готовыми! Ко всему, если непонятно. Здесь могут быть не только боевики…

Ход расширился, можно бы вчетвером, но Азазель еще раз строго напомнил, что впереди он, доминантный самец, затем субдоминант Михаил, затем Бианакит с Обизат, как доминанты второго порядка, но девочка, что хоть и равна мужчинам, согласно Конституции США и другим не в ту сторону повернутым странам, однако не равна в действительности, потому сзади, сзади.

Она не спорила, бурчать на несправедливые распоряжения командира можно только после окончания операции, Бианакит принял как должное, уже убедился, что Азазель и Михаил сильнее, видят и умеют больше, двинулись по туннелю быстро, но с предельной осторожностью.

Михаил снова первым ощутил впереди противника, молча

указал Азазелю взглядом. Тот кивнул, поднял ладонь, подождали Бианакита с Обизат.

Бианакит тоже понял без слова, вскинул гранатомет к плечу. Обизат смотрела испуганными глазами на это ужасающее оружие, что в прошлый раз одним ударом мгновенно разрушило всю ее защиту и повергло ее на землю, слабую и беззащитную.

Ракета с шипением выметнулась из темного дула, Азазель довольно крякнул, когда ее ювелирно точно внесло в узкую щель в низком своде.

Через мгновение там мощно грохнуло, с частым сухим стуком посыпался град камней.

Михаил начал стрелять на долю секунды раньше, чем Азазель, тот сказал с одобрением:

– Миша, ты крут!

– Ну спасибо, – огрызнулся Михаил. – Погладь по головке.

– Еще чего, – ответил Азазель оскорбленно. – Не наглей, Мишка. Тебе еще расти и расти в этом удивительном мире.

Михаил, не отвечая, начал пробираться ближе к засаде, угадывая каким-то чувством, когда там начнут приподниматься из-за камней для выстрела, и старался успеть нажать на спусковую скобу раньше.

Азазель успевает и выстрелить, и посмотреть по сторонам, хотя справа и слева только высокие стены туннеля, чего-то опасается, продвинулись еще на пару шагов, он шепнул:

– Мишка, пригнись…

Через секунду из темноты загрохотал крупнокалиберный пулемет. Пули с визгом ударили вдоль стены над их головами, посыпались мелкие камешки.

Азазель широко улыбнулся.

– Смотри, как они серьезно…

– Зачем такое в пещерах, – буркнул Михаил. – С ума посходили.

– Не могли такую ценную вещь оставить у входа, – предположил Азазель. – Как хорошо, когда все так просто.

– Не очень, – ответил Михаил. – Здесь люди, а они знают много уловок.

– Я тоже человек, – ответил Азазель с недоброй усмешкой. – Еще какой!.. Так что давай сосредоточься. Биан и девочка помогут, но старайся обходиться без них. Но и сам не подставляйся. Ты так безумно украшаешь нам жизнь!

Михаилу померещилось, что это не комплимент, а что-то другое, но разбираться некогда, все чувства подсказывают, что там впереди нечто злобное и опасное. Не просто опасное, а очень опасное.

Через четверть часа, ломая сопротивление одиночек, они выбрались в центру, Михаил ощутил его издали, хотя и сам не сказал бы, что ему подсказало, то ли запах стал сильнее, то ли интуитивное понимание, что здесь было, что есть и что произойдет.

Азазель сказал со вздохом:

– Погоди, впереди по-настоящему серьезные ребята.

– А здесь что было?

Азазель взглянул с изумлением в глазах:

– Ты что, устал? Кому тяжело в ученье, тому в бою делать нечего!

– Какое ученье? – огрызнулся Михаил. – А что тогда бой?

– Конечно, ученье, – сказал Азазель с тем же фальшивым изумлением. – Какой бой, какой бой?.. В бою мы еще не были!

– Скотина, – сказал Михаил с отвращением. – Еще и лыбится, морда!..

– Успокойся, – сказал Азазель величественно. – Никто не способен мыслить ясно со сжатыми кулаками. И вообще выглядишь паршиво.

Михаил отрезал:

– Зато чувствую себя прекрасно!

– Да? Тогда в бой!.. Поторопись, пока Биан и Обизат тебя не видят. Можешь показать себя во всей дури, я хоть и хихикну, но никому не скажу.

Он выпрыгнул из-за камней и, стреляя на бегу, ворвался в распахнувшуюся перед ними пещеру. Четверо боевиков задергались под градом пуль, двое рухнули сразу, обливаясь кровью, третий упал на колени и успел выстрелить дважды, Михаил ощутил как одна из пуль ударила в грудь.

Резко ожгло болью, он закричал, страх и ярость с такой мощью стегнули по нервам, что на миг почти потерял сознание, но когда пришел в себя, то в ладони уже рукоять меча, от длинного черного лезвия исходят клубы тьмы, похожие на черный дым, над трупами четверых стоит Азазель и напряженно всматривается в темноту.

Оттуда вышли три гиганта в звериных шкурах, небрежно наброшенных на спину. Лица почти человеческие, хотя звериного больше, фигуры исполнены свирепой мощи.

– Вейер! – вскрикнул Азазель. – А ты чего здесь?.. Ты же был всегда в стороне… А это что за мрачные типы? Раньше ты с такими общаться брезговал!

Передний демон прорычал гневно:

– Они не ровня, а подданные!

– Ого, каким ты стал…

– А вот ты больше не будешь!

В его руке возник огромный топор, ринулся на Азазеля, тот отступил на шаг с черным мечом в руках, уклонился, в ответ ударил несильно, демон, которого Азазель назвал Вейером, тоже перехватил на длинную рукоять, а Михаил бросился на двух его подданных, напоминая себе, что нужно смирить ярость, иначе сам пропустит удар.

Силу обоих демонов ощутил сразу, содрогаясь от ударов их топоров, они наперли яростно и бездумно, наконец он, выждав момент, ткнул одного острием меча, как копьем.

Демон остановился, тупо глядя на ранку в плече, мог бы и не обращать внимания на такую царапину, но оттуда пошел легкий дымок, а пока Михаил дрался с другим, дымок пошел гуще сразу двумя струйками.

Азазель свирепо сражается с Вейером, тот рубится красиво и умело, Азазель выкрикивает что-то обидное, в бою все уловки хороши, Михаил все же пропустил один удар, лезвие топора врубилось в плечо, он успел услышать хруст перерубаемых костей, острая боль с такой силой стегнула в мозг, что в глазах потемнело.

Словно из другого мира долетел крик Азазеля:

– Мишка!

Тьма ушла из глаз, он успел увидеть, как над головой взлетел топор и снова обрушился на него с еще большей силой. Лезвие раскололо бы ему голову, как глиняный горшок, рефлексы швырнули его в сторону, он упал, откатился, а когда сразу же вскочил на ноги, демон уже тяжело шагнул к нему, снова поднимая топор для удара.

Михаил успел рассмотреть на его морде озадаченное выражение, но ярость настолько ослепила все на свете, что он только прохрипел:

– Ум… ри…

Демон успел принять удар меча на древко топора, однако черное, как антрацит, на сколе лезвие на миг блеснуло ярким белым огнем. Михаил словно во сне увидел, как прошло через толстое древко топора, коснулось головы демона и начало углубляться, словно рассекает картонную коробку.

Он поспешно дернул рукоять на себя, отступил. Лезвие меча моментально стало черным, а демон тяжело грохнулся на пол, топор вывалился из его руки и, загрохотав на камнях, подкатился к ногам Михаила.

В трех шагах слева, не сходя с мест и не отступая ни на шаг, яростно сражаются Азазель и чудовищный демон.

Не глядя на Михаила, Азазель крикнул:

– Не подходи!.. Он заразный!

Вейер бросил в сторону Михаила злой взгляд, в тот же миг лезвие меча Азазеля скользнуло в щель его защиты и рассекло плечо рядом с шеей.

Страшный крик Вейера потряс стены пещеры. Азазель поспешно отпрыгнул, держа меч наготове. Вейер зажал ладонью рану, но кровь тугими струйками чвиркнула между пальцами.

Чудовищное лицо перекосилось жуткой гримасой страдания, задергалось, Михаил едва расслышал слова:

– Ты… меня…

– Похоже на то, – согласился Азазель. – Нужно было оставаться книжником, Вейер. Это ты их сюда привел?

– Я, – проговорил Вейер, – их… не довел…

Ноги подкосились, он рухнул на колени, посмотрел снизу вверх на Азазеля уже без ненависти, скривил рот и рухнул вниз лицом.

Азазель красиво вбросил, не глядя, меч в ножны, повернулся к Михаилу, а тот не мог вымолвить ни слова, чувствуя, как сердце колотится с такой силой, что трещат ребра.

– Мишка?

Михаил едва-едва сумел выговорить:

– Уже… или еще…

– Похоже, – ответил Азазель негромко, – в самом деле как бы уже… но будь начеку…

Михаил вслушивался и вчувствовался, наконец прошептал:

– Близко нет…

– Если кто и попытался уйти, – ответил Азазель, – их зачистят Биан и Обизат. Но ты прав, что за твари, что за твари!

Михаил так не говорил, но Азазель часто приписывает ему какие-то изречения и поступки, иногда поднимая ему статус, иногда прикрывая от расспросов, а чаще дает волю разросшемуся среди людей ехидству.

Он опустил меч, чувствуя, как дрожат руки, а по телу ходят жаркие волны.

Азазель зыркнул в его сторону.

– Спрячь, – посоветовал он. – Еще не время.

– Для чего?

– Экспонировать свою суть, – пояснил Азазель. – Твою суть.

Михаил послушно выпустил из ладони рифленую рукоять, меч блеснул и растворился в воздухе.

Азазель проследил, как он вытащил пистолет, сказал с непонятным выражением:

– Ты у нас супергерой под прикрытием. С пистолетиком.

– Это не пистолетик, – ответил Михаил. – Это тяжелый армейский с усиленными патронами. Если ты вдруг забыл. Имей уважение.

Азазель ухмыльнулся:

– Приношу извинения твоему пистолету с патронами класса В-14. Ты прав, если его не уважать, он ответит тем же. А то и вовсе неподчинением в ответственный момент.

Михаил прислушался, сказал негромко:

– Шаги… А-а, это Обизат и Биан…

– Неслышные шаги Обизат, – сказал Азазель, – услышал раньше, чем грохот подкованных сапог Бианакита?.. Ты даешь, Мишка… Хотя и понятно, феромоны…

– Заткнись, – посоветовал Михаил.

Три трупа огромных демонов все еще лежат, распластанные, посреди пещеры, когда вбежали Бианакит и Обизат, оба с оружием в руках, настороженные, но их лица сразу посветлели, только Обизат вскрикнула, увидел Михаила в изодранной пулями одежде и с пятнами крови.

– Мой господин!.. Ты ранен?

Михаил не успел раскрыть рот, Азазель сказал бодро:

– Это кровь его врагов!.. Мишка бился, как лев рыкающий, всех рвал в клочья.

Михаил смолчал, а глаза Обизат вспыхнули зеленым огнем счастья и гордости.

– Как ты сказал… красиво!

Азазель, судя по его виду, чуть не сказал, что он и сам красавец, но воскликнул патетически:

– А разве он сам не красавец?

Михаил обратил внимание, что нежная Обизат совершенно не обращает внимания на трупы. Трупы и есть трупы, они в спину не ударят.

Бианакит прошелся по пещере, равнодушно переступая через тела и не обращая внимания на широкие лужи крови. Первый, которого сразил Михаил, наконец-то начал разваливаться и рассыпаться, смешиваясь с растекшейся кровью, та тоже испаряется на глазах, так что Бианакит прав, не обращая внимания на пятна чужой крови на обуви и даже одежде, все очистится само по себе.

– Живых нет, – сообщил он.

Михаилу почудился укор в его бесстрастном голосе, но Азазель отмахнулся:

– Мы ничего не могли сделать. Но последователи Сахариэля не могли не предусмотреть возможного поражения от, как говорят, превосходящих сил.

Михаил насторожился.

– И что?

– Смотри внимательно, – велел Азазель. – Ты же человек, а человек – звучит гордо, хоть и смешно. Представь себе, что вокруг и под ногами не камень, а плотный такой туман… Ты можешь, я знаю. Человек все может! А что не может, тоже может.

Обизат распахнула хорошенький ротик, с недоумением и восторгом глядя на своего господина и повелителя.

– Это… как?

– Камень, – пояснил Азазель, – это как бы мутное стекло. Стекло тоже как бы камень, хоть и не камень, но по свойствам для простого человека тоже камень, хоть и прозрачный камень…

Михаил не слушал, что он несет, намек понял, в присутствии Обизат не может сказать, чтобы посмотрел как элементаль, потому с тем же хмурым видом сосредоточился и, войдя в странное состояние, когда мышление отошло в сторону, начал вчувствоваться в окружающий мир, убеждая себя, что заодно с ним, что теперь тоже часть.

И почти сразу начал видеть цветные прожилки в камне, кое-где крохотные каверны, что через тысячи или миллионы лет разрастутся и станут пещерами, а когда посмотрел под ноги, то рассмотрел нечто такое, что не могло быть простой каверной: слишком прямая дыра в толще каменного пола ведет вертикально вниз.

– Тот твой дружище, – сказал он, – который Вейер…

– Обижаешь, – отпарировал Азазель с самым оскорбленным видом, – у меня вообще нет друзей!

– Тот Вейер, – напомнил Михаил, – что признал, что привел сюда этот отряд, но… что насчет того, что недовел?

– Только то, – пояснил Азазель, – что недовел. По своей воле или благодаря нам, теперь не узнать. Но, думаю, он знал, что уничтожены не все.

– Знал… и не сказал?

Он указал себе под ноги взглядом, Азазель сделал вид, что сам заинтересовался, подошел, покачал головой.

– Хитро… Если бы там было подземелье, то достаточно поднять плиту, и мы могли бы спуститься… Биан, что думаешь?

Бианакит буркнул:

– Могли бы спуститься и те, кто сюда ворвался и перебил всех.

– Вот-вот. Но общество, которое преследуют тысячи лет, в первую очередь совершенствует навыки, как уходить от погони и как прятаться. Если даже я не увидел… сразу не увидел, что они умело укрылись и под маскирующимися заклятиями, и вообще

защитились всем, чем сумели овладеть.

Бианакит прошелся по пещере, глядя под ноги, а когда поднял голову, на лице было озадаченное выражение.

– Никаких плит, – сообщил он. – Сплошная твердь. Даже без трещин.

– Но кто-то спрятался, – сказал Азазель. – У них опыт. И заклятия, что никому не позволят обнаружить их и ворваться к ним.

– Но тогда…

– Только они сами, – пояснил Азазель. – Но у нас нет времени ждать, когда у них кончатся запасы еды и воды.

Бианакит снова походил взад-вперед, покачал головой.

– Хорошо укрылись. Я ничего не чую.

Азазель покосился на Михаила и сказал с уверенностью в голосе:

– Камень можно расплавить, как и металл, хоть такое проделать очень непросто. Я что-то чую в глубине. Но как туда добраться, не представляю.

Бианакит заглянул в дальний проход, обернулся, все такой же спокойный и уверенный.

– Я пока посмотрю, что там?

– Будь осторожен, – предупредил Азазель. – Обизат, иди с ним.

Она сказала обиженно:

– Я хочу быть со своим властелином и повелителем!

Азазель отмахнулся с небрежностью великого лорда:

– Будешь с ним на отдыхе. А пока учись воинскому делу. Ты очень сильная и выносливая девочка, но надо еще и знать о ловушках, что могут подстерегать повсюду. А Биан мастер их распознавать.

Михаил перехватил взгляд ее ясных и волнующе-зеленых глаз, виновато улыбнулся, дисциплина есть дисциплина, все подчиняемся командиру отряда.

Обизат печально вздохнула и пошла в щель вслед за Бианакитом.

– Бианакит ее нарочито уводит?

Азазель пожал плечами.

– Он чует, что скрываем нечто, но, как истинный солдат, принимает это как должное. Не все, что знает командир, должны знать рядовые на задании.

– Тактичен, – согласился Михаил. – Вот уж не ожидал… Ладно, что дальше? Я не представляю.

– Сперва проверим, – ответил Азазель. – Если там кто-то есть…

В его ладони возникла рукоять меча, а лезвие появилось на мгновение позже.

Михаил молча наблюдал, как он опустился на колени и постучал рукоятью в каменный пол. Прислушался, приложив ухо к камню под ногами, постучал еще раз.

Через минуту приподнялся, все еще стоя на четвереньках, Михаил увидел на его лице сдержанное ликование.

– Это Кенгшоэль, – сказал он шепотом. – Узнаю его стук…

Михаил спросил так же тихо:

– Выберется?

Азазель поднялся, отряхнул ладони.

– Нет. У них это в уставе Общества. Держаться до конца в надежде, что захватчики уйдут. Тут в самом деле даже грабить нечего… Иначе умрут, но не выдадут противнику свои тайные знания и как бы сокровенные записи.

Выражение его лица не понравилось Михаилу, Азазель говорит без уважения к тем, кто защищает свои ценности, отдавая жизни.

– А они… не сокровенные?

Азазель пожал плечами.

– То, что нам понадобились, еще не говорит, что сокровенные. Мало ли что нам нужно!.. Но они верят в их ценность, это придает смысл их жизням.

– Счастливые.

– Вот-вот. Потому замуровались так, что уже и сами не смогут выбраться, если что пойдет не так.

– Самоотверженно, – пробормотал Михаил. – Но жестоко.

– Именно так спасают свои записи, – ответил Азазель. – Дважды такое случалось… Ладно, постарайся проплавить дыру, а то ждать нам придется долго, а это чревато боком и задом. А потом расширим нору…

– Я?

– Ты это уже делал. Тренируйся, – сказал Азазель с сочувствием. – Еще не раз понадобится.

Михаил молча встал на указанное Азазелем место, сосредоточился, Азазель очертил носком сапога перед ним круг размером с основание рюкзака.

– Вот здесь. Но помни, они там в подземелье, потому не сожги их заодно!

– Но как…

– Контролируй себя, – сказал Азазель наставительно. – Как-то умеешь же сдерживать позывы мочевого пузыря в постели?

– Ну ты и гад, – ответил Михаил сквозь стиснутые зубы.

– Все-все, – поспешно заверил Азазель. – Больше не

напомню!.. Да и не пустил ты тогда лужу… хотя откуда столько льда?.. В общем, не отвлекайся, не отвлекайся… Жги, Мишка!.. Только ограниченным контингентом.

Михаил ощутил, что от злости начинает накаляться, хитрый Азазель нарочито злит, а гнев требует выхода, и он, когда опустил руки со стиснутыми кулаками, почти сразу ощутил, как по ним потек жар.

– Только не слишком, – донесся голос Азазеля как будто издалека. – Медленно и печально, медленно и печально…

Михаил задержал дыхание, жар уже начинает жечь изнутри, нарастает боль во всем теле, и, мысленно сконцентрировав внимание на камнях перед собой, попытался медленно высвобождать жар.

Азазель вскрикнул:

– Не так широко!

Михаил изо всех сил сузил широкое красное пятно. Затрещала и взвилась, сгорая, пыль, песчинки, а от камня под ногами пошел жар.

– Все хорошо, – сказал в сторонке Азазель. – Молодец, Мишка… Так и держи, ты все можешь!

То ли его уверенный голос, то ли самому удалось сконцентрироваться лучше, но Михаил ощутил, как жар из его тела постоянно переливается на камень в полушаге от его ног.

Каменная плита трещит, плавится, первоначальная ямка превращается в воронку с кипящей магмой, горит и возгоняется вверх, где на своде тут же образуется безобразный красный нарост.

– Еще чуть, – сказал Азазель, – еще… Ты монстр, Мишка!.. Видела бы тебя Обизат… Сразу бы пустила лужу.

– Заткнись…

– Готово!.. – воскликнул Азазель торжествующим голосом. – Я же говорил, ты сам еще не представляешь, на какую глупость готов!.. Теперь чуть расширякни дыру, чтобы и ты со своим задом мог за мною, таким изящным, элегантным и красивым…

Ликование от ощущения собственности мощи захлестнуло Михаила, он ответил мощным голосом и с такой уверенностью, что сам удивился:

– Пролезем. Дай чуть остыть.

Азазель взглянул на него внимательно:

– Молодец, Мишка. Еще малость, и буду называть Михаилом. А потом, со временем, и Михаилом Победоносцем.

Михаил поморщился:

– Не язви.

Азазель нагнулся над дырой с оплавленными краями,

поморщился от струй горячего воздуха.

– Во имя Сахариэля! – крикнул он вниз. – Это я, Азазель!.. Есть там кто?

Михаил прислушался, снизу ни звука, но прежнее сосредоточение еще не покинуло взведенное как натянутая струна тело, уловил некое движение по ту сторону толстых плит пола.

– Эй, – сказал Азазель снова, уже благожелательно, – мы свои.

После паузы снизу донесся голос:

– Если ты Азазель, то как тебя называл Сахариэль?

Азазель ответил сердито:

– Сам он змей с двумя языками. Вылезай, а то спущусь, и вам будет еще жарче. Это ты, Кенгшоэль?.. Что-то голос у тебя тонкий. Петь учишься или что-то прищемил?

За края дыры снизу уцепились пальцы, Азазель моментально нагнулся, цапнул за кисть руки и потащил наверх узкоплечего человека с тюрбаном на голове и в сером неопрятном халате.

– Ого, – сказал он с удовлетворением, – у вас там точно не холодно.

Из норы с его помощью с трудом выбрался, обдирая бока, узкоплечий и высокий человек с красным, будто обожженным лицом. Михаил не мог оторвать взгляд от рогов, что двумя рядами протянулись почти от бровей и до затылка. Самые длинные торчат среди редких волос надо лбом, почему-то прилипшие ко лбу, а над бровями приподняли кожу совсем мелкие, размером с фалангу пальца, но с острыми кончиками и чуточку загнутые вверх.

Глаза желтые с вертикальными зрачками, что сразу напомнило ему о красавце Змее, соблазнившем Еву. Михаил с трепетом в душе ощутил, что это один из первых, пусть и не ангелов, что ушли с Азазелем, но один из первых нефилимов.

Человек в тюрбане кивнул Азазелю так, словно сегодня уже виделись, на Михаила устремил пронизывающий взгляд.

– Кто-то новый, – сообщил он Азазелю скрипучим голосом.

– Пополняем ряды, – ответил Азазель скромно.

– Дыру проделал не ты? – спросил Кенгшоэль с подозрением. – Твою руку я бы ощутил.

– Я изящнее, – согласился Азазель. – Но не царское это дело сверлить и дырлить, не находишь?

Кенгшоэль снова обратил взор нечеловеческих глаз на Михаила.

– Неужели…

– Мальчик, – объяснил Азазель покровительственным тоном, – должен упражняться на простых работах. А дыру в Ад

продырлит потом.

– У мальчика большая мощь, – сказал Кенгшоэль с уважением. – Раз вы оба здесь, то противника… больше нет?

– Только не в Убежище, – заверил Азазель. – А так весь мир противники для нас, таких красивых и непокорных. Потому мы весь до основанья, а затем мы наш, мы новым мир построим…

Нефилим посмотрел на него строго:

– Но-но, не шути с такими вещами!.. Это гимн Люцифера и его боевой дружины.

– Да ладно, – ответил Азазель покровительственно, однако Михаил ощутил в его наглом голосе некоторое смущение, дескать, в самом деле со своими шуточками зашел слишком далеко, некоторые понятия нельзя задевать даже в шутку. – Так мы ему и дадим строить свой мир…

– Но этот разрушите?

– Это другое дело, – ответил Азазель. – А что, в нем еще есть что рушить?

Кенгшоэль повернулся к оплавленной дыре:

– Вапроэль!.. Слышишь? Можешь подняться… Да-да, в самом деле Азазель. Да, ты прав, не к добру такое, так что спрячь там все ценное, а то что-то да сопрет.

Через пару минут снизу послышался шорох, выбрался невзрачный человечек, в котором Михаил никогда бы не заподозрил ангела или близкого к ним, хотя, как сказал Азазель, в обществе Сахариэля прежних ангелов давно не осталось, а этот, похоже, даже не нефилим, а в самом деле человек, фанатично преданный каким-то непонятным идеалам.

Вапроэль поклонился и замер, поглядывая на всех настороженно и с таким видом, что вот-вот прыгнет обратно в нору.

Кенгшоэль велел ему коротко:

– Посмотри по всем туннелям, вдруг кто уцелел… И оцени ущерб.

Когда тот выскользнул из пещеры, Азазель повернулся к Кенгшоэлю.

– Хранитель, я думаю, ты уже понял, почему мы здесь.

Кенгшоэль вздохнул.

– Догадываюсь. Книга о Первых?.. Остальное знаешь лучше нас.

– Угадал, – ответил Азазель. – Сейчас мне нужно то, чем никогда по врожденной тактичности и деликатности не интересовался, а сейчас вот приходится.

– Значит, – ответил Кенгшоэль, – дела твои совсем, да?

– Смотря в каком смысле, – уточнил Азазель с

неудовольствием. – Сыт, пьян и бабы всегда под рукой. Но если не в личном, то да, мир трещит, вот-вот развалится, а кому спасать, как не нам?

Кенгшоэль указал взглядом на неподвижного Михаила.

– Это говоришь не для того, чтобы подбодрить… мальчика?

– Чтобы взбодрить, – уточнил Азазель. – Взбодренные должны ржать и рыть землю копытами. И стучать ратицами.

Кенгшоэль развел руками.

– Хорошо. Но вам придется спуститься. Сам знаешь, сдвигать Книгу с места нельзя.

Михаил посмотрел на дыру с недоверием, с его широкими плечами сразу застрянет, но Азазель сказал беспечно:

– Разберемся. Мишка, иди сюды…

Михаил с неудовольствием дал себя обнять. В глазах коротко блеснуло, тут же хватка Азазеля ослабла. Каменные стены словно бы резко сдвинулись, можно до правой и левой дотянуться пальцами растопыренных рук, свод почти касается макушки, а кроме них двоих в каменной каморке только стол, а на нем…

Михаил невольно задержал дыхание. Книга смотрится не просто величественной, от нее во все стороны струится золотистая мощь, заметно подсвечивая воздух радостным сиянием.

Азазель покосился на восторженное лицо Михаила:

– Здорово?.. Это еще ангелы писали. По крайней мере, первые страницы. И саму Книгу создали они, мои золотокрылые соратники. Потом, правда, кто только ее не дополнял, но аура хоть и поблекла, но малость осталось.

– Малость? – переспросил Михаил. – Представляю, какой была!

Сверху из опаленной дыры показались ноги Кенгшоэля. Повисев мгновение, разжал руки и спрыгнул на пол, но устоял на ногах, разогнулся и сказал со вздохом:

– Даже я помню ее более, да… А сейчас что… Азазель, ты куда…

– Закреплена в пространстве? – проговорил Азазель задумчиво. – Но закрепил не Творец, а Сахариэль…

– Сахариэль, – напомнил Кенгшоэль благочестиво, – был среди вас мудрейшим?

– Да, – согласился Азазель, – все мы, молодые дураки, считали себя мудрыми и мудрейшими.

Не слушая испуганного вскрика, он уверенно взял Книгу в руки. Михаилу показалось на миг, что мир вокруг вздрогнул, стены пещеры изогнулись, словно развешенное на веревке белье под порывом ветра, но тут же все выровнялось, хотя Книга на

секунду потеряла сияние, но тут же заблистала снова, может быть, даже ярче прежнего, словно ощутила ладони одного из Первых.

Кенгшоэль смотрел испуганными глазами, на лице трепет, а медный переплет в руках Азазеля осторожно засветился по всей поверхности, золотой свет ушел в глубину, и Книга засверкала еще ярче, наполняя комнатку радостным сиянием.

Михаил вздрогнул, на поверхности обложки проступил геометрический рисунок, обрел резкость, неспешно наметился невзрачный камешек в виде ромба, оформился, медленно превращаясь в блистающий бриллиант безукоризненной формы.

Азазель вздохнул, лицо на мгновение стало задумчивым и отстраненным, затем осторожно опустил книгу на прежнее место. Все смотрели, как он поднял крышку переплета.

На ровном, как зеркало форзаце сразу проступил слабенький узор, словно медленно и робко проявляется снежинка, едва заметная, вроде легкой паутинки, простенькая, но с каждым мгновением усложняется, нити становятся толще.

Через минуту весь форзац покрылся толстым слоем фигурного серебра со сложнейшим рисунком, в котором Михаил то находил смысл, то сразу же терял.

Кенгшоэль с облегчением вздохнул.

– Эту Книгу так долго не открывали!

– Думал, – спросил Азазель ехидно, – не открою?

– Надеялся, – ответил Кенгшоэль потерянно, – у тебя сейчас не совсем безупречная репутация… Ты вообще-то не должен был ее сдвинуть с места!

– Надеюсь, – ответил Азазель с достоинством, – никогда и не было. Это же какой позор для бунтаря – безупречная репутация!.. Не-е-ет, я так низко никогда не паду.

Кенгшоэль переступил с ноги на ногу, на лице все сильнее проступало выражение потерянности.

– Азазель… Раз уж сумел взять в руки, чего не мог никто из Братства… то бери и владей! Даже я не могу…

Азазель поклонился с заметной иронией на лице.

– Как плату за спасение?.. – поинтересовался он с горделивым достоинством. – Я бы взял, я жадный и прижимистый, но щедрый и великодушный, потому что со мной команда, а я должен быть для них образцом, хотя и не понимаю, зачем и даже почему.

Кенгшоэль с сомнением оглянулся на Михаила.

– Не узнаю тебя, Азазель. Неужели для тебя чье-то мнение стало что-то значить?

– Сам себя не узнаю, – сообщил Азазель. – Вот такой я загадочный и многосторонне задумчивый. Так что Книга ваша и

останется в вашем Братстве. Уверен, сумеете его возродить и укрепить получше. С учетом. И во избежание. Вы же, как Феникс! В первый раз, что ли?

– Азазель?

Он сказал скромно:

– Я только загляну в один из разделов.

И снова Михаил обратил внимание, с каким изумлением Кенгшоэль посмотрел на Азазеля.

– Ты в самом деле изменился.

– Ничуть, – заявил Азазель.

– Но ты оставляешь нам Книгу, хотя мог бы…

Азазель нагло ухмыльнулся:

– А я и унесу. Не всю, зачем она мне, а кое-какие тексты и пару мудрых мыслей… гм, вообще-то мудрое здесь только то, что когда-то от меня услышали, ну да ладно.

Он протянул руку к Книге, по сложному узору пробежали оранжевые искры. Едва провел ладонью над переплетом, вокруг сразу же появилось сияние, и Азазель без колебаний открыл, бегло взглянул на титульную страницу.

Михаил смотрел с некоторой завистью, Азазель перелистывает страницы драгоценнейшей Книги легко и небрежно, словно дома все шкафы забиты такими же, а то и вообще древнейшими инкунабулами. Иногда без всякого почтения захватывает сразу с десяток страниц, наконец вроде бы отыскал нужное, лицо стало серьезным, взгляд впился в неровные строки, начертанные сотни, если не тысячи лет тому.

Наверху зашуршало, по узкой дыре кое-как протиснулся Бианакит, поднял руки вверх и, поймав ноги Обизат, легко продернул ее в пещеру.

Стало намного теснее, Бианакит прижался спиной к стене, стараясь занимать места как можно меньше, молчал, спокойный и неподвижный, как сама каменная стена, зато Обизат, глядя восторженными глазами, как Азазель небрежно листает Книгу, наполненную древней силой, не утерпела и умоляюще прошептала:

– Ну… что-нибудь там есть?

– Красивое? – буркнул Азазель, не отрываясь от чтения.

– Нужное, – пискнула Обизат.

– Хорошая постановка вопроса, – одобрил Азазель, не отрывая взгляда от страницы. – Эх, зачем я не нумизмат, тут же столько неожиданных моментов… Я же участвовал, но почему про такое не знал… Ух ты, так он, оказывается, еще тогда… Вот же гад изворотистый!.. Хотя да, я же его потом за другое сумел прищучить и сразу в Шеол, что еще хуже, я человек задумчивых и

безрассудных решений… гм… а вот это как бы вообще-то и не говори, подумать только… кто ж знал… хотя зачем мне оно?.. Та-ак, прем на допустимой гиппокампом скорости дальше…

Он листал и листал, чаще всего выхватывал по слову со страницы, но Михаилу казалось, что стопка непросмотренных не становится тоньше.

Кенгшоэль поднялся наверх и вернулся не скоро, в руках горка крохотных белых корней, похожих на червей, только уже высушенных. Бианакит взял первым и сунул в рот, Обизат в ожидании взглянула на Михаила.

Корешок оказался приятно горьковатым, слегка ожег рот и десны, однако Михаил ощутил, как усталость начала выветриваться из натруженного тела.

Обизат по его кивку начала жевать быстро-быстро, как мышь, будто вот-вот отнимут, заулыбалась, а побледневшие щечки снова окрасились нежным румянцем.

Только Азазель все листал и листал, пока не замер, впившись взглядом в страницу.

– Нашел? – спросил Михаил.

– Вот оно, – ответил Азазель торжествующе, он не отрывал взгляд от развернутой Книги. – Гамалиэль, Гамалиэль… гм, кто бы подумал… А вот обо мне неправда! Я так не делал, это неверная интерпретация. Я вообще-то золотко и умница, всегда нарядный и красивый, а здесь все клевета… хотя кое-что замечено верно, я в самом деле подвигун и некультурный герой…

– Подвижник? – уточнил Михаил.

– Да, – согласился Азазель. – А еще и задвижник. Задвину так задвину… Хорошо, еще пару минут, досмотрю этот раздел…

– Про Гамалиэля уже прочел, – напомнил Михаил, – а про остальных разве этично?

– Тю на тебя, – ответил Азазель, его взгляд стремительно скользил по строкам. – Это же интересно и дает преимущества… Ага, тут есть и про того тупоголового, что тогда дрался с Сатаном… Во дурак, во дурак… Даже я, оказывается, думал о нем лестно, а он… ты смотри… а вот даже так?.. Ничего себе…

Дочитав, захлопнул Книгу, Кенгшоэль смотрит с тревогой и надеждой, Азазель сказал отечески:

– Храните и дальше. То, что я изволил прочесть, останется во мне, как цемент на ногах утопленника. А сейчас отбываем, времени в обрез, а чего мало, то все дорого и потому ценится в насквозь капиталистическом обществе… Все, пошли!

Глава 3

Михаил надеялся, что прыжок будет прямо из этого потайного подвала, однако Азазель велел подниматься наверх, отшельников тревожить неприлично да и вообще стены здесь слишком толстые.

Труднее всего пришлось Михаилу, в конце концов как-то сумел сместить кости, Азазель довольно крякнул, когда тот вылез почти с такой же легкостью, как и юркая Обизат, а уже там, наверху, глубоко вздохнул, и кости вернулись на свои места.

– Учись, Мишка, – сказал Азазель. – И такое пригодится. В жизни все пригаживается, потому что жизнь, сколько ее ни кляни, стоит того, чтобы жить и драться.

Михаил пробормотал:

– Обязательно драться?

– Жизнь, – сказал Азазель нравоучительно, – по-настоящему красива лишь тогда, когда в ней заложена трагедия. Особенно для противников. Быстрее, быстрее к выходу, морды!.. Ишь, разомлели…

Где-то с четверть часа выбирались из туннелей, наконец все ощутили сухой накаленный воздух, еще поворот, и впереди засияло светлое пятно выхода.

Азазель вышел первым, остановился, жадно вдыхая всей грудью. Бианакит поправил за плечами рюкзак, Обизат подбежала к Михаилу, глядя на него преданно и чуточку виновато, словно по своей воле шла с Бианакитом, а не с господином и повелителем.

Михаил сделал глубокий вдох, оглянулся на Азазеля:

– Сейчас?

Азазель покачал головой:

– Спасибо за веру в бесконечность и неиссякаемость моих сил и возможностей.

– А что, – спросил Михаил, – ты все врал? Нехорошо.

– Я не говорил, – напомнил Азазель скромно, – о своей всесильности. Всесилен у нас знаешь кто, хотя что толку?.. А у меня просто не хватит сил пробить защиту Гамалиэля для четверых.

Обизат с надеждой посмотрела на Михаила, тот нахмурился, но сказал вынужденно:

– Думаю, на возвращение… в смысле, на удирание тоже потребуется?

– Больше, – заверил Азазель, – чем ты думаешь. Там силы не этого мира… даже не преисподней. У него, ты же видел, свой мир.

– А если вдруг что-то пойдет не так?

– Надо, чтобы так, – обрубил Азазель с непривычной для него серьезностью. – Хотя с вами надежнее, но если будет схватка, то… как бы вам поделикатнее… Нахшиэлю, что одного меня прибить, как муху, что нас четверых…

Бианакит оставил рюкзак, лицо стало еще серьезнее и встревоженнее, Обизат вообще смотрит отчаянными глазищами, в сильнейшем беспокойстве переступает задними лапками, кулачки прижимает к груди.

– А наш загадочный друг? – спросил Бианакит и кивнул в сторону Михаила. – Говорить с Гамалиэлем все равно будешь ты один.

– Он не лишний груз, – ответил Азазель. – Его силы, а они у него есть, понадобятся на прыжок обратно. Главное, чтобы хватило. Гамалиэль пьет мощь мира клипот, как никто другой. Даже у Сатана ее меньше, как ни трудно в это поверить.

Михаил хотел было вступиться за Бианакита и Обизат, что смотрит с отчаянной надеждой, но взгляд Азазеля стал темным и непроницаемым, словно старается передать ему некую мысль и досадует, что до тупых никак не доходит.

– Мы скоро вернемся, – сказал Михаил неуклюже. – Надеюсь, это ненадолго. Сами до дома доберетесь или вам помочь?

– Не трать на нас силы, – ответил Бианакит, поднимая свой рюкзак. – Встретимся у тебя.

Суровый взгляд Азазеля чуть потеплел, а Михаил вспомнил со стыдом, что Гамалиэль с его всеведением сразу углядит архангела с элементалем в человеческом теле, а Бианакиту и Обизат о таком пока что лучше не знать.

Под сочувствующим взглядом Бианакита и отчаянным Обизат он торопливо положил на самый верх в рюкзаке большую флягу с водой и деревянную чашу, а сам рюкзак поудобнее приладил на спине.

Пока затягивал лямки, Азазель сказал сурово:

– Я не знаю, куда и во что вломимся. Там уже мир Нахшиэля, а сам Гамалиэль исчез… почти исчез. Потому будь готов, ты же милитарист? Ко всему, раз уж ты человек. И даже к тому, к чему нельзя быть готовым, но люди обязаны, потому что Творец на вас положил. Или возложил! Запомни, моих сил хватит оградить на семь секунд, а потом все…

Последнее слово произнес таким гробовым тоном, что Михаила осыпало морозом.

– Уже трясусь, – сказал он как можно более бодрым голосом, чтобы не затрясло еще и Обизат. – Пистолет не удержу.

– Проверим, – сказал Азазель. – Задержи дыхание…

Он ухватил его за плечо, Михаил дыхание задержал инстинктивно и без напоминания, напрягся. В ушах раздался звон, чего раньше не было, возникло ощущение, что ломятся через вязкую тьму, океан мрака, где зависли обломки предыдущих миров. Плечо от ладони Азазеля начало быстро раскаляться, как металл на горящих угольях.

Ударился подошвами с такой силой, что под ногами затрещало. Михаил успел увидеть расколотую гранитную плиту с багровыми прожилками. Неистовый жар нахлынул со всех сторон, но так же моментально спал.

Он устрашенно понял, что жар не исчез, это его тело приспособилось с такой скоростью, словно он и живет здесь.

Над головой очень низко зависло раскаленное багровое небо с синими и черными жилами, такая же твердь жуткого цвета и под ногами. Михаил ощутил себя между молотом и наковальней, голова закружилась так, что растопырил руки, страшась упасть.

Азазель стоит рядом недвижимо, но видно, тоже борется изо всех сил, стараясь не потеряться в страшном мире.

– Гамалиэль, – проговорил Михаил с трудом. – Что за мир…

Азазель ответил хрипло:

– Да… Гамалиэль… Он что, играет в Творца?..

– Здесь Нахшиэль, – уточнил Михаил. – Второй Теумиэль, обезьяна Господа?..

– Да, – согласился Азазель. – Спасибо, Мишка.

– За что?

– Держишься, – пояснил Азазель. – Быстрее меня собрался!.. Скоро уже ты сможешь вытирать мне нос. Орел!

Над головой загрохотало. Михаил невольно втянул голову в плечи, там пролетели, сталкиваясь краями, раскаленные докрасна скалы. На головы щедро посыпались хрустящие чешуйки красной окалины, крупной и жесткой, похожей на выпуклые надкрылья жуков.

Азазель вытянул вперед обе руки, Михаил услышал бормотание, но не разобрал слов. Азазель шатнулся и, нагнув голову, двинулся словно навстречу сильной буре, все так же ощупывая пальцами пространство.

Михаил то и дело выхватывал пистолет, но со стыдом совал обратно, пока Азазель не заметил.

– Мишка, – услышал он сдавленный голос Азазеля, – не отставай… не могу пасти еще и тебя…

Под ногами то звучно хрустит, то подошвы проваливаются в липкую грязь. Дважды Михаил с чувством ужаса погрузился по колено, но не в жидкое, а в каменную глыбу.

Кое-как выбрался и двинулся дальше, глядя, как Азазель не

останавливается даже перед наползающими скалами, что скалы только с виду, а так непонятно что, иногда отталкивает их, иногда они его, пару раз лопались, то рассыпаясь шипящими багровыми искрами, то брызгая омерзительной оранжевой слизью вырожденной земли.

Из трещин в земле бьют шипящие гейзеры кипящего металла. Воздух трещит, в нем появляются из ниоткуда и падают на горелую землю раскаленные угли, хрустят, рассыпаются жаркими багровыми искрами.

Азазель наклонился вперед сильнее, продавливаясь сквозь плотный, как желе, раскаленный воздух. Михаил и сам ощутил, что даже за спиной Азазеля чувствует, как некая сила пытается остановить, сковать движения, превратить в мошку, застывшую в кусочке янтаря.

– Вот… он, – услышал Михаил сдавленный голос Азазеля. – Еще… немного…

Земля начала дрожать и дергаться под ногами. Азазель ломится впереди тяжело, как измученный конь с тяжелым плугом за спиной. Михаил сгорал со стыда, слыша его хрипы, Азазель ломает пространство для них двоих, задыхается…

В сотне шагов впереди, словно из ниоткуда начала открываться широкая котловина!

Когда добрались до края, Михаил увидел там в центре распростертого гиганта на плите черного, как ночь, камня. Лежит лицом вверх, руки бессильно свесились по обе стороны, огромные рога зловеще поблескивают металлом.

– Быстрее, – прохрипел Азазель. – Другого шанса не будет!

Он понесся вниз по склону, не дожидаясь ответа. Михаил заторопился изо всех сил, чувствуя как земля не только дрожит, но и подпрыгивает, как норовистый конь.

Только звериное чутье уберегало от столкновения с камнями, что выпрыгивают из земли и уносятся вверх вопреки здравому смыслу. Дважды влетел в гейзеры огня, внезапно выплеснувшиеся с такой силой, что его подбросило едва не до раскаленного каменного свода.

Азазель уже почти у той черной плиты, Нахшиэль вдвое крупнее, чем был в прошлый раз, Михаил вскрикнул в ужасе, когда падший ангел шевельнулся и медленно протер ладонью глаза.

Михаил чувствовал, как воздух горит, потрескивая, на его щеках и обжигает веки, до плиты кое-как доковылял на подгибающихся ногах в тот момент, когда Азазель подпрыгнул и с разбегу заскочил на нее.

Нахшиэль медленно поднялся и сел, опираясь обеими руками

за спиной. Тяжелые серые плиты верхних век поднялись, у Михаила остановилось сердце, когда увидел эти страшные багровые глаза, в которых не только нет ничего человеческого, но нет даже звериного. Мелькнула мысль, что впервые видит Абсолютное Зло, что ненавидит и разрушает все на свете.

Азазель с разбегу прыгнул, ударился о широкую грудь Нахшиэля и, опрокинув на прежнее ложе, страшно прокричал:

– Семь секунд!..

Губы его зашевелились, выговаривая некое секретное слово, подсмотренное в книге сахариэльцев. Михаил заторопился, выхватывая из уже раскрытого рюкзака чашу и флягу с водой.

Нахшиэль застыл, как вмороженная в лед лягушка, а Михаил, торопясь, раскупорил флягу и торопливо наливал в чашу воды, что странно замедлилась, словно не вода, а густой сок.

– Быстрее! – велел Азазель страшным голосом. – Четыре!

Он сидел на груди черно-красного гиганта, держа его голову в ладонях, а когда Михаил подбежал с чашей, с силой сжал нижнюю челюсть Нахшиэля, заставляя открыть рот.

– Две!

Михаил упал рядом на колени, Азазель крикнул страшным голосом:

– Одна!

Михаил наклонил чашу, успел увидеть, как начало оживать чудовищное лицо, больше похожее на морду зверя, в этот момент прозрачная струйка полилась в рот.

Нахшиэль страшно зарычал, Азазель со стоном вцепился в обе челюсти, не давая им сжаться. Михаил с замиранием сердца вылил полчашки, чувствуя, как всего трясет, а тело охватило холодом.

Огромные стальные рога опасно блеснули багровым огнем, но начали медленно уменьшаться, втягиваться в череп, словно рожки улитки.

Нахшиэль мощно тряхнул плечами, сбрасывая Азазеля. Уродливое тело, покрытое металлической коростой, стало сверкающе прекрасным, а сам падший, все еще опираясь за спиной могучими руками титана, люто взглянул на них налитыми кровью глазами.

– Азазель?.. Снова ты?.. Неужели я тебя еще не убил?

Азазель, перекатившись через голову по горящей земле, вскочил, крикнул:

– Мишка, там что-то осталось?

– Да, – прокричал Михаил, – но немного…

Рука Нахшиэля резко удлинилась, толстые пальцы выхватили чашу. Замерший Михаил решил с замиранием сердца, что все,

конец, чудовище сокрушит деревянный сосуд, а потом убьет их, однако Нахшиэль поднес ее ко рту и жадно выпил до последней капли.

Азазель подошел, прихрамывая, сказал с укором:

– Ты стал еще здоровее… Сейчас весь Ад можешь перевернуть.

Нахшиэль сказал хриплым голосом:

– Говори, зачем пришел… Хотя я и так вижу…

– Гамалиэль?

По телу падшего прошла судорога, он закрыл глаза, а когда снова распахнул, краснота уже ушла, белки чистые и с синевой, лицо стало смертельно-бледным, без единой кровинки, щеки запали, а скулы выпятились, как у мертвеца.

Михаил с содроганием и болью увидел, как за спиной падшего ангела распахнулись белоснежные крылья, блистающие светом Первого Дня Творения. Вместо отвратительных рогов появились красивые золотые волосы и крупными прядями опустились до плеч.

Азазель вскрикнул:

– Гамаль! Нам нужно…

Гамалиэль прервал прекрасным, как зов небесных труб, голосом:

– Азазель, да, я знаю ответы… но тебе это не по силам.

– Почему?

– Потому что, – произнес Гамалиэль с заметным усилием, – там не только Ад.

Азазель вскрикнул:

– Говори, говори!

– Они объединились, – проговорил Гамалиэль так тихо, что почти прошептал. – Я бы тоже не поверил… Но Ад и небеса сейчас вместе, Азазель…

Азазель сказал быстро:

– Тогда почему тайно? Небеса не могут быть с Адом!

– Небеса не могут, – шепнул Гамалиэль, – а вот отдельные ангелы могут. И не самые хлипкие, Азазель. Со стороны неба двое архангелов, что не слабее Михаила, что здесь с тобой. Власти, кстати, у них побольше, чем у стратига с его бездействующей, которой вообще-то и нет.

Михаил сжался в холодный комок, Гамалиэль сказал невозможное, Азазель взглянул на него и снова повернулся к Гамалиэлю:

– Архангелы? Быть того не может!

– Их убедил Велиал, – сообщил Гамалиэль слабо, – а еще больше Агиросион. Они со стороны Ада договорились

действовать сообща и дать гарантию примкнувшим к ним ангелам, что они в будущем мире займут самое высокое положение.

– Самое?

– Почти, – уточнил Гамалиэль. – Станут Князьями.

– Ада?

– Нового мира, – ответил Гамалиэль затихающим голосом, – где уже не будет Ада… Хотя кто знает, что в сторону или под откос… Но пока обещают счастье для всех… Азазель, что-то ужасающе страшное в том прекрасном мире, который уже грядет с ними…

Азазель сказал нервно:

– А как остановить?

Гамалиэль покачал головой:

– Такой дороги не вижу. Везде силы Ада побеждают. Пусть даже в союзе с перебежчиками из нашего прежнего мира…

Глава 4

Судорога прошла по его телу, а по лицу пробежала гримаса, тут же исчезла. Гамалиэль, судя по его виду, то погружался в гладкий мир темного и блаженного беспамятства, то выныривал в беспощадную реальность и снова ловил взглядом напряженное лицо Азазеля.

– Две в Брие, – услышал Михаил его неровный голос, – одна в Аду… Королевская семья Ада и в мире людей… ухватить… но Сопротивление в Аду против, не желает с Землей ничего… а на трон у них свой…

Голос упал до шепота, Михаил с трудом различил несколько слов еще, от которых волосы встали дыбом.

Азазель наклонялся к Гамалиэлю все ниже, наконец почти приложил ухо к его губам.

– Гамалиэль!.. Гамаль, очнись! Это я, Азазель. Помнишь, как нас встретили, когда мы сошли с горы Хеврон?.. Ты еще стеснялся…

Лицо Гамалиэля осталось неподвижным, но губы дрогнули, Михаил уловил шепот:

– Гавриил и его сторонники хотели бы вмешиваться в жизнь людей больше, а Уриил установил связь с Адом, помогая им в своих интересах.

– А что с нашей группой двухсот?

– Азазель, ее давно нет… Остались такие одиночки, как я. Мы все особняком, ненавидим холодный чопорный Брий и презираем низменный Ад…

Азазель стиснул челюсти, Михаил сжался в горячем сочувствии, никогда еще не видел Азазеля таким подавленным.

– Гамаль, – произнес Азазель упавшим голосом, – где портал?.. И какая сволочь курирует?

– Азазель, – ответил Гамалиэль, – тебе туда не подступиться. Он в самом Шеоле. Это вблизи прохода в Абаддон, но в мире людей дверь можно перемещать куда угодно. Почти.

– Вблизи выхода в Абаддон, – повторил Азазель, – это владения клана Кайдо?

– Азазель, – прошептал Гамалиэль, – ты в каком мире живешь?.. Да, Кайдо первенец Сатана и Лилит, когда-то замещал своего отца, но потом впал в немилость, теперь где-то на задворках Могильной Ямы. Жены и детей у него нет, армию собрать не может. Сейчас там правит железной рукой Ваал. Он тоже время от времени подменяет Сатана… Однако курирует не он, а Брулефер… Но, главное, портал на самом верху прикрывает

архангел Уриил…

Михаил не смог сдержаться, вскрикнул, пораженный в самое сердце. Уриил когда-то был наиболее доверенным у Творца, это ему он доверил сторожить ворота Эдема.

Гамалиэль лишь бросил в его сторону короткий взгляд, все заметив и оценив, но продолжал тем же смертельно усталым голосом:

– Кроме Уриила причастен и серафим Иехоэл, хотя он и с оговорками. Но с ним понятно что будет…

– Покатившийся с горы уже не остановится?

– Да, – подтвердил Гамалиэль, – а такие становятся еще более яростными врагами, как все неофиты… Азазель, ты силен и могуч, но архангела и серафима тебе не одолеть. Уж молчу, что с ними Велиал и Агиросион, Князья Ада. С их объединенной мощью сметут тебя с пути, как комара. Вместе с твоими союзниками.

Он прикрыл глаза в изнеможении, Азазель вдруг дернулся в испуге, торопливо вскочил, в черных глазах мелькнул страх.

Михаил сжался, рассмотрев, что испугало Азазеля. В белоснежных крыльях Гамалиэля с той и другой стороны появилось по черному перу, а остальные начали терять сверкающую белизну, покрываясь недобрым металлическим блеском.

Золотые волосы осыпались, а вместо них начали приподниматься рога, еще мелкие, но уже блистающие огнем. Бледное утонченное лицо Гамалиэля стало наливаться зловещей краснотой.

Азазель торопливо поднялся.

– Гамалиэль… мы все любили тебя. Прощай. Не знаю, увидимся ли еще когда…

Он кивком велел Михаилу уходить, быстро наклонился и поцеловал Гамалиэля в высокий чистый лоб. Тот не стал открывать глаза, Михаил понял, что под плотными веками они уже наливаются горячей кровью, а та пошла воспламенять сердце и мозг.

Размахивая чашкой, он помчался за Азазелем, обратно бежать легче, Азазель на ходу перепрыгивает трещины и разломы, а снизу снова начали выстреливаться струи огня и черного дыма.

Из-под ног протянулись багровые тени, страшно изламываясь, побежали то справа, то слева. Михаил не поверил глазам, когда его тень, наткнувшись на падающую скалу, разнесла ее на мелкие камешки, а тень Азазеля с шипением начала выжигать широкую канаву, что сразу заполнялась расплавленной и кипящей землей.

Воздух запестрел крупинками горящей серы, запах стал удушливым. Михаил начал задыхаться, земля снова трясется под

ногами, трещины множатся, он ощутил, что уже перепрыгивает разломы, словно бежит по льдинам на бурной реке в разгар ледохода.

Голову и плечи обожгло хлопьями раскаленного пепла, тут же он посыпался так часто, что ноги по лодыжку погружались в горячее хрустящее месиво.

В какой-то момент Азазель резко остановился. Михаил услышал его страшный вопль:

– Замри!

Михаил успел увидеть впереди бездну, а сзади стремительно выросла исполинская фигура Нахшиэля, черная и блистающая кроваво-красными вспышками по всему телу, словно оттуда из трещин стремится прорваться кипящая лава.

Азазель ухватил за плечо, будто клещами, сдавил с такой силой, что из груди Михаила вырвался жалобный хрип.

– Давай!

Михаил всеми фибрами души и всего, что в нем есть, ринулся вместе с Азазелем. Перед глазами моментально промелькнули светящиеся полосы света, какого не существует в природе, стеной встала такая чернота, перед которой прежняя показалась бы ярчайшим светом, блеснули хвостатые звезды, что не звезды, мелькнули устрашающие облики живых гор, еще какие-то ужасающие образы, но через мгновение подошвы с такой силой ударились о раскаленный песок пустыни, что ноги погрузились до колен.

Вокруг кольцом высокие и почти плоские скалы из обожженного ноздреватого камня, похожие на исполинские зубы погребенной под толстым слоем песка челюсти великана.

Михаила трясло, он с трудом отыскал забившийся под стельку туфель голос, но когда заговорил, сам со стыдом ощутил, что и голос дрожит, как осенний лист на ветру:

– Это ж… все в последнюю минуту… Он бы нас убил?

– Или что-то хуже, – ответил Азазель. Он тоже дышал с хрипами, грудь часто вздымалась, а по исхудавшему лицу бежали крупные капли пота. – Как же трудно было вырваться… Ты молодец. Это ты нас вытащил, знаешь? Я все силы истратил на усмирение Гамалиэля. Даже я не думал, что он уже настолько силен…

– А нельзя было прямо от него?

– Шутишь? – проговорил Азазель все еще слабым голосом. – Изнутри его скорлупы?.. Надо было вырваться и отбежать…

Михаил спросил похолодевшим голосом:

– А могли бы… не суметь?

Азазель кивнул:

– Еще как! Все, больше так не рискую. Я Азазель, а не безголовый рисковательь!.. Сам себя уважать перестану. Это тебе можно, а я мыслитель! За меня и мои интересы другие воевать должны.

Михаил огляделся.

– Место защищенное от посторонних. Но где мы?.. А то так рвануло, думал, голова оторвется.

– Я расчетливый, – ответил Азазель, – хотя, конечно, бывает…

Михаил покачал головой, вряд ли расчет, на этот раз больше похоже на удачу. Хотя кто знает, что такое удача, возможно, она как раз и есть результат точнейшего расчета на уровне интуиции?

– Гееном, – пояснил Азазель. – Отсюда в мир людей кратчайший путь. Переведем дух, здесь место пустынное, а то я и направить не смогу.

– Я тоже выдохся, – признался Михаил. – Во мне даже кости трясутся… Хотя не такое уж и пустынное место…

Азазель осторожно выглянул из-за валунов. В их сторону двигается целый караван из десятка телег, запряженных бехемами, а еще дюжина крепких воинов верхом на таких же бехемах, только поджарых, едут по обе стороны, держа короткие копья в руках.

– Не местные, – определил Азазель. – Иначе зачем им охрана?

Михаил кивнул, продолжая всматриваться в караван и караванщиков. В мире людей бехемы тоже водятся, там их зовут нильскими лошадьми, те целыми днями лениво передвигаются по болотам, там же и спят, но здесь из-за постоянной жары вывелась порода более сухощавых и быстрых, способных выносить сухость и зной. Сперва их приспособили для перевозки грузов, а потом в армиях начали создавать воинские отряды наиболее сильных воинов, сражающихся верхом на бехемах.

– Пройдут мимо, – сказал он. – Вон там дорога.

– Похоже, – согласился Азазель, – что пройдут. Хотя…

– Что не так?

– Бехемы устали, – ответил Азазель кратко.

Он оказался прав, караван свернул к скалам, за которыми они оба укрылись от ветра и зноя, бехемов развьючили, те сразу легли, а сами караванщики уселись под защитой каменного забора в круг и принялись вытаскивать из мешков еду.

Михаил передвинулся к Азазелю, стараясь рассмотреть всех караванщиков, ушиб ногу о камень, ругнулся, на что Азазель только улыбнулся.

– Скоты, – буркнул Михаил. – Чего им вздрючилось именно здесь?

– Да ладно тебе, – ответил Азазель мирно. – Вот только что,

споткнувшись, зачем облаял ни в чем не повинный камень? Это же ты виноват, что споткнулся! Не ищи виноватых, так получилось, они остановились здесь. Сейчас перекусят и двинулся дальше.

Михаил пристыженно смолчал, с той стороны каменной гряды доносятся голоса, он прислушался, караванщики сперва просто утоляли голод, потом разговор пошел на повышенных тонах.

В центр круга постепенно выдвинулся мелкокостный демон с длинным унылым лицом и обломанными рогами, тщедушный и сгорбленный, только глаза непривычно яркие и блестящие, словно в черепе горит неугасимый огонь.

– …и нужно еще ограничить, – услышал Михаил его горячечную речь. – Да, вернуться к истокам!.. И начать сначала… было же не больше двенадцати месяцев сперва, почему стало вечным?.. Молчи, Гертруд, я не сказал, что в рай!.. Просто освобождаются от мучений, пусть живут, как хотят…

Один из демонов, тяжелый и грузный настолько, что голова сидит не только на плечах без намека на шею, но и наполовину погрузилась в грудную клетку, повернулся к нему всем телом.

– Ты еще скажи, как твердил в прошлый раз, что вообще сражались зря…

Мелкокостный возразил:

– Я говорил не так!..

– А как?

– Та великая битва, – быстро-быстро прострекотал мелкокостный, – из-за чего мы теперь в Аду, случилась тогда, а не сейчас!.. Сейчас мы бы сперва подумали!

Головогрудый гигант нахмурился, сдвинув подвижные костные щитки на лбу с такой силой, что раздался срежет и посыпались оранжевые искры.

– И что бы надумали?

Мелкокостный произнес уклончиво:

– Тогда это было правильным, а теперь это кажется… устаревшим.

Азазель приблизился к Михаилу, сильно пригибаясь, словно под обстрелом, сел рядом, прислонившись спиной к камням.

– Что-то интересное?

– Сам послушай, – шепнул Михаил.

На той стороне притихли, а головогрудый прорычал люто:

– Что?.. Да как ты смеешь так о наших героях?.. Они пролили огненную кровь, сражались дни и ночи, изнемогая под напором превосходящих сил, не дрогнули и выстояли… и если бы не предательство в наших рядах…

Один из демонов прекратил на миг обгладывать берцовую кость с остатками мяса и сказал злобно:

– А он не считает это предательством!

Головогрудый довольно рыкнул, а еще один спросил быстро:

– Алфлутоп, ты в самом деле не считаешь это предательством?

Мелкокостный помедлил, тут скажи хоть «да», хоть «нет», все равно попадешь в ловушку, он покачал головой и сказал таким тихим голосом, что Михаил едва-едва расслышал:

– Пришло другое время. Мы остыли за эти тысячи лет и можем смотреть уже как взрослые. Но можно и этого не делать, не пересматривать… старые раны еще болят. Но я уверен, что можем начать жизнь с чистого листа.

Головогрудый прорычал:

– Это как?

– Принять то, – ответил мелкокостный, – что есть. А потом как-то натужиться и как бы к лучшему! А то Творец с его ангелами на семи небесах, или сколько там их, а мы в семи кругах Ада! Несправедливо.

Головогрудый прорычал со злобной иронией:

– Спасибо, что открыл нам глаза!.. А то мы этого не знали!

Один из демонов, похожий на огромного рогатого жука, проскрипел недовольно:

– Алфлутоп, не говори дурь.

– Почему дурь? – спросил Алфлутоп обиженно. – Дискус, ты не прав!

– Потому что где Творец со своей свитой, – ответил Дискус, морщась, – и где мы? Да и вообще… что предлагаешь? Обличать даже нолы могут. А что предлагаешь?

Все смотрели со злыми лицами, в их глазах Михаил рассмотрел глубоко запрятанную ярость.

Азазель наконец заинтересовался, тоже тихонько выглянул, уже с интересом рассматривая демонов.

Алфлутоп медленно развел в стороны тонкие руки с болтающейся на них кожей и свел их на груди.

– Надо как-то подтолкнуть наших Князей на переговоры.

Все молчали, на лицах враждебность и неприятие, а Дискус прорычал угрожающе:

– Переговоры? С кем переговоры?

– С небесами, – выговорил Алфлутоп с великой неохотой.

– Что-о-о? Просить прощения?

Остальные задвигались, Алфлутоп попятился, у всех такой вид, что готовы схватить и разорвать в клочья.

– Почему просить? – вскрикнул он отчаянно. – Почему

прощения?

– А что еще?

– Я же сказал, переговоры!

– Какие могут быть переговоры с теми, кто сверг нас сюда?

Алфлутоп сказал как можно более убедительнее умоляющим голосом и прижимая ладони к впалой груди:

– Говорят, человек уже примирился с Богом!

Головогрудый проревел оскорбленно:

– Это не пример!.. Эрлен, где Эрлен?.. Скажи ему!

Глава 5

Все повернули головы к старшему караванщику, тот неспешно дожевал кусок мяса, вытер пальцы о грязную косматую шкуру. Сколько Михаил ни присматривался, ничего от демона в нем не заметил, а когда тот заговорил голосом грамотного и образованного человека, стало понятно, что это один из грешников, когда-то в нарушение закона освобожденного самовольничающими демонами от наказания:

– Да все просто… Создатель прислал к людям своего Сына, чтобы наладить разговор. Когда не получилось, ради возобновления союза жестоко и кроваво принес его там в жертву. Это поразило людей и склонило на его сторону.

Алфлутоп вскрикнул:

– А прощение? Что насчет прощения?

Эрлен ответил спокойным голосом интеллигентного человека, вынужденного жить среди дикарей:

– Это пропаганда, если понимаете, о чем я реку. Сын Божий принес себя в жертву во имя искупления прошлых обид и нового союза. А так как нет жертвы выше, сами понимаете, то люди ее приняли… не скажу, что охотно, были кровавые войны, но приняли. С того дня все людские грехи прощены, счета аннулированы, можно с чистого листа.

Азазель тихонько хмыкнул, пихнул Михаила в бок:

– Слышал? Какой поворот!

– Не мешай, – прошипел Михаил.

– Да пока ничего важного, – заметил Азазель. – Просто переврали. Оказывается, это Творец старался примириться с людьми!

Михаил вздрогнул, прошептал в благоговейном ужасе:

– Да ты послушай, послушай!.. Неужели наша миссия принесла плоды так быстро?

Азазель спросил в недоумении:

– Ты о чем?

– Ну, мы же помогли спастись Сыну Божьему?.. Вот уже начал…

Последние слова Михаил договорил упавшим голосом, чувствуя, что несет полную хрень.

Азазель хмыкнул, а после долгого молчания буркнул:

– Ну и дурак ты, Мишка. Сыну Божьему, как его называют в простом народе, дорогу в мире людей не только протоптали, но и проторили. Все созрело и назрело, сотни проповедников шлялись по дорогам и рассказывали о скором приходе Мессии!.. Слышал

про Иоанна Крестителя? Который самого Христа окрестил и сказал ему что-то типа: иди, хлопче, проповедуй!.. У кого получится, тот и будет для простого народа Сыном Божьим.

Михаил всмотрелся в демона-оборванца, и хотя непонятно, каким будет тот, которого они старательно охраняли, спасая от демонов Вельзевула, но все же эти проповеди прозвучат только через пару десятков лет, если не позже. Да и то, если спасенный ими не сойдет с уготованной дороги.

Азазель поглядывает с веселым пренебрежением, Михаил поморщился, сказал нехотя:

– Да, это я сглупил… но ты послушай, о чем говорят!

Азазель осторожно выглянул, демоны заканчивают трапезу, прислушиваются к спору. По виду половина из них люди, что вполне может быть и в самом деле. Уже давно в Аду диктат небес начали считать простыми соглашениями, а в последнее время здесь решили, что все условия выполнять вовсе не обязательно. Потому те из грешников, которые могут принести в преисподней какую-то пользу, освобождаются от наказаний, их берут на службу, пользуются их консультациями и знаниями, а некоторые начинают подниматься по иерархической лестнице.

И то справедливо, поднялся же человек по имени Енох до ранга самого авторитетнейшего из архангелов, так что стал самим Гласом Господа?

Азазель послушал, лицо настолько самодовольное, что Михаил помрачнел и отвернулся, наконец Азазель сказал с прежним высокомерием:

– Я всегда глаголил, странствующие да путешествующие умнее тех, кто сидит дома, протирая штаны.

– Так это ты сказал в древности?

Азазель в удивлении вскинул брови.

– А кто еще?.. Все умное – от меня! И это понятно, не обремененные в пути домашними работами, рассуждают о таком, о чем основная масса вообще не думает, тупо и бесцельно проживая день за днем.

Михаил поморщился, чувствуя себя задетым.

– Это ты о себе не можешь не побахвалиться?.. Тем более не проверить. Можешь себе приписать все на свете. Пирамиды тоже ты построил?

Азазель взглянул с насмешкой:

– Все равно не поверишь.

– Я тоже не сидел без дела! – возразил Михаил с вызовом.

– Да? – спросил Азазель и в наигранном изумлении вскинул брови. – И что же важного ты сделал?

Михаил сжал челюсти, отвечать не стал, работа по

поддержанию стабильности мироздания для всех незаметна, но если ее не делать…

Он вздрогнул, внезапно подумав, а что если в самом деле ничего бы не делал, что-то в мире изменилось бы? Ведь Господь сказал, все главное на Земле…

Стыд нахлынул внезапно, за ним следом пришли разочарование и горькое ощущение, что в самом деле занимался какой-то рутиной, что и без него бы все шло так же точно. А вот Азазель ни одного дня не терял, все узнал, все испробовал, воевал за тех и других, может быть, в самом деле он и пирамиды, сейчас уже видит, что происходит и куда мир движется, а вот он, когда-то сильнейший, теперь у него на побегушках…

С той стороны камней донесся громыхающий голос:

– Вообще-то Алфлутоп, наверное, прав… Я слышал, люди так долго сменялись на Земле, что нынешние уже не помнят, из-за чего Творец рассердился за Адама! Чем их прародитель так напакостил и за что его выставили из Эдема с таким треском, что Бог вообще с того дня не являлся ни к Адаму, ни к его потомкам? Однако со временем Создатель все же смирился с их буйством и непостоянством! Потому, как вон Алфлутоп говорит, и мы должны…

Михаил выглянул из-за камней и увидел, как головогрудый вскочил, возвышаясь над всеми, пластинки на теле затрещали, расходясь в стороны.

– Мы, – закричал он так страшно, что сидящие рядом выронили еду и пригнули головы, – мы потомство тех, с кем Он дрался! Среди нас есть те, кого он низверг с небес!

Алфлутоп горестно взмахнул руками, худое печальное лицо исказилось страданием, но смолчал. Караванщики закричали, воспламененные пламенной речью головогрудого, поднялся такой шум, что в сторонке забеспокоились и глухо взревели расположившиеся на отдых бехемы.

Михаил видел, как морщится Эрлен, но помалкивает, Алфлутоп взглянул на него с надеждой, но Эрлен покачал головой, зато поднялся молчавший до этого угрюмый караванщик, сказал громко и со злостью:

– Да что вы все!.. Знаете же, что Творец не принимал участия в той важной битве! Ну зачем перевираете? Чтобы казаться важнее?.. Против нашего воинства выступила армия во главе с жестоким архангелом Михаилом. Господь вообще не выразил своего отношения, вспомните!.. Низвергли нас силы, которые вел злобный и подлый Михаил! Это он во всем виноват!

Михаил невольно дернулся, рядом Азазель повторил с удовольствием, смакуя каждое слово:

– Злобный и подлый… Бедный у них язык. Меня там нет! Я бы набросал им еще эпитетов целую гору…

– Гад ты, – прошептал Михаил горько, – заткнись, не мешай слушать.

Головогрудый крикнул громко:

– И что, если Михаил? И до него доберемся!

Алфлутоп ожил, ощутив поддержку с той стороны, откуда не ожидал, вскочил и заговорил быстро-быстро, захлебываясь словами:

– А мы обратимся к самому Творцу! Его слова и Его решения так и не было сказано!

– Зато все творилось с Его ведома, – возразил головогрудый грохочущим голосом, – и Его согласия. Как будто архангел Михаил мог иначе! Да это такое ничтожество, что никогда своего мнения не имел ни на что абсолютно. Скажи, что не так!

Алфлутоп в растерянности развел руками.

– Да, все делалось с согласия Творца, но сам Он не участвовал! А это дает нам возможность обращаться к Нему, как к нейтральной стороне…

Головогрудый от неожиданности отшатнулся, остальные вытаращили глаза.

– Нейтральной? – ахнул он. – Ты так ничего и не понял…

– Это ты не понял, – возразил Алфлутоп живо, пока не перебили, – а так Он вроде нейтрален. Возможно, нарочито самоустранился, предвидя такой вот поворот, он же умеет прозревать будущее! Возможно, Он тем самым с самого начала задумал оставить нам шанс обратиться к Нему! Не подумали?

Эрлен поднялся, отряхнул ладони, послышался стук, словно ударил одной деревяшкой о другую.

– Пора, – сказал он деловым и ясным голосом. – Животные отдохнули, а вам отдыхать не положено, если хотите догнать людей в их мире и посоревноваться с ними.

Все начали послушно подниматься, многие с неохотой, отдых был слишком коротким, продолжали переговариваться. Михаил услышал, как Эрлен, поравнявшись с Алфлутопом, спросил тихонько:

– Зачем?

Алфлутоп ответил так тихо, что Михаил едва расслышал:

– Переговоры всегда лучше, чем глухая и непрекращающаяся вражда.

– А что надеешься получить, – спросил Эрлен, – если переговоры все-таки начнутся?

– Ясность, – ответил Алфлутоп все так же кротко. – И надежду. Мы не уверены, что Небеса до сих пор жаждут держать

нас здесь, как держали в первые дни и годы после страшного сражения. А если даже хотят, мы должны разуверить их.

– Обмануть?

Алфлутоп покачал головой:

– Нет. Мне почему-то кажется, что мы уже не те, что когда-то начали ту борьбу. Мы – другие. И те цели сейчас кажутся недостаточно… важными, чтобы из-за них началась такая исполинская битва. Нужно убедить наших Князей Ада…

Они постепенно удалялись к бехемам, дальше Михаил уже не слышал, как и Азазель, судя по его разочарованному виду.

– Сейчас уберутся, – сказал он недовольно, – можно бы прыгнуть вон туда… Сил хватит?

– Зачем туда?

Азазель ткнул пальцем в пространство:

– Видишь вон ту кучку красного песка? Я чувствую, туда тянется тоненькая ниточка антисфироты… Считай, тебе повезло.

Михаил всмотрелся, вздрогнул.

– Даже вижу… по ней сползают капли незримой тьмы! Четверти часа мне хватит напитаться, из ушей начнет выплескиваться… На перемещение будет вполне, а нам же пока больше и не надо?

Азазель выскочил из-за камней первым, караван уже отдалился настолько, что даже если там и оглянется кто, то не обратит внимания, да и чего им оглядываться, когда и мир преисподней начал вглядываться в будущее.

Глава 6

Вблизи темная ниточка не показалась толще, напротив, как будто истончилась, даже стала прерывистой, Михаил на всякий случай замедлил бег, осторожно прикоснулся вытянутой рукой к сползающим каплям. Подушечки пальцев ожгло, словно окунул в ледяную воду, но тут же ощутил, как холод трансформировался в тепло, что от ладони потекло по руке к плечу.

Азазель сказал одобрительно:

– Вот-вот, а сейчас ты должен быть, как тряпка.

– Что-о?

– Которая вбирает воду, – пояснил Азазель. – Лучше всего ляг и расслабься. Представь себе, что в самом деле мокрая тряпка, повисшая на бельевой веревке.

Михаил нахмурился.

– Ну и сравнения у тебя… Ничего оскорбительнее не придумал?

– Ну тогда, – сказал Азазель, – как дохлая гадюка, брошенная на забор. Как огромный дохлый змей, могучий и страшный, что свесился разбитой головой до самой земли, а половина туловища и длинный хвост на той стороне забора…

Михаил поморщился, Азазель не Азазель, если не лягнет, но все же прав, нужно предельно расслабить мышцы и все тело, так темная мощь поглощается и расходится по телу быстрее.

Усталость прошла в первые же минуты, он начал медленно закрывать глаза, отдаваясь сладостному чувству, однако рядом Азазель приподнялся на локте, Михаил увидел, как сдвинулись его брови, во взгляде падшего ангела проступила настороженность.

– Что там? – спросил Михаил вяло.

– Да пока…

– Что-то серьезное?

– Пока нет, – ответил Азазель, – но за теми караванщиками, похоже, погоня…

Михаил поднялся, хотя стоя труднее вбирать капельное поступление темной мощи, рассмотрел вдали быстро расширяющееся облачко пыли.

– Хорошо идут, – прокомментировал Азазель. – Догонят.

– Если тех не ждет помощь впереди, – ответил Михаил. – Похоже, знают, что может быть погоня, спешат.

– Везут что-то ценное? – предположил Азазель. – Или украли нечто важное… Хотя могут быть и какие-то разборки…

Некоторое время следили, как из облака пыли вынырнуло

стадо грузно скачущих бехемов. Всадники в темно-серой одежде смотрятся как безобразные горбы на спинах животных, но вскоре там заблистали холодные искорки на металлических доспехах и шлемах.

– Ого, – сказал Азазель, – настроение у них веселое.

– Злые, – ответил Михаил с неодобрением и снова лег. – Нехорошо.

– Злость, – произнес Азазель авторитетно, – двигатель прогресса. А также культуры и гуманизма!..

Михаил с опаской посматривал на всадников, все выныривают и выныривают из пылевого облака, что протянулось на четверть мили.

– Не меньше двух сотен, – сказал он. – Похоже, все серьезно.

– У караванщиков нет шансов, – заметил Азазель бесстрастно. – Даже если их там ждет помощь. Погоня все учла и ко всему готова.

Они смотрели, как тяжелая конница несется мимо, грохот копыт по выжженной земле стал оглушительным, а когда основная масса пронеслась мимо, небольшая группа всадников отделилась и почти на той же скорости понеслась к ним.

Азазель торопливо вскочил на ноги.

– Ого!.. Это мы их заинтересовали или…

Михаил медленно приподнялся на локте.

– Мы?..

Группа всадников, как он определил издали, явно элитный отряд, бехемы очень крупные и поджарые, а седоки в доспехах и все до единого в шлемах из тусклого металла.

Их предводитель издали вперил в них обоих острый взгляд, что-то сказал сопровождающим. Михаил дернулся, когда у тех в руках сразу появились мечи с длинными расширенными к концу лезвиями.

– Азазель! – прокричал предводитель в гневе. – А я подумал, кто это в пустыне увидел нить антисфироты и поспешил пристроиться?.. Как хорошо, что мне не пришлось за тобой гоняться!..

Михаил вскочил, за спиной вожака в полной готовности к бою шестеро крепких и очень рослых воинов, их лица показались одинаковыми, не сразу сообразил, что это наверняка родные братья.

Азазель широко улыбнулся, но Михаил увидел как напряжение в его лице, так и то, что пальцы нависли над рукоятями пистолетов.

– Сэт, – проговорил Азазель ясным голосом, настолько ясным, что Михаил почти увидел перед собой ледники Антарктиды. –

Сэт… у тебя сложное положение, я тебе соболезную…

Михаил вздрогнул, вот почему лица всадников показались знакомыми, это же отец Кезима с сыновьями, братьями Кезима, а всадник вскричал яростным голосом:

– Это у меня сложное?

Михаил тоже выхватил оба пистолета и приготовился к стрельбе, но если вдруг пули окажутся бессильными перед этими наверняка могучими демонами, надо успеть уронить на песок и ухватиться за рукоять меча.

Сэт невольно скользнул по нему взглядом, Азазель сказал быстро:

– Ты же знаешь, Кезим обманул Князей Ада!

– Это неправда!

Азазель покачал головой:

– Что, не все об этом знают?.. Нет? Тогда пора им сказать…

Сэт обнажил огромный клинок и процедил зловеще:

– Ты уже никому ничего не скажешь!.. Даже мне!

– Не глупи, – посоветовал Азазель. – Мы знаем тебя и твои силы, а вот ты не знаешь наши. Разумно ли так говорить тебе, если ты все еще глава могучего клана?

Михаил снова ощутил на себе беглый взгляд Сэта, набычился и постарался смотреть угрожающе исподлобья, молодец Азазель, нашел слабое место, проще всего сражаться с теми, кого знаешь, а он сейчас для противника темная лошадка.

– Кезим, – продолжал Азазель таким спокойным голосом, что даже воздух зазвенел от напряжения, – украл у Князей Ада общие сокровища! Потому и говорю, у тебя сложное положение… Можно сказать, Кезим был наказан за кражу, хотя Князья предпочли бы это сделать сами. Потому у них лично по этому делу не должно быть претензий к моего загадочному другу. И если попытаешься отомстить за гибель сына, Князья Ада могут это принять, как вызов им самим.

За спиной Сэта воины корчили страшные рожи, скрежетали зубами и размахивали мечами, однако Сэт проговорил уже несколько тише, хотя и с тем же гневом:

– Я не одобряю поступка Кезима, но я обязан отомстить за гибель своего первенца. Это закон клана!

Азазель ответить не успел, Михаил решил, что пора и ему бросить свою карту на стол, выпрямился и сказал с холодной жестокостью:

– Попытайтесь, если сможете. За вашей спиной, судя по их одежде и доспехам, с полдюжины ваших сыновей? Даже если вам такое удастся, в чем сомневаюсь, я успею перебить вас всех. Не знаю, прервется на этом ваш род или нет, но потерю вы оцените.

Если вы к этому готовы, давайте начнем.

Он сунул пистолет в правой руке в кобуру и нарочито медленно протянул руку за спину к рукояти незримого меча. Сэт и его шестеро сыновей застыли, глядя на него немигающими глазами, а Михаил не отпускал взглядом Сэта и вдруг сам ощутил, что готов и даже с охотой вступит в бой.

Похоже, Сэт это почувствовал, а пока готовился ответить, Азазель воскликнул в сторону Михаила:

– Стой-стой!.. Не горячись. У благородного и уважаемого Сэта тоже горячий характер, но он не стал бы главой клана, если бы не умел рассуждать трезво и мудро. Не говоря уже о том, что на карту поставлена жизнь остальных детей мудрого Сэта. А то и клана, я же знаю твою ярость, тебе трудно остановиться, когда чувствуешь вкус чужой крови…

Михаил задержал руку с растопыренными пальцами над плечом, где возникла и скользнула в ладонь рукоять очень простого меча. Сэт впервые взглянул с тревогой, такие простые делали только в древности, а древние мечи накопили огромную мощь.

Азазель уловил колебание главы клана и заговорил громче, настойчивее:

– Мы должны согласиться, что вспыльчивый и отважный Кезим совершил не очень вообще-то достойный поступок.

Сэт отрезал:

– Никому не возбраняется искать сокровища!

– Я не о сокровищах, – ответил Азазель. – Я сам слышал, как он называл Князей Ада выжившими из ума дураками. У нас есть и другие свидетели, что подтвердят его слова перед Князьями… Так что ради мести за сына можно не только потерять остальных детей, но и восстановить против себя владык преисподней.

Он замолчал, глядя на Сэта испытующе. Сэт зло стиснул челюсти, некоторое время метал на Михаила и Азазеля испепеляющие взгляды, наконец прорычал:

– Давайте отложим этот… вопрос.

– Прекрасно, – воскликнул Азазель с облегчением. – Мудрое решение! Все нужно обдумывать и хорошенько взвесить. Возможно, найдем какие-то другие взаимоустраивающие формулы, что не ущемляют честь рода.

Сэт брезгливо поджал губы, взгляд его стал холодным и отстраненным.

– Вряд ли, – произнес он. – Ты Азазель!..

– Я самый, – подтвердил Азазель гордо.

– Не враг, – произнес Сэт ледяным голосом, – но отступник, а это еще хуже, чем прямой враг. Ты многих убедил отказаться от

борьбы с небесами, Князья Ада это помнят и никогда не забудут.

Он потянул на себя повод, бехем глухо заворчал и медленно отступил на два шага. Остальные тоже подали животных назад, расступились.

Сэт повернул бехема и уже через плечо крикнул Азазелю с угрозой:

– Мы еще встретимся, Азазель!

– Рад был повидаться, – ответил Азазель миролюбиво. – С тобой всегда приятно иметь дело.

Сэт сверкнул очами, могучий и грозный, пришпорил бехема, и снова земля задрожала под тяжелой поступью гигантов.

Михаил с облегчением выдохнул, сердце колотится, сказал вздрагивающим голосом:

– Ну и жизнь у тебя… Вот так все время?

– Правда, здорово? – спросил Азазель.

– Гад ты бесчувственный, – сказал Михаил. – Все тебе хаханьки, а для него это всерьез! Да и для меня.

– Хаханьки, – согласился Азазель, – но вообще-то у меня не такая толстая кожа, как ты думаешь. Просто жить и не хаханьичать – в петлю полезешь, а так посмотришь под особым углом, чтобы смешное увидеть, и сразу отпускает. У тебя как с юмором?

– Юмор не для серьезных людей, – отрезал Михаил.

Он неотрывно смотрел вслед ускакавшим за основным отрядом всадникам, за ними взвилось почти такое же огромное облако пыли, как и за остальными.

– А что, – поинтересовался он, – ты в самом деле многих склонил смириться с волей небес?

Азазель фыркнул:

– Смириться? Ты слышал хоть раз, чтобы я употреблял это мерзкое слово? У великих героев, подобных мне, его нет, как у Суворова не было слова «ретирада».

– Но…

– А никаких «но», – отрезал он. – Какой довод может убедить смиряться или не смиряться, если там не созрели сделать это сами? Все меняются, Мишка!.. Лестно, когда мне приписывают такие деяния, но это так… как к Чапаеву присобачивают все анекдоты. Ты как?

Михаил ответил без уверенности:

– Могу набрать вдвое больше… или даже не знаю, но вроде бы для прыжка обратно должно хватить? Мне бы не хотелось здесь задерживаться.

Азазель кивнул:

– Да. Я тоже отдохнул.

– А ты, – спросил Михаил осторожно, – как… восполняешься? Тебе не хочется попробовать…

– Как попробовал Гамалиэль? – спросил Азазель. – Нет, даже не тянет. Я давно как-то определился, что мне можно и что неможно. Хотя рамки установил для себя ого-го какие широкие, но все-таки рамки, а выходить себе запретил. Уже знаю жизнь, я же учусь не только на своей дури.

Михаил заметил с холодком:

– Когда про человека говорят, что «знает жизнь», подразумевается, что не слишком честен.

– Честность, – парировал Азазель, – это синоним глупости. А я что, похож на дурака? Потому да, я знаю жизнь, и даже знаю ее хорошо!..

– А Гамалиэль?

Азазель помрачнел, на лице проступило выражение сожаления.

– Если бы только один Гамалиэль, – проговорил он с печалью. – Увы, он не один вышел за рамки… а я вот могу учиться и на чужой дурости, хотя на своей, конечно, запоминается лучше. Ну ты это по себе хорошо знаешь… Ладно, соберись. Я нацелюсь и задам вектор, а ты подключайся со всей своей первобытной дурью… Только мой дом не снеси.

Михаил спросил опасливо:

– А я могу?

– Нет, конечно. Хотя кто тебя знает, если дать тебе волю. Но я не дам… Я деспот, Миша. Только деспотия спасет мир!

Он крепко ухватил Михаила за локоть, мир застыл, а затем разом вспыхнул жарким огнем, словно они влетели в недра Солнца, тут же все поглотила извечная тьма, раздался грохот, в немыслимой дали проплыли обломки исполинских миров, в черноте двигаются страшные фиолетовые смерчи, что сметают звездные рои и закручивают их в спирали с жуткой скоростью все быстрее и быстрее, в темноте появляются непонятные дыры, ведущие в Ничто, ужасающие отсутствием даже времени и пространства…

Глава 7

Он смутно чувствовал, как его подошвы ударились о твердое. Перед глазами еще уплотненные складки пространства, но уже ощутил, что тело его в уютной кладовке Азазеля, рядом слышится надсадное дыхание, затем в сознание прорвались слова:

– Ну ты и… Чуть нас не оставил там!

– Где? – просипел не своим голосом Михаил.

– Где-где, – переспросил Азазель нервно, но не досказал, только вздохнул тяжело и с хрипами. – Знал бы… где!

Зрение прочистилось, хотя сердце еще колотится в ужасе, по телу проходит волнами частая дрожь, но уже увидел ручку на двери и засов, дотянулся, но покосился на Азазеля.

– Ты как?

– Есть и пить, – огрызнулся Азазель. – Я же человек, не то что ты, пернатое! Я только так восполняю…

Михаил смолчал, Азазель не только так восполняет, ну да ладно, открыл дверь в солнечную прихожую и шагнул за порог. Вообще-то два роскошных окна в стене не окна, а экраны, где всегда прекрасная погода, но какая разница для человека, он согласен на любой обман, если это приятный обман.

В гостиной их услышали, первой выскочила Обизат, обгоняя Бианакита. Ее огромные зеленые глаза впились взглядом в его лицо, он почти ощутил ласковое прикосновение, словно пахнуло теплым воздухом.

– Целы? – спросила она с тревогой и беспокойством.

Азазель ухмыльнулся:

– Шутишь?.. Всего лишь прогулочка на свежем воздухе!.. Красиво, мирно, тихо, даже вспомнить нечего. Мишка вообще заснул. Я его толкаю, чего спишь, а он говорит, Обизат снилась, не хочу просыпаться… Я постеснялся спрашивать, как именно снилась.

Обизат мило покраснела и сказала счастливым голосом:

– Правда?.. Я старалась. Какие-то новости есть?

– Задача выполнена, – сообщил Азазель. – Давайте за стол, расскажу подробности. Мишке такое не доверю, он скучный и занудный.

Михаил молча направился на кухню. Если Азазель говорил насчет стола, то явно не о том рабочем, что у него в комнате, именуемой кабинетом. Похоже, и правда все важные вопросы решаются на кухне, а за красивыми канцелярскими столами только облекаются в торжественные и обтекаемые формулировки.

Обизат за кухонным столом с обожанием смотрела на самого

великого воина, Бианакит ожидающе поглядывал на обоих, Азазель с рассказом медлил, а пока Сири неуклюже расставляла манипуляторами на столе блюда, создал четыре великолепных блистающих бокала и, наполнив их темно-красным вином, кивком велел взять в руки.

– Все удалось, – сообщил он. – Нет-нет, мы не закрыли портал, как ожидает Обизат, не все так сразу, но узнали его местоположение.

– Где? – поинтересовался Бианакит. Он, без церемоний и не дожидаясь тоста, отпил половину содержимого бокала, взглянул поверх края на Азазеля: – Нам… доступно?

– Хороший вопрос, – одобрил Азазель. – Сразу чувствуется воин. С любых высот в любое место… А придется в самом деле с наших высот. И глубоко… За свершения!

Бокалы встретились над серединой стола, звякнули, коснувшись краями. Азазель осушил разом и сказал на выдохе:

– Но сперва нужно кое-что уточнить.

Бианакит сказал с настороженностью в голосе:

– Судя по голосу, «кое-что» это «много чего»?

– Это зависит, – ответил Азазель. – Для кого-то многое, а для нас… смотря кто мы. У Гамалиэля узнали, где портал, осталось узнать, кто охраняет, какие ловушки, и, главное, почему о нем никто не знает.

Михаил сказал осторожно:

– Раз через него попадают в наш мир, кто-то же знает?

– Я уже подергал за все концы, – напомнил Азазель, – но глухо, представляете?.. Это при моих-то связях!.. Да вы пейте, чего рты разинули?.. Это аперитив, вам нужно для разжигания аппетита. Это мы с Мишкой голодные, а вы тут целый день жрали, вон морды какие…

Обизат обиженно надула губы, Бианакит довольно усмехнулся. Азазель острит, значит, прошло успешно.

– Хорошее вино, – сказал Бианакит. – Клянусь, мы твои запасы не опустошали! Хотя Обизат и уговаривала.

Обизат взглянула с обидой, Азазель усмехнулся и сказал небрежным тоном, как о вещи само собой разумеющейся, и которую знают все на свете:

– В книге сахариэльцев я прочел кое-что и о нынешнем положении дел. Как ни странно, некоторые важные эпизоды прошлого опущены, хотя я их хорошо помню.

Бианакит обронил спокойно:

– Я слышал, что люди – существа с непредсказуемой историей прошлого.

– Люди всегда приукрашивают свою историю, – согласился

Азазель, – потому сейчас, когда сошлись в попытке глобализации, оказалось, что у всех своя и единственная правильная история мира, а остальные на деревьях сидели и бананы жрали. Но сахариэльцы!.. Они же не человеки! По крайней мере, Первые, что вели записи начальную тысячу лет.

– Они тоже приукрасили? – поинтересовался Михаил.

Азазель ответил медленно:

– Я предпочел бы этот вариант…

Михаил насторожился, взглянул с тревогой.

– Подозреваешь…

– Да, – ответил Азазель, – похоже, кто-то делал целенаправленно. Работает чей-то долгосрочный план.

– Но их почти всех убили, – напомнил Михаил.

– Не всех, – уточнил Азазель. – Не всех… Ладно, вы ешьте, а то, похоже, я аппетит отбил, а это преступно в современном мире, что борется с эпидемией ожирения. Пробелы в летописи очень нехарактерны для фанатиков, что ведут летопись с того дня, как мы спустились на гору Хермон…

Михаил сказал мрачно:

– С того дня, как ты соблазнил покинуть небеса ради жизни на Земле двести доверившихся тебе невинных существ, так и говори, ибо врать нехорошо.

– Че, – изумился Азазель, – правда?

– Правда, – подтвердил Михаил сурово и величаво. – Нехорошо!

Азазель с самым независимым видом пожал плечами.

– У всех свои головы. Конечно, мое красноречие велико, но никого не заставишь уронить топор себе на ногу.

Бианакит поинтересовался с сомнением:

– Что, в самом деле никого не мог заставить?

Азазель ухмыльнулся с таинственным видом, дескать, он скромный, себя никогда не хвалит, ну вот никогда, но вообще-то как-то давал уроки молодому Цицерону…

– Летопись, – сказал он, – велась от тех великих дней до нынешнего времени и, уверен, ведется и в этот момент, Кенгшоэль и Вапроэль уцелели, а они подберут еще сторонников своей благородной идеи… В их летописи есть упоминание насчет Общества «Ма Леама», что возникло где-то лет двести тому, но существует и сегодня… Вы удивитесь, но его члены придерживаются полного запрета переселения в мир людей!

Обизат широко распахнула глаза.

– Почему? Здесь так прекрасно!

Азазель ухмыльнулся:

– Вот-вот. Но есть и общество «Звезда Велиала», что поощряет

агрессивное переселение, рассчитывая со временем захватить мир людей. Это общество появилось всего лишь в прошлом столетии, но разрослось, обретает силу и могущественных покровителей. Кто не знает, сообщу, что у людей, судя по записям в гримуарах, демон Ада Велиал появился сразу после Люцифера и одним из первых пал с небес, где до этого был даже более достойным ангелом, нежели расхваливаемый любимчик небес Михаил.

Михаил нахмурился.

– Вранье.

– Точно? – спросил Азазель с подчеркнутым сомнением. – А то я уже подзабыл такие мелочи. Человеки, понятно, все на свете знают! А чего не знают, там важно надувают щеки.

Обизат все порывалась что-то сказать, но Бианакит придержал за плечо, а сам проговорил с некоторым сомнением в голосе:

– Азазель, ты из тех, кто ничего не забывает, но зачем-то хитришь и прикидываешься. Люцифер да, блистал, потому и оттеснял других, но уж никак не Велиал. Был бы он так велик и силен, как говорит о себе, не попал бы в сосуд к Соломону!

– Это да, – согласился Азазель, – тогда сглупил, он проще Люцифера, но все же преисподней правил до тех времен, пока не возвысился Сатан!

– Недолго, – напомнил Михаил.

– Но правил, – сказал Азазель. – Так что и сейчас велик и полон мощи, а влияние по всем уровням преисподней… скажем мягко, обширно и значимо. Я бы сказал, первый после Сатана. Сатан умнее и хитрее, Велиал проще, но у него просто дикая мощь, Мишка. Если вдруг встретимся – тьфу-тьфу! – даже не вздумай взглянуть на него с недостаточным почтением! И вы все держитесь почтительно.

Обизат вздрогнула и посмотрела со страхом, а Бианакит поинтересовался медленно и тягуче:

– Ты что хочешь… Велиал главнее, а Сатан при чем?

– Да так, – ответил Азазель нагло. – Почему-то почудилось, что можем встретиться и с Велиалом. Я предусмотрительный, все предусматриваю и предусматриваю.

Бианакит хмыкнул:

– А оно берет и не случается.

– Потому что испугалось моей предусмотрительности, – объяснил Азазель. – Сейчас наша цель – закрыть портал, через который из Ада в наш мир прут эти гады! Это непросто, как вон Мишка выяснил и даже решил, кто бы подумал, что это нехорошо. Но мы сумеем. А как, Мишка придумает.

Обизат посмотрела на Михаила с восторгом, как на светоч

мудрости, Бианакит покачал головой с укором в глазах, зачем это соратника и воина так уж обижать, называя умным.

– Организация, – сказал он, – и там организация, и дальше еще наверняка… а что у нас?

Азазель сказал пафосно:

– У нас только дружба!

Бианакит вздохнул:

– Ладно, посмотрим, что крепче.

– Михаил, – пояснил Азазель, – больше верит в дисциплину. Милитарист! Но и дружба как бы ничего. По милой наивной старинке, когда и трава зеленее, и девки толще.

Сири посмотрела, у кого тарелка опустела, и разложила остатки прожаренного мяса в виде добавки. Михаил снова взял нож и вилку в руки, Обизат тут же все собезьянничала, а Бианакит, глядя на них, с довольным видом наполнил фужеры.

– За победу? – спросил он.

Азазель вскочил, благодушие слетело с него, словно ветром сдуло. Ладонь Михаила как будто сама по себе метнулась к рукояти пистолета.

– Что случилось?

– Сатан, – проговорил Азазель жестко. – Сатан хочет войти.

– Разве у него все еще доступ?

– Нет, – ответил Азазель, – потому и просит открыть.

Лицо его стало холодным и жестким, Михаил ощутил волну жара, сердце застучало чаще. Пистолет в кобуре, но это не для Сатана, теперь нужно сразу вскидывать руку к плечу и хвататься за рукоять меча.

Азазель скомандовал:

– Все к стенам! Держите его на прицеле. Убить не убьете, но чуть ослабите, тем самым у меня будет шанс. Без команды не стрелять… Все, впускаю!

С тем же застывшим лицом властно протянул в сторону середины комнаты руку с крепко сжатым кулаком, резко растопырил пальцы.

Михаил вздрогнул, в центре комнаты возникла узкая, словно прорезанная бритвой, щель в пространстве. С той стороны мелькнула ужасающая тьма Безмирья, пахнуло резким холодом.

Он с дрожью увидел, как с той стороны в щель вдвинулась ладонь, пальцы ухватились за край.

Михаил чувствовал, с каким усилием тот, кто пытается войти, раздвигает края пространственной трещины. Резкий холод пробрал до костей, в щели появилось плечо, а затем и голова Сатана.

Он сразу окинул их острым взглядом, моментально

схватывая, кто где стоит и что у них в руках. Михаил задержал дыхание, когда Сатан с усилием протиснулся на эту сторону.

Края щели за его спиной тут же сомкнулись. На миг в воздухе, не касаясь потолка и пола, возникла бугристая полоска, словно шрам от длинной раны, и тут же все исчезло.

Сатан, не сходя с места, проговорил неприятным голосом:

– Азазель, у тебя преданные соратники. Знают, что могу их… но готовы в бой, давая тебе шанс.

Азазель поинтересовался:

– Что-то случилось?

Сатан сказал мирным голосом:

– Может быть, сядем?.. Мы не соратники, знаем, но и не враги. Хоть и противники… в некоторых случаях.

Михаил перехватил взгляд Азазеля, дескать, оставайтесь на местах и будьте наготове.

– Садись, – ответил Азазель настороженно, – где желаешь. Мне казалось, ты давно перестал считаться с правилами вежливости. Как и вообще… с правилами.

Сатан кивнул, но шагнул не к столу на кухне, где столешница заставлена блюдами с остатками еды, а отошел в сторону гостиной, где и опустился в ближайшее кресло.

Держится, как заметил Михаил ревниво, все равно по-хозяйски, властелин преисподней всегда полон величия и гордыни, хотя только что испрашивал разрешения войти в жилище Азазеля.

– Ты прав, – ответил Сатан несколько запоздало, – но с равными себе соблюдаю.

Азазель с таким же хозяйским видом подошел и сел напротив, взгляд его оставался острым и проницательным.

– И часто с ними общаешься?

Сатан поморщился.

– Как ты любишь неприятные вопросы! Знаешь хорошо, мы почти не общаемся даже с соратниками. Особенно с кем вместе потерпели поражение от верноподданной сволочи во главе с тем идиотом Михаилом-архангелом.

Азазель кивнул.

– Да-да, а с низшими теряешь хорошие манеры. Я вижу, что-то хочешь сказать, но не решаешься. На тебя непохоже. Что случилось такое… особенное?

Михаил бросил взгляд на Бианакита и Обизат, стоят так, чтобы броситься на Сатана с разных сторон, но чтобы и Михаилу дать возможность нанести смертоносный удар.

Сатан тоже мазнул по ним цепким взглядом, чуть ухмыльнулся.

– Преданы тебе, еще не знают, что их тоже предашь… А ты не знаешь, что случилось? Делаешь вид, что, как всегда, ни при чем?

Азазель широко улыбнулся:

– Посмотрим. Я заинтригован. Может, и признаюсь, если что-то сногсшибательное. Люблю приписывать себе чужие победы!.. Давай, говори. Давно тебя таким не видел. Прям сгораю от нетерпения. Погоди, налью вина. Ради такого случая не поскуплюсь, хотя я вообще-то жадный, что у протестантов считается добродетелью.

Сатан чуть наклонился вперед, всматриваясь в его лицо и стараясь уловить малейшие изменения.

– Налей, не откажусь. Значит, не догадываешься?.. А что такой хитрый?

– Я всегда хитрый, – напомнил Азазель. – Но заинтригован. Тебя непросто поставить в позу пьющего оленя. Или римлянина, завязывающего сандалии. Так в чем дело, мой древний враг?

Он повел дланью, на столешнице ликующе заблистали радостные блики на выпуклых боках фужеров с ярко-красным вином. Сатан взял ближайший, Михаилу почудилось, что сделал только для того, чтобы снизить накал враждебности.

– Неделю тому, – сказал он размеренным голосом, не спуская взгляда с лица Азазеля, – неделю тому убит Танпэсиэль, один из сыновей Велиала…

– Соболезную, – сказал Азазель равнодушным голосом, – и что? Убит и убит. Не он первый. Вот Авеля убили, шум еще какой был! До сих пор на Земле помнят. И когда Ламех убил Каина, тоже не забывают. Хотя помнят уже не все.

Сатан проговорил с едким сарказмом:

– Смотри, даже глазом не моргнул. Хорошо держишься! Ладно, а днем спустя был убит Молиэль, сын Вельзевула.

– Здорово, – ответил Азазель так же равнодушно. – Красиво убит?.. Или что-то особенное?

– Нет, – ответил Сатан. – Ничего. В твоей обычной манере, в спину. Но прошел еще день, и убили Фаттануха, сына Теумиэля.

– Хорошее начало, – одобрил Азазель. – Кто там следующий? Какие-то разборки между кланами?

Сатан откинулся на спинку кресла, глаза потускнели.

– Вряд ли разборки, похоже на личное. Скажи честно, кого из них убил ты?.. Или всех троих?